

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО ПО СРЕДСТВАМ
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ,
ОБЩЕСТВЕННЫМ И РЕЛИГИОЗНЫМ
ОРГАНИЗАЦИЯМ КБР

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор – ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафиц

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

---

1. 2014 ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ, 2014 ГОД

Календарь знаменательных и памятных дат

Абазов Альбек Чамирович	50
Ацканов Руслан Хасбиевич	65
Ашижев Борис Озиревич	75
Беппаев Муталип Азноврович	65
Гадиев Ибрагим Матгериевич	80
Гутов Адам Мухамедович	70
Зумакулова Танзиля Мустафаевна	80
Кармоков Мухамед Мухажидович	85
Кудаев Владимир Жантемирович	60
Мизов Ахмед Лионович	60
Ольмезов Мурадин Муссаевич	65
Османов Хиса Лейлунович	60
Сарахов Александр Аюбович	80
Текуев Жамал Махаевич	80
Толгуров Зейтун Хамитович	75
Тхагазитов Зубер Мухамедович	80
Хакушев Андрей Ханашхович	85
Хаупшева Леля Мацевна	85
Хашукаев Олег Амдулахович	50

Памятные даты (дни рождения)

1	Акбаев И. Я.	140	15	Мечиев К. Б.	155, октябрь
2	Аксиров З. А.	95, 15 мая	16	Мокаев М. Х.	75, 15 июня
3	Асанов Л. Т.	140	17	Ногмов Ш. Б.	220
4	Байзуллаев А. Л.	75, 20 марта	18	Пачев Б. М.	155
5	Гетегев В. А.	80, 1 августа	19	Рябов Б. И.	105
6	Грудзинский В. А.	90, 12 октября	20	Сокуров М. Г.	85, 25 декабря
7	Камергоев А. Ж.	75, 3 августа	21	Теммоев Х. К.	105
8	Кашежева И. И.	70, 12 февраля	22	Тубаев М. М.	95
9	Каширгов Х. Х.	100	23	Шаханов Б. А.	135
10	Кочкаров К. Б.	180	24	Шекихачев П. Д.	125
11	Крымшамхалов И. П.	130, 31 марта	25	Шеретлоков Т. А.	130
12	Максидов А. А.	70, 28 июня	26	Шериев А. М.	100
13	Мальбахов Э. Т.	75, 4 февраля	27	Шогенцуков Н. Х.	90, 11 июля
14	Маммеев И. Ш.	95, 17 октября	28	Уянов О. Х.	75, 27 декабря

Дни памяти

Шогенцуков Али Асхадович (28.10.1900 – 29.11.1941)
 Кешоков Алим Пшемахович (22.07.1914 – 29.11.2001)
 Кулиев Кайсын Шуваевич (01.11.1917 – 04.06.1985)

* Если не указана дата, Союз писателей сведениями не располагает.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Начиная с этого номера, на страницах нашего журнала будут публиковаться материалы, посвященные 200-летию со дня рождения великого русского поэта М. Ю. Лермонтова.

Вести юбилейную рубрику мы попросили известного в нашей стране и за рубежом русского поэта, секретаря Союза писателей России, лауреата литературной премии России, председателя Международного фонда имени М. Ю. Лермонтова Анатолия Анатольевича Парпара.

Анатолий ПАРПАРА

«ОН НАЧАЛ СРАЗУ КАК ВЛАСТЬ ИМЕЮЩИЙ»

Так сказал о Михаиле Юрьевиче Лермонтове великий писатель граф Лев Николаевич Толстой, перефразировав стих Евангелия от Матфея («Ибо Он учил, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» /гл. 7, ст. 29/). И действительно, не желавший печататься в журналах, молодой сочинитель настойчиво работал над своей поэмой «Демон», улучшал поэму «Боярин Орша», не переставал трудиться над драмой «Маскарад». В его архиве были уже десятки стихотворений, которые войдут в сокровищницу мировой лирики: «Русская мелодия», «Предсказание», «1831-го июля 11 дня», «Прекрасны вы, поля земли родной». «Настанет день – и миром осужденный», «Я не унижусь пред тобою», «Нет, я не Байрон, я другой», «Парус», «Опять народные витии», «Бородино»... а читатель ещё не знал, что уже живёт и действует, что уже созрел для славы гениальный поэт, преемник знаменитого Пушкина. Это был не известный, не открытый миру поэт. А явился он России в горестные для неё дни, когда оплакивала она смерть Александра Сергеевича Пушкина, «солнца русской поэзии» по замечательному определению А. Одоевского.

Лермонтов был болен, когда до него дошло известие о гибели поэта и светские слухи, и сплетни о причине дуэли. Он был возмущен тем, что «высший свет» оправдывал убийцу, и, по его словам, «излил горечь сердечную на бумагу».

«Смерть поэта» заканчивалась строкой:

И на устах его печать.

Реакция на это гневное стихотворение в «высшем свете» была неожиданной: оно вызвало смуту, раздражение и даже похвалы Дантесу. Один из родственников поэта, дипломат, пришёл к автору

защищать убийцу. Лермонтов разгневался, выгнал его... и написал шестнадцать строк, ставших знаменитыми. Этих крамольных стихов простить ему не смогли, и Михаил Лермонтов в первый раз был сослан на Кавказ: дерзкого корнета перевели прапорщиком в Нижегородский драгунский полк, действовавший там.

Но эта ссылка стала и переводом неизвестного никому стихотворца в знаменитые поэты. А мыслящая Россия поняла, что честь её спасена, что знамя, выпавшее из рук Пушкина, попало в надёжные руки прапорщика-знаменосца: «...я родину люблю. И больше многих...». Эти проникновенные слова семнадцатилетнего юноши прошли испытание временем и отзываются в сердцах многих поколений, радостно и светло, как слова молитвы в устах верующего.

Отныне на оставшиеся ему четыре года земной жизни – и на всю вечность небесной – имена двух классиков русской литературы стали неразрывно ставиться рядом: Пушкин и Лермонтов, Лермонтов и Пушкин, в зависимости от влюблённости в одного или другого. Но родство этих двух любезных славянскому слуху имён уходит корнями в невиданную глубину, ибо мать их – Москва, а отец их – природный русский язык.

Очень красноречиво о значении этих, родственных нашему сознанию поэтов, поведал нам писатель и философ Дмитрий Мережковский: «С годами я полюбил Пушкина, понял, что он велик, больше, чем Лермонтов. Пушкин отеснил, умалил и как-то обидел во мне Лермонтова; так иногда взрослые нечаянно обижают детей. Но где-то в самой глубине души остался уголок, неутолённый Пушкиным.

Я буду любить Пушкина, пока я жив; но когда придёт, боюсь, что это примирение:

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять, –*

покажется мне холодным, жестоким, ничего не примиряющим – и я вспомню тогда детские молитвы, вспомню Лермонтова» (Д. С. Мережковский «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества». Книгоиздательство «Пантеон», 1909 г. С. 5).

И, конечно, младший брат, как и положено в семье, подражал вначале старшему брату. Достаточно прочитать ранние работы его: «Олега», «Цыган», «Кавказского пленника», позднее написанную «Тамбовскую казначейшу», некоторые другие стихи, чтобы сделать подобный вывод, но Лермонтов стремительно мужал, его ранний ум стал замечать многое из того, что не видели и о чём даже не догадывались его ровесники, окружающие его люди:

*Никто не дорожит мной на земле,
И сам себе я в тягость, как другим...*

Мотив одиночества в творчестве поэта не прихоть или каприз, а горестная необходимость. Ему было всего три года, когда его мать, Мария Михайловна, умерла от чахотки. «В слезах угасла мать моя» – так ёмко и горестно охарактеризует Михаил Юрьевич трагедию двадцатидвухлетней женщины, больной, разочарованной в жизни, осуждаемой за порыв сердца родной матерью Е. А. Арсеньевой, властной аристократкой, пережившей, в свою очередь, сердечную трагедию. Елизавета Алексеевна сразу невзлюбила своего небогатого зятя. И после смерти любимой дочери не захотела оставить внука, в котором не чаяла души, с его отцом Юрием Петровичем Лермонтовым, отставным капитаном, вынужденным уехать в результате ссоры с тещей в небольшое своё имение Кропотово (Кропотовка) Ефремовского уезда Тульской губернии (ныне Кропотово-Лермонтово Липецкой области). Ей удалось навязать Юрию Петровичу договор, по которому она брала на себя полное обеспечение внука и воспитание его, а взамен требовала одного: не встречаться с сыном. Какое это влияние оказало на впечатлительного ребёнка можно судить по тому, как он описал в своей ранней пьесе подобную ситуацию, в которую попадает его герой: «У моей бабки, моей воспитательницы – жестокая распря с отцом моим, и это все на меня упадает» (М. Ю. Лермонтов. *Акад. изд. т. V, с. 149*).

И всё-таки редкие встречи их то в Кропотове в 1827 году, то в Москве были, вне сомнения, счастьем для мальчика. О них он помнит всю оставшуюся жизнь.

Не откажу себе в радости процитировать размышления Ивана Бунина о детстве Лермонтова в этом селении: «Вот бедная колыбель его, наша общая с ним, вот его начальные дни, когда так же смутно, как и у меня некогда, томилась его младенческая душа, «желанием чудным полна», и первые стихи, столь же, как и мои, беспомощные... А потом что? А потом вдруг «Демон», «Мцыри», «Тамань», «Парус», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...». Как связать с этой Кропотовкой всё, что есть Лермонтов? (Жизнь Арсеньева). Есть над чем подумать!

Об отношении отца к сыну можно судить по завещанию, в котором Юрий Петрович пророчески пишет: «... ты одарен способностями ума, – не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оные на что-либо вредное или бесполезное: это талант, в котором ты должен будешь некогда дать отчет Богу!.. Ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце... Благодарю тебя, бесценный друг мой, за любовь твою ко мне, и нежное твое ко мне внимание...»

Ему не было и шестнадцати лет, когда его отец умирает.

*О, мой отец! где ты! где мне найти
Твой гордый дух, бродящий в небесах... –*

воскликает юный поэт, тоскуя о нем.

Это «доброе сердце» помнит глубинным чувством и отца, и,

конечно же, мать, иначе бы не были написаны такие строки: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал; не могу теперь вспомнить, но уверен, что если бы услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать».

Характерно, что тогда же, воссоздавая состояние, в которое приводила его песня, которую пела ему в раннем детстве мама, он слагает замечательное стихотворение «Ангел»:

*Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез,
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.*

И память о своей матери осталась такой же живой и теплой. Это она подарила сыну дар небесный – слагать звуки. Это она вселила в него «страшную жажду песнопенья». И снова его мысль, семнадцатилетнего юноши, возвращается к отцу:

*Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть...*

Он уже предчувствует свой жребий и полностью подчиняется неодолимому. С этого времени оставшаяся жизнь поэта разделяется как бы на два уровня: один – для людей, для жизни среди них, а другой – для творчества, для жизни небес, ибо «небо учило меня любить, но люди учили меня ненавидеть». Два мира, две параллели, которые не пересекаются. Сам Лермонтов обозначил эти полярности в стихотворении «Небо и звезды» так:

*Люди друг к другу
Зависть питают;
Я же, напротив
Только завидую звездам прекрасным,
Только их место занять бы хотел.*

Остаётся только поражаться ранней мудрости этого юноши. Недаром Д. Мережковский, писатель и философ, назвал Лермонтова «поэтом сверхчеловечества». И он же верно подметил главное в творчестве его: «Не от «благословленного» Пушкина, а от «проклятого» Лермонтова мы получили этот «образок святой» – завет матери, завет родины. От народа к нам идёт Пушкин; от нас – к народу Лермонтов; пусть не дошёл, он всё-таки шёл к нему. И если мы когда-нибудь дойдём до народа в предстоящем религиозном движении от небесного идеализма к земному реализму, от старого неба к новой земле – «Земле Божьей», «Матери Божьей», то не от Пушкина, а от Лермонтова начнётся это будущее народничество». (Д. С. Мережковский. Указ. Сочинение. С. 87).

Размышляя о судьбах русских великих поэтов, В. В. Розанов, великолепный прозаик и мыслитель, пишет: «Литература наша, может быть, счастливее всех литератур, именно гармоничнее их всех, потому что в ней единственно «лад» (у Пушкина) выразился столь же удачно и полно, так же окончательно и возвышенно, как «разлад» (у Лермонтова) самым бытием лица своего, самой сущностью всех стихов, ещё детских, объясняет нам, почему мир «вскочил и убежал».

Возможно, что Василий Васильевич знал, что о двадцатитрёхлетнем Пушкине мудрый Карамзин, предсказывая возможное великое будущее поэта, горько сказал: «Но нет лада в его душе». Не было «лада» и в душе Лермонтова. И мы знаем почему...

Но всё-таки страсть его к Небу, обращение его к Богу, которое напоминало отношения сына и отца, было уважительным и сквозным для всего творчества Лермонтова. Вспомним одну за другой все три (исключая шутивную «Юнкерскую молитву» 1833 г.) молитвы: «Не обвиняй меня, Всесильный» (1829), «Я, Матьер Божия, ныне с молитвою» (1837) и «Молитва («В минуту жизни трудную»)» (1839). И, конечно, – стихи последних лет жизни такие, как «Оправдание»:

*Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.*

Или «Выхожу один я на дорогу» с его «В небесах торжественно и чудно!». Или «По небу полуночи ангел летел». Такие божественные произведения В. В. Розанов называл гимнами: «Гимны его напряжены, страстны, тревожны и вместе воздушны, звёздны. Вся его лирика в целом и каждое стихотворение порознь представляют соединение глубочайше-личного чувства, только ему исключительно принадлежащего, переживания иногда одной только минуты, но чувства, сейчас же раздвигающегося в обширнейшие панорамы, как будто весь мир его обязан слушать, как будто в том, что совершается в его сердце, почему-то заинтересован весь мир. Нет поэта более космического и более личного» (В. В. Розанов. М. Ю. Лермонтов. К 60-летию кончины). Как нет поэта, добавим мы от себя, так «любимого Небом» (В. Розанов) и привязанного страдающей любовью к земле, к своей родине более, чем Лермонтов.

Внимательный читатель может заметить в его творчестве нарастание страсти (стеснительной, даже робкой вначале, непривычной для такого самостоятельного человека, как Михаил Юрьевич, к родной отчизне: год от года она росла – от юношеской, непосредственной любви:

*... среди ее полей
Есть место, где я горесть начал знать;*

*Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшийся с землей,
Навеки прежний вид оставит свой.*

до зрелой и осознанной: «Люблю отчизну я, но *странную* любовью».

(Кстати об эпитете! Сегодня многими воспринимается слово «*странную*» совсем не так, как оно звучало в середине девятнадцатого века. В словаре древнерусского языка И. И. Срезневского среди прочих значений слова «*странный*» есть и «удивительный» и, «необыкновенный», и «непостижимый». – А. П.).

Любовь поэта к родине исполнена достоинства и света. И подкреплена офицерской службой. Как известно, Михаил Юрьевич был храбрым воином, и неоднократно командиры его отмечали в своих рапортах отвагу офицера и представляли его к награждению орденами и золотым оружием. Но император Николай I, имевший своё представление о жизни и делах Лермонтова (вопрос отношений императора и поэта – очень сложный и требует особого, деликатного и глубокого, разбора. – А. П.), вычеркивал его имя из боевых реляций.

Многие современники Михаила Юрьевича замечали идущую в его душе борьбу, из которой он должен был выйти к «ладу», к примирению с людьми, к пониманию обстоятельств, в которых живут они, но время не позволило сделать это.

Творчество Лермонтова, как отмечали многие его исследователи, в таких произведениях, как «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», «Бородино», «Два великана». «Завещание», «Атаман» становится наиболее народным. Недаром Достоевский, говоря о нём как о народном поэте в идеале, горюет: «Остался бы Лермонтов жить, и мы бы имели великого поэта, тоже признававшего правду народную, а, может быть, и истинного «печальника горя народного». Вместе с тем «Герой нашего времени» – летопись человеческих душ, исполненная суровой жизненной правды, лирических мечтаний и повседневной горечи. Нам жаль этого славного человека – Печорина, которого жизнь заставила так презирать людей, что он разучился любить и ненавидеть. Его трагедия была в том, что он призывался на землю для великих деяний, но предпочёл поступкам резонерство и скуку:

*Как солнце осени суровой,
Так пасмурна и жизнь моя;
Среди людей скучаю я:
Мне впечатление не ново.*

Не менее трагична и судьба другого литературного героя, жителя небес – Демона». Если Печорин сменил любовь на презрение к людям, вследствие «душевной пустоты», то Демон, не замечавший ранее людей с их жалкими страстями, вдруг готов сам беззаветно

полюбить. И слеза его, исторгнутая жаждой любви, «адская», немилосердно прожигает камень:

*Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезой жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой.*

Образ падшего ангела, мечтающего о земной любви, созданный поэтом, был настолько завораживающий, что в него влюблялись. Есть свидетельство разговора петербургской красавицы М. П. Сандомирской с Лермонтовым, в котором она не скрывала того, что «могла бы полюбить такое могучее, властное и гордое существо».

Да и сам Лермонтов, дитя чистого неба, знал нечто о неземной любви. Она явилась ему в раннем возрасте в образе девятилетней девочки. Он сам написал об этом явлении в дневнике за 1830 год: «Кто мне поверит, что я знал любовь, имея 10 лет от роду?..»

Я не знаю, кто была она, откуда, и поныне, мне неловко как-то спросить об этом: может быть, спросят и меня, как я помню, когда они позабыли; или <...> подумают, что я брежу, не поверят ее существованию – это было бы мне больно!.. Белокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность, – нет, с тех пор я ничего подобного не видал, или мне это так кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз. <...> И так рано! В 10 лет... о, это загадка, этот потерянный Рай до могилы будут терзать мой ум!».

Так он и жил, обожжённый этим видением, и глубоко страдал от невозможности воплощения той красоты в реальности. И, мучаясь от противоречия между идеалом и реальностью, горестно писал:

*И с тоской
Я вижу, что любить, как я, порок...*

Именно это страдание и позволяет мне назвать Лермонтова поэтом несбывшейся любви. Никто так страстно не желал её, никто так резко не отказывался от любви, когда в ней начинали звучать диссонансом ложь, выгода или светское пустое кокетство, никто так не страдал от понимания невозможности чистоты ее. И такое осознание невозможности великой радости привело к трагедии...

Известие о гибели поэта было сообщено в газетах в такой форме: «15 июля, около 5-ти часов вечера, разразилась ужасная буря с молнией и громом; в это самое время, между горами Машукою и Бештау, скончался лечившийся в Пятигорске М. Ю. Лермонтов».

Высший свет не очень огорчён был случившимся, а некоторые сановники даже облегчённо вздохнули: «Ещё один смутьян отдал душу Богу».

Но были и близкие души, которые вздрогнули, как от удара молнии, и зарыдали о погибшем. Вот два свидетельства. Графиня

Евдокия Ростопчина, известная поэтесса, в письме к французскому писателю Александру Дюма горестно констатировала: «...и пушечный выстрел во второй раз похитил у России драгоценную жизнь, составляющую национальную гордость».

И в смерти своей Пушкин и Лермонтов были трагично близки друг к другу. Это заметил выдающийся философ Юрий Самарин. В своём дневнике от 3 августа, когда известие о гибели Лермонтова дошло до Петербурга, он записывает печальные строки: «Лермонтов убит на дуэли Мартыновым!»

Нет духа писать!

...Невольно сжимается сердце, и при новой утрате болезненно отзываются старые. Грибоедов, Марлинский, Пушкин, Лермонтов. Становится страшно за Россию при мысли, что не слепой случай, а какой-то приговор судьбы поражает ее в лучших из ее сыновей, в ее поэтах. За что такая напасть... и что выкупают эти невинные жертвы?

Бедный Лермонтов. Он умер, оставив по себе тяжелое впечатление. На нем лежит великий долг, его роман – «Герой нашего времени». Его надлежало выкупить, и Лермонтов, ступивши вперед, оторвавшись от эгоистической рефлексии, оправдал бы его и успокоил многих.

Да, смерть Лермонтова поражает незаменимой утратой целое поколение. Это не частный случай, но общее горе, гнев Божий, говоря языком писания, и, как некогда при казнях свыше, посылаемых Небом, целый народ облекался трауром, посыпая себя пеплом, и долго молился в храмах, – так мы теперь должны считать себя не безвинными и не просто сожалеть и плакать, но углубиться внутрь и строго допросить себя...».

(Цитирую по книге В. Кошелева «А. С. Хомяков» «Новое литературное обозрение», М., 2000, С. 235.)

«Что выкупают эти невинные жертвы?» – спросим и мы себя, продолжая печальный список именами А. Блока, Н. Гумилёва, С. Есенина, В. Маяковского, П. Васильева, Д. Андреева, И. Талькова... Но нет нам ответа...

ИНТЕРЕСНАЯ НАХОДКА

В КБР, в станице Александровской, во время сноса одной ветхой постройки, в нише под полом рабочие обнаружили старинные письменные принадлежности. Когда все это показали хозяину дома, он вспомнил идущий от отца – а к тому от деда – рассказ о том, что якобы М. Ю. Лермонтов жил здесь некоторое время и много писал. Хозяин дома приостановил снос. В рассказе также упоминается, что, возможно, стихотворение «Дары Терека» было написано именно здесь, так как дом стоит на берегу реки Терек и поэт любил посидеть на этом месте.

У редакции нет оснований ни подтверждать это, ни опровергать, – жизнь и творчество поэта прошли по путям времени и оставили следы, так же, как давно ушедшая эпоха осталась отсветами в каждой его строке. Михаил Юрьевич, следуя кизлярским трактом вдоль Терека, останавливался, а порой ночевал в придорожных поселениях, знакомился с бытом и службой казаков, а станица Александровская как раз лежит на этом пути. И хочется думать, что именно здесь у него появилась мысль описать образ времени через буйный нрав Терека. Он понимал, в какое время живет и какой ценой входит в историю.

Но прошло много времени, пока о находке узнал житель города Терек народный писатель КЧР Асланбек Псигусов, который решил подробно ознакомиться с этой историей и лично посмотреть на артефакты. Встретившись с владельцем, он загорелся мыслью выкупить остатки дома и, восстановив в первоначальном виде, устроить здесь дом-музей М. Ю. Лермонтова. Редакция «ЛКБ» попросила его ознакомить наших читателей с этими находками, тем более интересными, что 2014 год объявлен в стране годом Лермонтова.

Редакция «Литературной Кабардино-Балкарии» предлагает школам республики провести уроки Лермонтова и конкурсы сочинений, посвященных его творчеству. Лучшие из этих работ мы опубликуем.

ДАРЫ ТЕРЕКА

Терек воеет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:
«Расступись, о старец море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,

Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу,
Стадо целое пригнал».
Но, склоняясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:
«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой,
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края

Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:

«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.

По красотке молодежи
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой,
Кольхаяся, всплыла.
И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

Он взыграл, веселья полный, –
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

1839

НАХОДКИ В СТАНИЦЕ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ

Старинные письменные принадлежности и монета

Ветхая постройка, где нашли письменные принадлежности

Хранители бытующего рассказа от деда и прадеда хозяина постройки

*Коготижев Руслан,
который обнаружил эти
находки*

О РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ ЛЕРМОНТОВА С КАБАРДИНСКИМИ КНЯЗЬЯМИ ЧЕРКАССКИМИ

Первыми пробами пера Лермонтова были поэмы «Черкесы» и «Кавказский пленник», написанные им в 1828 году. Они не предназначались для печати, поэтому при написании этих поэм, достаточно крупных по объемам (в них 873 стиха), начинающий поэт откровенно использовал многочисленные стихотворные строки и даже целые купюры из произведений современных ему поэтов, в том числе и А. С. Пушкина. Главная ценность этих ученических и подражательных произведений состоит в том, что именно по этим поэмам можно проследить, как с самых первых своих шагов начинающий поэт осознанно продемонстрировал необычное тяготение к черкесской теме. Время показало, что позитивный интерес к свобододолюбивому черкесскому народу у Лермонтова стал постоянным, неизменным, и черкесская тематика заняла впоследствии в его творчестве одно из главных мест.

С 1831 по 1841 год из-под его пера вышли черкесские поэмы «Каллы», «Аул Бастунджи», «Исмаил-Бей», «Беглец», «Мцыри» и повесть «Бэла», которую он потом включил в роман «Герой нашего времени». Все эти поэмы вместе с двумя ранними ученическими поэмами «Черкесы» и «Кавказский пленник» по количеству стихотворных строк (4842 стиха) составляют практически третью часть стихов всех поэм, написанных Лермонтовым за тринадцать лет творческой деятельности.

Такой необычный интерес к истории и культуре другого народа на ровном месте не возникает. Необычное по тем временам тяготение поэта к жизни свобододолюбивого народа, с которым Россия вела жестокую колониальную войну, должно было иметь весомое логическое объяснение. И такое объяснение в жизни Лермонтова было, но оно до сих пор почему-то не попало в поле зрения исследователей. Сам факт наличия у поэта необычного интереса к черкесам исследователи сводили к широте общественно-политических взглядов автора на современные проблемы. Между тем архивные документы и чудом сохранившиеся немногочисленные материалы эпистолярного жанра помогают раскрыть необычные обстоятельства (два важнейших обстоятельства), без учета которых практически невозможно дать объективную оценку жизненным позициям поэта по отношению к черкесам и представить в полном объеме логическую закономерность возникновения и развития черкесской тематики в его творчестве.

Первым и главным обстоятельством, которое не могло не повлиять на характер отношения Лермонтова к черкесам, являлось наличие родственных связей поэта с древнейшим княжеским родом кабардинцев – Черкасскими.

Понадобилось целое столетие (ровно сто три года) после смерти бабушки Лермонтова Е. А. Арсеньевой, прежде чем Л. Б. Модзалевский сумел разыскать в архивном фонде М. Н. Лонгинова и впервые (в 1948 году) предать гласности ее письма к родственнице Прасковье Александровне Крюковой (урожденной княжне Черкасской), кабардинке по национальности. С тех пор прошло более шестидесяти лет, но в лермонтоведении этот факт до сих пор почему-то не стал предметом отдельного исследования.

В Лермонтовской энциклопедии о факте родства двух женщин сказано предельно кратко: «Крюкова Прасковья Александровна (урожд. княжна Черкасская), троюродная сестра М. М. Лермонтовой. Имя К. упоминается в письме Е. А. Арсеньевой к Л. от 18 окт. 1835 года.

Известны 5 писем Е. А. Арсеньевой к К., содержащих биографические сведения о Л. Доверительный тон писем, осведомленность в делах адресата свидетельствуют о близости К. к семье Арсеньевых».

За этим лаконичным сообщением не последовало никаких конкретных разъяснений. Публикуя письма Е. А. Арсеньевой к П. А. Крюковой, Л. Модзалевский достаточно подробно (как ему представлялось) рассказал об их родственных связях. Но рассказал с непонятной избирательностью. Вот что он написал в своих примечаниях к этим письмам: «Для уяснения этого родства приведем более точные сведения. Муж Е. А. Арсеньевой Михаил Васильевич Арсеньев (род. 1768, ум. 1810) был сыном Василия Васильевича Арсеньева. У брата последнего, Дмитрия Васильевича Арсеньева (род. 1728, ум. 1806), была дочь Анна Дмитриевна, вышедшая замуж за кн. Александра Андреевича Черкасского. Таким образом, М. В. Арсеньев приходился кн. А. Д. Черкасской двоюродным братом».

После такого сообщения исследователь приводит основной вывод, ради которого он перечислил родственные связи Арсеньевых, Черкасских и Лермонтовых, а именно тот факт, что дочь княгини А. Д. Черкасской княжна Прасковья Александровна приходилась матери Лермонтова троюродной сестрой. Но при этом Л. Модзалевский «потерял» в своем выводе имя отца кабардинской княжны, от которого все члены семьи унаследовали свои княжеские титулы. Этот половинчатый вывод необходимо дополнить недостающей информацией. Тогда сообщение примет другую форму: «Дочь кабардинского князя Александра Андреевича Черкасского и княгини Анны Дмитриевны Черкасской Прасковья Александровна Крюкова (Черкасская) приходилась матери Лермонтова Марии Михайловне Арсеньевой (Лермонтовой) троюродной сестрой». Для полноты картины добавим, что троюродными сестрой и братом матери Лермонтова приходились Надежда Александровна и Александр Александрович Черкасские. Сыновья же последнего приходились самому Лермонтову четвероюродными братьями. Выйдя замуж за кабардинского князя Александра Андреевича Черкасского, Анна Дмитриевна породнила древний род

князей Черкасских из Кабарды не только с дворянским родом Арсеньевых, но и с ближайшими их родственниками – представителями Столыпиных и Лермонтовых. Интересно при этом отметить, что после замужества княгиня Анна Дмитриевна Черкасская оказалась в ближайшем окружении пяти генералов: генерал-майорами были не только ее отец Дмитрий Васильевич Арсеньев и муж Александр Андреевич Черкасский – до этого высокого воинского звания дослужились также все три ее брата – Николай, Василий и Александр.

Московский период (с 1827 по 1832 год) в жизни Елизаветы Алексеевны и ее внука был временем их дальнейшего сближения с москвичкой Прасковьей Александровной. Но здесь необходимо уяснить один момент. Бабушка познакомила (не могла не познакомить) Лермонтова с Прасковьей Александровной, ее братом и сестрой задолго до переезда в Москву в 1827 году, и даже до памятной поездки на Кавказ в 1825 году. Для подтверждения данного факта сошлемся на утверждение П. А. Висковатого, который со слов людей, хорошо знавших Е. А. Арсеньеву, писал: «Как при муже, она каждый год проводила несколько месяцев в Москве, куда езжали из пензенского имения на долгих, посещая и останавливаясь на пути у родных и знакомых помещиков». Из этого следует, что Лермонтов еще до поездки на Кавказ в 1825 году имел возможность узнать много интересного о кабардинцах (черкесах) из уст своих родственников, проживавших в Москве.

Письма Е. А. Арсеньевой к П. А. Крюковой (Черкасской) вводят нас в круг родственных отношений бабушки Лермонтова. «Самая ценная их часть заключается в новых сведениях о самом поэте и об отношениях к нему его бабушки», – писал Л. Модзалевский. К этому следует добавить, что письма Е. А. Арсеньевой на сегодняшний день являются единственными источниками, которые содержат подтверждение непосредственного общения Лермонтова с детьми кабардинского князя Александра Андреевича Черкасского. Общий тон и содержание всех пяти писем показывают глубокое уважение, которое испытывала Е. А. Арсеньева к своей родственнице. В письмах прослеживается, что Прасковья Александровна относилась к числу самых близких людей Елизаветы Алексеевны, которой та поверяла свои самые сокровенные мысли о любимом внуке.

«ЯРКАЯ ЛИЧНОСТЬ С ОТКРЫТЫМ СЕРДЦЕМ...»

10 сентября 2013 года в Зале церковных соборов кафедрального соборного Храма Христа Спасителя состоялся торжественный вечер русской православной культуры и литературы, посвященный 80-летию председателя Союза писателей России В. Н. Ганичева, двадцать лет являющегося заместителем главы ВРНС. На этом вечере, организованном Всемирным Русским Народным Собором и Союзом писателей России, Святейший Патриарх Кирилл обратился к собравшимся со словами:

«Сердечно приветствую вас, дорогие братья и сестры, дамы и господа, в связи с замечательным событием – мы празднуем в этом соборном зале Храма Христа Спасителя 80-летие Валерия Николаевича Ганичева.

Уверен, что все, кто сегодня здесь присутствует, так или иначе связаны с Валерием Николаевичем, и уже такое большое количество людей, которые пришли сегодня, свидетельствует о большом влиянии этого человека на умы, сердца наших современников. И это действительно так. Валерий Николаевич начал свои труды, как мы знаем, с работы в молодежных организациях, затем он включился в писательскую деятельность, и его творческий путь был отмечен многими замечательными произведениями, в том числе адресованными нашей молодежи. Получив прекрасное образование и став не только выдающимся писателем, но и историком, Валерий Николаевич свои знания истории умел таким образом популяризировать, что выдающиеся события из жизни Отечества нашего не только поражали ум, но и меняли сердца тех, кто прикасался к этим событиям через его прозу.

Я хотел бы обратить особое внимание на то, что на протяжении уже многих лет Валерий Николаевич – бессменный руководитель Союза писателей России. И он сумел не только сохранить эту организацию в тяжелое переломное время 90-х годов, но и сплотить писательское братство, которое переживало тяжелейший период – не только в финансовом, материальном, но и в моральном отношении. Думаю, такой стержень, как яркая личность человека с открытым сердцем, и помог сохранить Союз писателей.

Я лично благодарен Валерию Николаевичу за его особый вклад в восстановление отношений между писательским сообществом, нашей интеллигенцией и Русской Православной Церковью. Это сейчас понятно и почти обыденно, когда за одним столом встречаются представители Церкви, духовенства, богословы, писатели, ученые, публицисты, общественные деятели. Но если вспомнить 90-е годы, то все было совсем не так, и воздвигнутые в годы лихолетья средостения между Церковью и обществом, Церковью и интеллигенцией были настолько прочны, что люди, даже заинтересованные в таком диалоге с Церковью, к сожалению, не всегда были психологически готовы к тому, чтобы начать этот диалог.

Историческая заслуга Валерия Николаевича – именно в том, что он во многом способствовал воссозданию добрых, открытых, взаимопользных отношений между Церковью и интеллигенцией, которые были порушены еще в XIX

веке и которые прошли через тяжелые метаморфозы века XX.

Я близко познакомился с Валерием Николаевичем в тяжелейшие годы – 91-й, 92-й, 93-й. Эти годы, когда решалась судьба России, болью отзывались в сердцах многих людей.

Благодарю Бога, что был рядом с Валерием Николаевичем, и через наши беседы во многом формулировались перво-

На фото: Святейший Патриарх Кирилл и председатель СП РФ Валерий Николаевич Ганичев

начальные идеи, связанные с природой этой организации, с ее повесткой дня. А после того как она была создана, Валерий Николаевич был неизменным участником и руководителем практически всех соборных встреч. Конечно, он внес особый вклад в работу Всемирного русского народного собора. Собор стал, я считаю, самой крупной и самой значимой общественной организацией, потому что объединяет огромное количество людей, является реальной платформой для общенациональной дискуссии, касающейся настоящего положения страны и ее будущего

Я также хотел вспомнить очень важную страницу из Вашей писательской и общественной деятельности, касающуюся и Русской Православной Церкви. Вы посвятили много лет изучению личности адмирала Ушакова, и мы знаем, что Ваши разработки, Ваши исследования были представлены Священноначалию Русской Православной Церкви и легли в основу процесса канонизации великого адмирала. Уже одним этим Вы вошли и в историю Вооруженных сил, и в историю Русской Православной Церкви».

Во внимание к трудам во благо Церкви и Отечества и в связи с 80-летием со дня рождения Святейший Патриарх Кирилл вручил В. Н. Ганичеву орден преподобного Сергия Радонежского I степени, а также подарил ему вырезанную на кости икону Божией Матери «Знамение» работы мастеров Русского Севера.

Затем были оглашены поздравительные телеграммы президента Российской Федерации В. В. Путина, президента Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко, президента Украины Виктора Федоровича Януковича.

Поздравить В. Н. Ганичева пришли также церковные иерархи, духовенство, представители государственной власти, члены ВРНС, писатели, поэты, композиторы и артисты.

P. S. На съезде Союза писателей России, состоявшемся в октябре 2013 года, В. Н. Ганичев вновь избран председателем СП РФ.

ИСПЫТАНИЕ МУЖЕСТВОМ¹

...Курт пошел вместе с доктором, приглашая за собой и остальных. Старики тоже, будто провожая гостей, вышли за ними до ворот и вернулись.

За воротами Лиуан и Хаутий пошли впереди, показывая остальным дорогу.

– Там, дальше, нас ждут лошади, – сказал Курт, шагая рядом с врачом. Он боялся, что немец всё поймёт или что-нибудь заподозрит и остановится... Они добрались до разрушенного кирпичного завода.

Как и было условлено, здесь их поджидали партизаны. Курт подсадил врача к себе на лошадь, Адальбий и Мажид устроили всех остальных – кого по двое, кого по одному на лошадь.

Ребята помоложе пошли за ними пешком. Старики, вернувшиеся в кузню, ждали – что же будет дальше.

Скоро дверь кузни распахнулась от удара кованого сапога. На пороге стояли немцы.

– Что вы тут делаете?

– Зима уже близко, а дрова возить из леса некому. Вот я и надумал сделать для стариков наших буржуйки, – ответил Тык, вытаскивая из-за мехов заржавленные листы жести.

В это время раздался сильный взрыв, потрясший всю округу. Затем еще, и еще... Немецкие солдаты, охваченные страхом, притихли и стали прислушиваться. Всего насчитали десять взрывов. Не дождавшись, пока снова установится тишина, один из солдат крикнул что есть силы: «Партизан!» – и вылетел из кузницы. За ним бросились все остальные.

На следующее утро по селу побежала весть: дом Мисоста разнесли в пух и прах. Трупы Мисоста и Ахмада нашли среди трупов немецких офицеров...

– Поторапливайтесь! – приказал Адальбий, ехавший рядом с Закиреем. Окунувшись в ночную тьму, все напряженно молчали, каждый был занят своими мыслями. Закирей думал о предстоящей встрече с дочерью. Мажид беспокоился о раненой, а немецкий доктор, совершенно не понимая, где и почему он оказался, в страхе озирался по сторонам...

Ветер приносил и уносил куда-то далеко собачий лай. Со стороны села слышался пугающий гул, скрежет гусениц танков.

Лошади, на которых сидели по двое, заметно устали и начали отставать от других. Мажид подгонял своего коня, чтобы не отстать от Закирея. Хотя в темноте видно было плохо, всё же чувствовалось, что жеребец Закирея рвется вперед, натягивая удила, и всадник силой удерживает его.

¹ Окончание романа.

Выехав из села, двинулись по-над речкой в направлении лесистых гор. В голове Адальбия в беспорядке роились мысли, они то вскипали, как волны этой горной реки, то снова утихали, но главной была одна – о предстоящей встрече с Сакинат. Он ехал молча, не слыша ни храпа лошадей, ни шума реки. «Нет, сегодня я ничего не смогу сказать Сакинат. Я не готов к этому разговору. Да и Закирей появился, как снег на голову... Как быть? Как объяснить всё это Сакинат? – в который раз задавался вопросом Адальбий. – Она уже взрослая, пусть поступает, как велит сердце... А что, если она скажет, мол, как-никак, а он всё-таки – отец? Нет, нет, пусть тысячу раз он ей отец, я не отдам её. Я её воспитал. Привык к ней. Она моя дочь...»

К полуночи они прибыли к партизанам. Врач снова заупрямился, не желая сходить с коня.

– Вы обманули, вы привезли меня к партизанам. Я ни в чём не виноват. Я не убил ни одного советского солдата. В чём моя вина? Я врач... лечу раненых... облегчаю людям страдания...

– Вот потому мы тебя и привезли. Никто не говорит, что ты убивал советских солдат. Мы хотим, чтобы ты лечил раненых партизан, – спокойно объяснял Курт.

Услышав немецкую речь в темноте, партизаны насторожились, но часовой сразу успокоил их:

– Это группа Мажиды вернулась.

Ребята успокоились, подошли к всадникам, помогли спешиться Закирею, Адальбию, Мажиду. Точно так же помогли и Курту. Врач, не заметив, что и ему поддегивают уздечку и стремя, как мешок свалился с коня. Один парень ловко подхватил его и поставил на ноги.

– Где Сакинат? Ведите нас скорее к ней, – не терпелось Закирею.

– У нас есть раненые потяжелее Сакинат. Всё успеется, куда спешить? – успокаивал его Адальбий.

– Я приехал сюда из-за Сакинат, так что прошу отвести нас именно к ней, – настаивал тот.

– Проходите сюда, – послышался голос Темболат. – Она здесь.

– Ну что ж, пошли, – двинулся вперёд Адальбий.

Темболат стоял у входа в шалаш, он отодвинулся, пропуская Закирея с врачом, потом последовал за ними. Мажид передал Темболату мешочек с медикаментами и вышел из шалаша.

Внутри горели керосиновые лампы, здесь лежало столько раненых, что шалаш напоминал госпитальную палату. Сакинат лежала ближе к выходу, у двери. Над ней остановился Адальбий.

– Добро пожаловать, Закирей, – приветствовал нежданного гостя Темболат, протягивая руку и всем остальным.

– Да будет к добру наш приезд, как чувствует себя Сакинат? – был первый вопрос Закирея.

– Ранена, – тихо ответил Темболат, – вот, лежит...

– Сакинат, ты меня узнаёшь? – склонился он над дочерью, словно никого больше вокруг не замечая, – узнаёшь?

Сакинат молчала.

– Вот я доктора привез тебе и твоим друзьям, – продолжал Закирей, явно напрашиваясь на особую признательность.

– Ведите врача к тяжелораненым, я ещё могу потерпеть, – сказала Сакинат.

– Как хорошо, что ты жива!.. Ты – единственная, кто остался у меня в мире... – начал Закирей, но сбился, опустил глаза и замолчал. Потом обернулся к доктору и партизанам, стоявшим рядом с ним: – Ну, давайте же, почему врач стоит, пусть осмотрит раненых. А кто будет переводить ему, кто объяснит, что вам от него нужно?..

– Раненых много. Сначала надо осмотреть самых тяжелых, – слабо сказала Сакинат.

– Сколько дней вы намерены держать меня здесь? Учти, я не убивал советских солдат. Я врач... – жалобным голосом продолжал уверять немец, обращаясь к Сакинат.

– Мы просим вас осмотреть раненых.

– У меня семья в Германии. Я хочу живым вернуться к своей семье...

– Все этого хотят. И если вам не доведётся увидеть своих, то винить в этом надо фашизм, – ответила ему Сакинат несколько раздражённым тоном. – Никто не собирается убивать вас. Осмотрите раненых, – закончила она тоном приказа.

– Я хочу жить. Дайте слово, что не расстреляете меня.

– Мы тоже все хотим жить. Раненым тяжело, понимаете, тяжело, начинайте своё дело, – ещё строже сказала девушка.

Доктор настороженно огляделся вокруг. Раненые смотрели на него с надеждой, и он шагнул к ним.

– Мне нужны шило и теплая вода, – сказал доктор.

– Всё есть, – снова ответила ему Сакинат. – Дайте доктору умыться, – велела партизанам.

Темболат подвел врача к полному, густо заросшему жёсткой бородой мужчине. Тот навзничь лежал на жёстких нарах. Лицо его было хмурым, глаза закрыты. Казалось, он спал, но, почувствовав, что к нему подошли, открыл глаза и прислушался.

– Что с ним? – спросил доктор, оглядываясь на Сакинат.

– Ты же доктор. Для этого тебя и привезли. Принимайся за дело! – жёстко ответила Сакинат.

Врач, уже не возражая, прикоснулся к ране партизана.

Сквозь тряпку, которой было перевязано правое бедро, густо проступала кровь. И разорванное в клочья нижнее бельё было в крови. Казалось, кровь ещё не остановилась, всё текла из раны.

– Ножницы! – сказал немец, не оглядываясь, и движениями пальцев показал, что именно ему нужно. Ножницы мгновенно подали.

Не потревожив парня, он разрезал повязку и обнажил рану.

Начиная от колени до самой поясницы всё тело было изрезано, словно ножом, в некоторых местах до костей.

Врач задрал на раненом рубашку, чтобы получше рассмотреть рану, и увидел, что и на плечах парня зияют две раны. Затем, осторожно ощу-

пывая кожу вокруг ран, приблизился к пояснице. Парень от жуткой боли вздрогнул, но врач ещё сильнее нажал на то же место – партизан вздрогнул ещё сильнее.

– Здесь сидят осколки, – сказал немец, словно сам себе, – и довольно большие осколки. Если их не извлечь, начнется сепсис. Парня надо срочно оперировать, но где... где провести операцию? – бормотал он себе под нос.

– Мурат, – обратилась к парню Сакинат, – если потерпишь, он станет осколок из раны.

– Или умру, или останусь жив – пусть достаёт, – ответил Мурат. На его лбу выступили крупные капли пота. Лицо исказила гримаса жуткой боли, он сжимал зубы и кусал губы, но ни одного стоны не издал, не сказал ни слова.

Долго возился врач с Муратом, но как бы трудно ни было, партизан не выдал себя – терпел. Правда, в тот самый момент, когда врач силой тянул из него осколок, он застонал и потерял сознание.

Но с этого момента до самого утра он не просыпался – отдохнул за двое суток мучений и бессонницы.

Пока спал Мурат, оказали помощь и остальным раненым. Врач без передышки работал всю ночь. Последней перевязали рану Сакинат.

Когда немец управился со всеми делами, он остановился посреди шалаша и опустил руки, как бы спрашивая: «Ну, что я должен ещё сделать?» Взгляд его остановился на Мурате.

– Надо бы перевернуть его, – сказал он и подошёл к Мурату, чтобы другие поняли, о ком он говорит. Потом низко наклонился и сказал, показывая жестами: «Надо повернуться».

Мурат, не совсем понимая, косо поглядывая на немца, начал потихонечку переворачиваться.

Пока врач возился с ранеными партизанами, Закирей кормил лошадей, поил, чистил их.

Прошло несколько дней. Тяжелораненные постепенно поправлялись, а те, что полегче, уже вставали.

Закирей все время повторял дочери одно и то же: что она у него единственная на земле, что очень её любит и что ради неё готов сделать что угодно, даже отдать жизнь, если потребуется.

Адальбий тяжело переживал, когда видел их сидящими рядом, боялся, что Закирей отнимет у него Сакинат.

Девушка терпеливо слушала Закирея, но не знала, что ему ответить: ведь до сих пор она своим отцом считала Адальбия. Для него она жила, гордилась им, сама делала его счастливым. Да и сейчас она отцом считает только его. Она также понимала, что Адальбия обижает то, что они с Закиреем так часто и долго разговаривают, поэтому при первой возможности прерывала эти разговоры и разыскивала Адальбия.

Закирею было обидно, что она не искала его, отца родного. «Она любит Адальбия больше, чем меня», – думал он с ревностью.

Не лежало сердце Сакинат к Закирею. Помимо того, что она до сих пор его не знала, не имела о нём представления, во всех его разговорах

сквозило одно: он законченный эгоист, бессердечен, совершенно равнодушен к судьбе другого человека.

Но самое главное – Сакинат была чиста, как стёклышко, перед людьми, родиной, была предана коммунистам, их идеям, а Закирей всё это люто ненавидел, считал, что на всем этом лежит вина за пережитые им беды и несчастья. Но он клялся, что смирится со всем, всё примет ради неё, ради дочери.

– Сейчас нельзя говорить только об одной жизни: вся страна охвачена бедой. Когда прогоним с нашей земли немецких захватчиков, у нас будет время об этом поговорить, – успокаивала Сакинат, не давая Закирею довести разговор до конца. И как только она представляла себе, вспоминала, что Закирей служил фашистам, она вздрагивала от ужаса, по телу пробегал холод, она начинала не только ненавидеть его, но даже брезговать им.

До сих пор она ни разу не назвала его отцом, хотя Закирей очень об этом мечтал...

Партизаны, воодушевлённые тем, что Красная Армия теснила, гнала врага, все чаще и более решительно налетали на немецкие позиции, селения, занятые врагом... Конечно, много их, неопытных и неосторожных, погибало в налётах. Но раненых друзей партизаны быстро доставляли в штаб: для них здесь всё ещё держали немецкого врача. По этому поводу они иногда шутили: «Немцы в нас стреляют, немцы же и лечат».

Так шли дни. Поздняя осень сменилась зимой, на оголённые ветви деревьев тяжело лёг иней, стволы утонули в сугробах. Но немцам никак не удавалось форсировать Терек. Наши войска остановили их у высот Татартупа. Неоднократно немцы подтягивали к линии фронта свежие силы и предпринимали попытки к наступлению, но всякий раз наши части отражали натиск. Наши люди уже твёрдо поверили, что немцы, мечтавшие покорить весь мир, поставить его на колени, теперь сами будут разбиты. Силы нашей армии с каждым днём росли, дух воинов окреп. Это хорошо чувствовал и сам враг. В это поверил и немецкий врач, лечивший теперь партизан, и Закирей, который некогда мечтал укрепить на нашей земле пресловутый новый порядок. Но и немцы подтянули на Кавказ много свежих частей, танков, самолётов... И всё это собирали в мощную группировку у Терека.

Решили немцы покончить и с партизанами, не дававшими им ни одного дня спокойной жизни. В небе кружили бомбардировщики, чтобы разнести лес, где базировались партизаны. Бесперывно летели бомбы; земля взбухала и разрывалась, с корнем вырывались вековые деревья, в лесу все горело...

Встревожилось и лесное зверьё: дикие козы и олени группами и в одиночку метались из стороны в сторону, покинув лес, бросались к горам, забивались в пещеры и теснины; кабаны стаями носились по полям, не зная, куда бегут. Волки, лисы, зайцы – все куда-то бежали, все спасались от огня и грохота кто как мог.

Один из немецких лётчиков, совсем молодой паренёк, сам пришёл в ужас, увидев беду, нанесённую им лесу и живому миру; он потерял

управление, не мог выправить падающий самолёт. Так и рухнул в гущу деревьев, охваченных чёрным дымом.

Остальные самолёты, словно перепуганные гибелью одного из них, торопливо покинули небо над лесом и вскоре скрылись из виду.

Досталось и партизанам в этой бомбёжке. Много партизанских шалашей и землянок взлетело на воздух. Правда, помещения, устроенные в пещерах, были недоступны для бомб, и они остались неповреждёнными.

Как только улетели самолёты, партизаны быстро вышли из своих укрытий и начали подбирать убитых товарищей. Вместе со всеми были и Курт, и немецкий врач, Мажид, Сакинат, Темболат, Адальбий, Закирей...

Больше недели партизаны занимались этим горестным делом. «Горе и радость вместе ходят по земле», – говорят кабардинцы. После этого случая партизаны и все жители республики услышали радостную весть: части Советской Армии нанесли серьёзное поражение немцам у реки Терек, оттеснили их и сами перешли в наступление, теперь наши части гонят фашистов с нашей земли. Люди не только радовались – они гордились, они обрели веру в нашу победу.

Немецкий врач, находившийся у партизан, однажды утром обратился к Сакинат:

– Я никогда не убивал людей, я их лечу, спасаю... Вы сами видели, что я с открытым сердцем лечил вас всех, как своих...

– А теперь решили с нами не работать? – прервала его Сакинат.

– Вы видите, как отступает армия фюрера. Вы победили, и я думаю, что эту войну выиграете вы.

– С того самого дня, как вы навязали нам войну, мы верили и ждали этого дня – дня нашего наступления, – ответила Сакинат.

– В войне, если не поверишь в свою победу, то воевать уже не сможешь, – сказал доктор.

– И это верно, – согласилась Сакинат, – и всё же больше верит, больше ждет победы жертва агрессии, а не агрессор.

– Лично я никого и ничего завоевать не хотел, поэтому и не брал в руки винтовку. Я только лечил раненых. Вот и вас я лечил.

– Спасибо, ты действительно помог нам.

– Так помогите и вы мне, – умоляюще посмотрел он на Сакинат.

– В чём?

– Прошу, отвезите меня туда, откуда взяли. Я же немец, и хочу вернуться к себе на родину... Наши отступают. Они проиграли войну. Теперь они возвращаются в свои дома. У меня тоже есть дом, жена, дети. Я очень прошу вас: сделайте для меня это доброе дело, – торопливо, словно боясь, что его перебьют, говорил немец.

– Я не могу на это ответить, не уполномочена.

– Я прошу передать это вашим начальникам, объяснить им суть моей просьбы, – торопился немец, убеждая девушку.

– Это я сделаю для тебя, – коротко ответила Сакинат.

Когда она зашла к Темблату, там находилась какой-то незнакомый ей мужчина. Мужчина тут же встал, давая понять, что у них с Темблатом разговор окончен.

– Простите, что я прерываю ваш разговор, но наш гость очень просил меня передать вам его просьбу.

– Что ему нужно? – насторожился Темболат.

– Просит отпустить его.

– Как это – «отпустить»?

– Отвезти его туда, откуда привезли...

– Говорят, что в том селении, где мы его брали, немцев уже нет.

– Он сказал, что никого не убивал, по мере сил только помогал людям, вот вам тоже помог. Теперь просит отпустить к семье...

– Мы поговорим об этом, – спокойно начал Темболат. – Но прежде всего я познакомлю тебя с Амирханом, вы, наверное, незнакомы. Эта девушка, Амирхан, вожак наших комсомольцев. Зовут Сакинат. Очень здорово помогала партизанам... А это Амирхан, представитель подпольного обкома партии.

– Раз так, то можно сказать и Сакинат, почему я здесь.

– Амирхан прибыл к нам из-за Курта. Обком давно знает, что Курт находится в нашем отряде, – уточнил Темболат.

– Мы выражаем огромную благодарность и Курту, и его другу Мажиду, и всем вам, но обстоятельно говорить об этом будем после войны. А сейчас я бы хотел вам сказать вот что: есть решение отправить Курта обратно к немцам с особым заданием, чтобы он встретился там с немцами-антифашистами, провёл работу среди них, объединил их. Как ты на это смотришь, комсомол? Считаешь, что Курту можно верить, поручить ему такое ответственное задание? – Амирхан посмотрел в открытое лицо Сакинат.

– Можно поручить, он оправдает, – не задумываясь, ответила Сакинат и добавила: – Он всем сердцем ненавидит фашизм.

– Это совпадает с тем, что сказал мне Темболат. Хорошо... Тогда что, поговорим с самим Куртом?

– Да, конечно, лучше послушать, что он сам ответит.

– Тогда пригласите его, – сказал Амирхан.

Сакинат вышла и скоро вернулась с Куртом.

– Я представитель обкома партии, – начал Амирхан.

Не пропуская ни одного слова, Сакинат всё переводила Курту.

– Не знаю, как ты к этому отнесёшься, – продолжал Амирхан, – но я прибыл сюда потому, что решено поручить тебе одно важное дело... Видимо, вы тоже в курсе дела: мы сейчас тесним фашистов, гоним их... Скоро, очень скоро начнётся наше общее контрнаступление... Мы знаем, что в армии Гитлера немало людей, ненавидящих фашизм. Нам бы хотелось привлечь этих солдат на нашу сторону, объединить их и создать антифашистскую организацию. Словом, мы решили направить тебя обратно в немецкую армию для проведения там работы по объединению антифашистов, – закончил Амирхан.

Курт сидел молча.

– Как смотрите на это сами? – спросил Амирхан.

– Я хорошо знаю, что много антифашистов и в армии рейха и в самой Германии. Я многие годы мечтал об их объединении, стремился объ-

яснить им суть фашизма. И сейчас работать в этом направлении для меня счастье, – ответил Курт.

– Стало быть, мы с вами договорились. Всё остальное объяснит Темболат, – сказал Амирхан и встал. – Всего хорошего, желаю успехов! – он пожал Курту руку и направился к двери.

– А как быть с доктором, о котором говорила Сакинат? – остановил его вопросом Темболат.

– Поедет вместе с Куртом, это и поможет ему неприметно появиться среди своих, – ответил Амирхан и вышел.

Утром в назначенный час Курта и доктора вывели из лагеря. Мажиду и Сакинат поручили проводить немцев до определённого места. По совету Темболата, вместе с ними отпустили и Закирея: он хорошо знает в селении всех, кто жаждет власти и нового порядка, знает всех немецких холоуев, так что он тоже в чем-то может помочь.

Как и приказал Темболат, Мажид запряг в сани самых лучших лошадей, какие только были у партизан, положил в сани мягкого пахучего сена, удобно усадил туда доктора, Курта, Закирея, Сакинат, сам взял вожжи, и хлестнул лошадей. Сани мягко скользили по снегу, лошади бежали легко. Остальные партизаны, будто надолго провожая куда-то друзей, все собрались и долго смотрели вслед саням.

И уезжавшие, чем больше отдалялись от лагеря, тем с большим сожалением оглядывались назад и махали руками.

Так они миновали большое открытое поле и поехали по дороге, по сторонам которой в небо взмывали высокие деревья с уже оголёнными ветвями. Она то змеилась по равнине, круто сворачивая то влево, то вправо, то круто поднималась вверх, то спускалась вниз...

Когда они поднялись на вершину и стали уже спускаться вниз, село открылось и стало видно, как на ладони. Улицы, крыши домов, деревья – всё было покрыто снегом. По центральной улице села сновали тяжёлые грузовики. В неопикуемой панике немцы двигались на запад, кто пешком, кто на машинах, кто на санях...

Когда дорога свернула влево и пошла к селу по направлению к той самой улице, где Мажид и Курт встретили в прошлый раз Гужа, собирающего с населения яйца, ребята, подумав об одном и том же, посмотрели друг на друга и улыбнулись.

В это время откуда-то вылетел самолёт и пронёсся очень низко над ними. На бреющем полёте он склонился на одно крыло и дал по саням две пулёмётные очереди. Люди не успели осознать происходящее, как окровавленные лошади упали на землю. Сакинат вскочила, но, не устояв на ногах, упала на лошадей. Мажид приподнялся на ноги и молча смотрел на истекающих кровью животных, на неподвижно лежавшую Сакинат, на людей, в страхе зарывшихся в сено; а сено загорелось, и огонь всё быстрее слизывал его.

Самолёт как появился, так же внезапно исчез. Сельчане видели всё, что произошло на дороге при спуске с горы, они уже бежали к пострадавшим. А Мажид продолжал неподвижно стоять. Сельчане окружили сани и остановились в нерешительности, не зная, к чему прикоснуть-

ся. Закирей совсем растерялся, он стоял над Сакинат не то плача, не то стеная, не зная, что делать с нею: поднять дочь или нет. Потом он быстро схватил Сакинат и поднял на руки. Не помня себя, с безжизненным телом Сакинат на руках, он отрешённо покинул толпу и направился по дороге к селу, почти не замечая людей, бегущих мимо него туда, где произошло несчастье. За ним, прихрамывая, поспешал и немец-доктор...

А Мажид всё ещё стоял неподвижно. Курт, печально опустив голову, сидел у его ног. Закирей никого не слышал и не видел, люди пытались его остановить, а он всё шёл и шёл. Кто-то двинулся за ним к селу, кто-то бежал к саням.

– О господи, что это случилось с сыном Бека, он просто окаменел на месте, – с рыданием бросилась к Мажиду одна из женщин. – Бедный мой брат, что за беда стряслась с тобой? – Она бегала вокруг саней и никак не решалась подойти к Мажиду. – Что с тобой? Разве ты не видишь, что произошло тут, не видишь, куда бегут люди?!

Но Мажид словно и не слышал её причитаний, он стол и немигающими глазами смотрел в одну точку.

– Слазь, говорю, с саней! – женщина решительно потянула Мажиду за руку и отвела в сторону. Курт тоже с трудом поднялся, взял свой сверток с немецкой формой, которую ему приготовили в отряде, и поплёлся вслед за ними...

Чем ближе он подходили к селу, тем тревожнее становилось вокруг: здесь в какой-то неуправляемой панике носились и немцы, и сельчане. Немцев охватила паника, потому что Красная Армия подгоняла их и они в спешке готовились бежать, а сельчане бегали друг к другу, чтобы поделиться общей радостью, что идёт освобождение.

Когда Курт и Мажид подошли к воротам Бека, старик сгрёбал во дворе снег, Маржан тоже возилась по хозяйству возле сарая.

– Ан-на, это не нашего парня ведут? Боже, что опять стряслось с тобой? – всплеснула мать руками и застыла на месте. Бек тоже остановился, не зная, бежать навстречу или нет.

– Слава Всевышнему, что он жив остался. Обеих лошадей убило сразу и сидевшего рядом с Мажидом человека тоже, – говорила женщина, ведя его к родителям. Курт шел сзади. Отец и мать в ужасе двинулись навстречу.

– Была я, значит, в том конце села у моей свояченицы. Вдруг налетел какой-то самолёт, мы со страху высыпали из дома. Самолёт где-то стрелять стал, потом улетел. Смотрим, люди бросились бежать к околице, ну мы тоже. Так я их там и нашла. Узнала Мажиду, взяла его за руку и вот привела. На наше счастье, хвала Аллаху, жив остался, – всё строчила женщина, обнимая то Бека, то Маржан.

Мажид стоял перед ними, ничего не слыша и не видя. Маржан и Бек, тоже молча, стояли некоторое время в каком-то оцепенении, потом Маржан спохватилась, что не обратила никакого внимания на Курта, и торопливо стала приглашать в дом, как бы стремясь искупить какую-то свою вину:

– Добро пожаловать, родные мои, с приходом вас! Зайдите в дом, – она жестом пригласила всех в дом.

Курт подошёл к ней, поклонился низко, поздоровался с Бекем.

Прошло три дня и две ночи, как по селу разнеслась весть о том, что, начиная от Эльхотова, Красная Армия неудержимо гонит немцев из наших сёл и городов.

Мажид всё ещё находился в оцепенении, словно контуженный, будто ничего не чувствовал и ничего не помнил.

Утром Курт подошёл к Беку, положил руку ему на плечо. Бек велел своей жене:

– Позови сюда Мурата, что-то этот гость хочет сказать.

Маржан быстро выбежала из дома.

– Я уеду на свою родину, – мягко сказал Курт.

– Не совсем понимаю, о чём говоришь, – с трудом подбирая русские слова.

– Я – немец, а потому и уеду в Германию, – уже жестами стал объяснять Курт.

– Зачем, живи у нас, ты стал вроде нашего сына, – говорил Бек по-кабардински.

– Война кончилась, Гитлеру – капут. Я уж лучше вернусь в свой дом, – всё пытался объяснить Курт.

В это время Маржан вернулась вместе с Муратом.

– А ну, узнай-ка, о чём он так переживает.

– Что ты хочешь сказать им? – спросил Мурат, с трудом подбирая немецкие слова.

– Я – немец, поеду домой, в Германию, – ответил Курт. – Родина... она лучше всего, родина – это... – дальше он, казалось, говорил сам себе.

– Говорит, что хочет вернуться к себе на родину.

– Скажи ему, пусть остаётся, наша земля тоже станет ему как родина, да и мы привыкли к нему, как к родному сыну, – попросил Бек.

Мурат перевел, смешивая немецкие и русские слова.

– Нет, это ваша родина, моя родина – Берлин, там мой дом, – ответил Курт.

– Не соглашается, – сказал Мурат старикам.

– Коли не согласен – что ж, силой не удержишь, – грустно проговорил Бек.

– Хотя я ненавижу фашизм и фашистов, родину люблю, – добавил Курт.

– Ему нельзя не ехать, – объяснил Мурат.

– Тогда я ему на дорогу что-нибудь соберу! – засуетилась Маржан. Курт зашёл во времянку и переоделся в немецкую форму. Сверху накиннул плащ-палатку и вышел. Крепко обнял Бека, потом подошёл к Мажиду, обнял и его, но тот даже не пошевелинулся. Маржан вернулась с сумой, которую обычно Бек брал на сенокос, в неё она положила сыру, лакумов, ещё кое-какой еды.

– Ал-лах, ещё литр кислого молока поставлю, – Маржан еще раз сходила в дом и вернулась.

– Всего лучшего, мать! – Курт обнял Маржан.

– Будь здоров, сынок, и счастлив. Куда бы ты ни шёл, да хранит тебя Аллах, – Маржан ласково провела шершавой ладонью по его лицу. Потом протянула ему суму. Курт перекинул ее через плечо и двинулся к воротам. Все пошли следом – проводить. Мажид тоже шёл за ними в отдалении. Так они миновали тёмную и узкую улицу с плетнями из колючего тёрна.

По центральной улице было много народа. Немцы оставляли село – на машинах, подводах, просто пешком. Мимо на подводе ехал Закирей, увидев Мажида, помахал ему рукой.

– Мажид, давай и ты с нами, ведь у тебя был немецкий друг, когда вернутся Советы, тебе покоя не будет – пропадёшь! – на полном ходу кричал он.

Мажид стоял, ничего не понимая.

Мимо прошло много машин и подвод. Курт, когда с ним поравнялся грузовик, на котором ехало всего несколько солдат, запрыгнул в кузов, оглянулся. Ему смотрели вслед.

– Всего вам доброго! – крикнул Курт и помахал им рукой.

Часть третья

Прошло пять лет после окончания войны.

Поезд шёл на восток. Перестук колёс и лязг металлических частей были так монотонны, так однообразны, что казалось, весь этот шум царит неизбежно над всем: над землёй вдоль железной дороги, над самой жизнью, над её путями-тропами. Когда паровоз отправлял в ночную тьму громкий сигнал, сон моментально улетал куда-то и растворялся, люди вздрагивали во сне.

Немалый путь уже прошёл поезд, пассажиры перезнакомились, успели поговорить обо всём и даже успокоились, а Курт лежал на полке и не мог заснуть. Никак не шёл сон. Из вагона в вагон с весёлым говором сновали молодые люди, проходили мимо какие-то шумные компании; всё это врывалось к нему в купе, и Курту казалось, что дорога не сокращается и ночь какая-то бесконечная. Он то кутался с головой в одеяло, то отворачивался к стенке, то ложился на спину и окидывал взглядом тёмное купе.

Тяжело проводить ночь без сна. В каком-то дремотном состоянии ты не то смотришь, не то смежаешь глаза, а в голову лезут самые невероятные мысли.

Иной раз Курту казалось, что никогда в жизни на его долю не выпадало столь трудной задачи, как сейчас, потому что горю и страданиям, которые принёс человечеству фашизм, этому ужасному наследию недавнего прошлого надо было противопоставить глубокую человечность, гуманность и доброту немецкого народа, те непреходящие ценности, которые не смог уничтожить нацизм. А будущие поколения? Курту не давали покоя думы и о судьбах этих поколений. Он постоянно думал о том, что

далеко не весь немецкий народ повинен в жестоких злодеяниях фашизма, и о том, что это необходимо доказать человечеству.

Это не давало ему уснуть и сегодня, этому он посвятил всю свою жизнь.

Как только сон немного одолевал Курта, к нему являлись кошмарные видения. То казалось, что все пассажиры поезда собрались у его купе и, приоткрыв дверь, шлют проклятья в его адрес. Среди них – юноши, молодые девушки, пожилые люди.

– Этот твой род проклятый сделал меня сиротой, – говорил один.

– Куда вы дели моё дитя, моего сына? – с яростью спрашивал другой...

Эти суровые слова отражались от всех стен в купе Курта... Потом эти люди отходили, растворялись в тумане, и появлялась старуха, немощная, вся в морщинах, на лице видна вся мировая скорбь, по морщинам её обильно текли слёзы. Она говорила с трудом, скорее причитала:

– Это фашизм принёс мне и многим из нас столько горя, мук и страданий... И не ищите оправданий, их у вас нет. Оставшиеся в живых и те, кто придёт на смену им, разве они вам всё это простят?

Только закончила говорить старуха, её сменил высокий мужчина в чёрных очках:

– Я только разумом представляю себе и бурную зелень весны, и цветение деревьев, и полевое разноцветье, и белизну снега зимой на вершинах гор, и синеву неба... Я ничего этого не вижу... Лучше бы убили меня, изверги, чем лишили этого...

По перрону вокзала сновали люди, среди них затерялся и катил на подшипниках, отталкиваясь от земли руками, совсем ещё молодой парень, у которого ноги были отрезаны у самого бедра. Он был привязан ремешками к тележке на подшипниках...

– Угостите сигаркою, дружище!.. Не подадите десять копеечек?.. Я тоже защищал Родину... Вас я защищал... Родина!.. Родные мои люди!.. Земля моя родная! Я всё это тоже повторял, всё это было у меня на устах, когда мог, когда был цел, здоров... Я был готов отдать за них жизнь... А теперь кому я нужен, кому? – обращался то к одному, то к другому этот парень, который некогда с оружием в руках мужественно шёл в бой... Теперь он просит... он сетует... он жалуется и проклинает... Но мало кто обращал на него внимания, останавливался, замедлял шаг.

– На, братишка, потяни, – сказал здоровый парень в матросской форме, протягивая калеке сигарку, которую только что скрутил и несколько раз жадно затянулся...

Другой, пробиваясь сквозь толпу, подошел к калеке и насыпал ему в руку мелочь... Калека посмотрел на монеты и от чувства унижительной жалости к себе закрыл лицо руками, чтобы не смотреть людям в глаза. Сердце его сжалось от злости, от бессильной ярости и злобы к чёрной силе, которая довела его до этого; он сжал зубы, выдавливая с силой каждый звук, проговорил: «Война... немцы... фашизм... э-эх-х!» – на глаза набегали невольные слёзы, и широкое открытое лицо его скомкала жестокая обида за свою участь.

Другой парень сидел на перекрёстке улиц, положив единственную ногу на костыли, протянув шапку единственной оставшейся рукой и просил прохожих подать, кто сколько может... Люди кидали ему мелочь..

Оборванные и голодные дети преградили Курту дорогу.

– Где моя мама?

– Папа мой где?

– Куда вы их дели?.. Вы скоро отпустите их обратно?.. Мне холодно... И хочу есть... – дети тянули к нему ручонки, просящие и грозящие ручонки. Курт хотел вырваться, убежать, но они цеплялись за одежду, не пускали. Он отдал одному из них шляпу... Кого-то закутал в свой пиджак... Третьему отдал рубашку...

Потом Курт оказывался в Москве, шел по улице Горького, окна домов распахивались, и из одного громко спрашивал его пожилой мужчина с пышными усами:

– Куда вы увезли мою супругу?

– Бы убили моего Володеньку, изверги! – кричала сухая длинная девица, почти до пояса высунувшись из окна с противоположной стороны улицы.

– Убийцы, звери вы... вы убили моих сына и мужа, теперь я осталась, как брошенная собака! – слышал Курт голос сзади.

– Вы столько горя и бед оставили на земле!..

– И столько жизней загнали в землю...

Вслед Курту кричали люди, которым война принесла невосполнимые утраты, горе и муки. Проклятья и упрёки неслись со всех сторон, со всех этажей; люди выглядывали из окон, останавливали его, кричали вдогонку... Курт ускорял шаг, чтобы уйти, убежать от всего этого ужаса, но проклятий становилось всё больше. Курт в страхе окидывал улицу взглядом. Но, кажется, проклятья слали ему не только люди, но даже кирпичи в домах, окна и двери, мимо которых он шел, тротуар, по которому он ступал, зелёные листья на деревьях. Курт ускорял шаг. Но с каждым шагом он, казалось, наступал на какие-то неведомые кнопки, и все окна многоэтажных домов автоматически распахивались и из каждого несло проклятье. Потом все эти проклятья переходили в какой-то плач, реквием, и вся улица наполнялась этим плачем. Это ещё быстрее гнало Курта вперёд... Вот он выбежал на Красную площадь...

В это время Курт проснулся. Через окно в купе врывались яркие лучи солнца, но пассажиры всё ещё спали. Паровоз беспрерывно слал своё «ку-ку-у-ук», чувствовалось, что поезд приближается к какой-то станции...

Москва. На Белорусском вокзале толпился народ. Кто-то бежал за уходящим поездом, кто-то кого-то провожал, кто-то встречал. На платформе собралась большая группа школьников со своими учителями. Над ними между двумя столбами был натянут красный транспарант, на котором большими буквами выведены слова приветствия: «Привет дорогим немецким гостям!». Порывистый ветер колыхал транспарант, отчего буквы на нём казались больше.

Высокий седой старик в роговых очках снова и снова прочитывал

слова приветствия и недовольно, будто сам себе, говорил: «Обидно, обидно мне, что дорогими гостями для нас уже стали те, кто только вчера пил нашу кровь...»

Словно в ответ ему, слышались и другие голоса:

– Это антифашисты.

– Они всю войну боролись против фашизма.

Школьникам понравились эти слова, они оглянулись, чтобы увидеть, кто говорит, но в этот момент со всех сторон из репродукторов, развешанных по перрону, слышались слова: «Поезд из Берлина прибывает на первый путь второй платформы».

Официальные лица, встречавшие гостей, и школьники сквозь густую толпу направились к вагону, в котором ехали немцы.

Курт, поняв, что эти люди направляются именно к ним, встал у выхода из вагона и, радостно улыбаясь, приветствовал хозяев: «Здравствуйте, дорогие товарищи!..»

В селениях Кавказа утро наступает, кажется, раньше самого утра. Но не скоро заглядывает солнце в селение, раскинувшееся у подножья гор. Пока солнце поднимется высоко, то выглядывая между зубчатыми вершинами гор, то вновь скрываясь за другими вершинами, кажется, сами горы становятся ниже и ниже. Только где-то к полудню солнце обращает на село свой полный лик. Всё многообразие, за долгую ночь соскучившееся по светилу, радостно раскрывает свои объятия навстречу тёплым лучам, засверкав изумрудом росинок, а лучи, счастливые щедростью земли и восторгаясь этой бескорыстной данью, быстро собирают с трав росинки. Травы становятся сухими, но всё равно ясно, что ночью выпала обильная роса, потому что когда подводы, полные колхозников, весёлых и шумных, выезжают на улицу, даже ни одного облачка пыли не поднимается.

Встречая большой, радостный праздник, школьники сегодня выглядят наряднее обычного, но печать тяжелого времени видна и на них: у кого-то парусиновые чужачки стоптались совсем, у кого-то на штанишках – грубо пришитая латка, у кого-то рукав платья на локте совсем прохудился; у большинства вместо галстуков на шеях висят выцветшие красные лоскуточки. На ногах у многих мальчишек огромные кованые немецкие ботинки; другие мальчишки с нескрываемой гордостью и щегольством напялили на головы поношенные и просоленные потом солдатские пилотки.

Но всё это свидетельствует об одном: далеко не все раны войны залечены, не все беды ушли от людей, все ещё трудно, голодно и холодно, всё ещё тяжело людям.

Но стоило повнимательнее присмотреться, прислушаться к веселью, к шуткам идущих на работу людей, к неумолчному гомону детишек, группами заполняющих просторный школьный двор, ко всему, что творилось вокруг, как становилось ясно: пусть пока бедно выглядят наши сёла, пусть не так ещё одеты люди и не всегда едят сытно, но во всей обновляющейся жизни чувствовалось, что будущее прекрасно. Да, горцы,

эти простые сельчане, хлеборобы и скотоводы, они пережили все ужасы войны, вынесли все её тяготы, выстояли, защитили свою землю, свою честь, сохранили глубокую человечность и добродушие, всё, что делает этот народ красивым и своеобразным... Иначе бы они не могли бы смело и открыто смотреть друг другу в глаза, без такого духа они бы не выстояли в тяжкую годину.

Вы только посмотрите, с какой величественной гордостью, самосознанием, с какой верой в свою чистоту встречают гостей седобородые и мудрые старцы села, с каким достоинством. Это говорит о том, что их односельчане не опозорили себя, не совершили подлых дел, когда лютый враг зверствовал в селе. Таков этот народ, таков его облик.

Испокон веков в этом селении стало обычаем: если кто-либо из односельчан своим поступком или словом опозорил себя, совершил нечто неподобающее горцу, то старики села не только винули того человека, они эту вину относили к себе, стыдились друг друга, не поднимали головы друг перед другом; много времени этот позор тяжёлым камнем лежал на их душах. Поэтому и повелось здесь всем селом делить поровну и доброе и злое; поэтому все сельчане и чувствуют себя в единой семье, где всё общее. Если к кому-то пришёл гость, то он гость и для всего села. Если у одного есть дело, то всем селом его делают. Дело всех – дело каждого... Вот и сегодня в это селение должен прибыть гость. Пусть он посетит чей-то дом, чей-то очаг, но он гость всего села. Иначе бы в школьном дворе вместе с детворой не сустились бы и седобородые старики, помогая детям убирать двор, указывая, что делать, как лучше себя вести.

Школа стоит под горой, она огорожена плетнём. Там, у плетня, по всему кругу собралось столько женщин, чтобы встретить гостя, что самого плетня и не видеть.

А за спинами этих женщин туда-сюда снуют подводки, что-то привозят, куда-то снова уезжают; дошкольники собрались на поляне и устраивают скачки ишаков. Всё это говорит о том, что здесь ожидается какое-то большое торжество, событие.

– Они уже приехали! – донёсся радостный клик. И люди сразу как-то притихли, остановились. Старшие заняли в стороне почётное место, и низенький седой старичок дал им какой-то совет.

Школьники тоже выстроились по классам, учителя ходили перед ними, поправляли шеренги, следили, чтобы все выглядели аккуратными. А те, кто должен был произносить приветственные стихи, старательно ещё раз повторяли тексты.

К школе подкатила чёрная «М-1». Из машины вышли Курт и сопровождавшие его люди. Старшие встали навстречу им.

Курт, тихо обходя шеренги школьников, вдруг заметил, что у одной девочки одна рука до локтя ампутирована. Он остановился перед нею и долго стоял молча. Потом тихо и очень грустно произнёс:

– Много бед и горя принёс людям фашизм. И это ещё надолго останется в человеческой памяти. – Затем Курт опустился на колени перед девочкой и поцеловал ее руку.

На всем школьном дворе царила напряжённая тишина. Все притихли в ожидании, что будет дальше.

К горлу Курта подступил горький комок, с трудом подавляя слезы, он обратился к девочке:

– Жестоко обошлись с тобой фашисты, девочка... Ты прости меня. Немецкий народ не хотел этого, он не виноват... – Дальше он не мог сказать ничего, встал и тихо пошёл дальше вдоль шеренги, затем остановился, отойдя.

– Товарищи! – начала речь высокая женщина, чуть выйдя вперёд. – Курта мы знаем не только как мужественного партизана, он ещё и талантливый художник. Он один из тех, кто внёс заметный вклад в общую культуру Германской Демократической Республики. Он привёз к нам очень интересную персональную выставку, и всех вас мы приглашаем в клуб осмотреть её. Он создал немало живописных полотен, посвящённых нашему краю, нашим горам и людям. Искусство Германии имеет свою славную и большую историю...

Люди толпами шли в клуб. В большом зале были вывешены картины, посвящённые сёлам Кабардино-Балкарии, подвигам героических её партизан, зверствам фашистов, которое чинили они на нашей земле. На эту выставку пришли и односельчане Мажиды. Они остановились перед картиной, изображавшей убитых лошадей возле саней. Всех поразила правда, заложенная в картине; она вызывала в них гнев в адрес фашистов, творивших столько зла; картина восстанавливала в памяти людей всё то, что было пережито ими. Никого не оставила равнодушным картина; у кого-то по телу пробегал холодок ужаса, кто-то готов был расплакаться...

– Это произошло в нашем селе, – сказал один, приближаясь к Курту.

– А ты помнишь людей, с которыми это произошло?

– Да, слышал о них.

– Ну, а кто из них есть в живых?

– Мажид.

– А где он?

– Как кончилась война, с тех пор лежит в больнице.

– Отец его жив?

– Нет, ни отца, ни матери уже нет...

По левую сторону широкой дороги, ведущей к больнице, выстроились пионеры. Курт вспомнил эти места и жадно оглядывался вокруг.

– Почему пионеры стоят здесь? – спросил Курт спутника.

– Здесь похоронена наша героическая партизанка... С того времени, как мы отпраздновали нашу великую победу, ни на час её одну не оставляют, стоят в карауле, сменяя друг друга, пионеры, – ответил учитель.

Курт сразу же вспомнил Сакинат, вновь мысленно увидел всё. Вот она вместе с ним зашла в партизанский шалаш, вот они вдвоём сидят у костра...

– Партизанку звали Сакинат? – спросил Курт, глядя в сторону пионеров.

– Да. Откуда вы знаете? – учитель взглянул на гостя.

Они подошли к пионерам... Долго смотрел Курт на фотографию,

вделанную в памятник; на фото была весёлая красивая девушка. А потом Курт обошёл вокруг памятника, рукой поглаживая его.

– Это тоже след жестокости фашистов, – тихо проговорил Курт. – Это тоже один из позоров фашизма.

– Вы знали её? – спросил учитель.

– Я был с нею много времени, – ответил Курт.

Они отошли, но Курт ещё долго оглядывался на памятник. Пионеры сменяли караул...

Курт зашёл в больницу. Осматривая широкий и светлый коридор больницы, подумал: «Пять лет прошло, как кончилась война, но её грозное эхо до сих пор стоит в ушах. И доносится это эхо не из пустынь, где сапёры взрывают найденные в земле мины и бомбы. Эхо это несётся из людских сердец, из сердец тех, кто пережил её ужасы, кого обожгло её пламя. Это эхо звучит всегда горем, бедой, горьким плачем... Да, и конечно, эхо великой Победы вьётся гордо над всем, оно радостно живёт в каждом сердце, но и человек, с которым я сейчас встречу, это тоже эхо войны. Но чего в нём больше: горя войны или радости победы?».

Главный врач радостно встретил Курта.

– Добро пожаловать. Вы кого хотели увидеть?

– Мажида. Говорят, он лежит у вас давно.

– Мажида, говорите? Он не узнает вас.

– Это как?

– Пойдёмте, я познакомлю вас с историей его болезни. Главврач усадил Курта к большому столу в кабинете. Сам несколько минут возился в большом шкафу, потом достал один листок и повернулся к гостю.

– Больной, о котором вы спрашиваете, потерял речь, не знает, где находится, забыл названия месяцев, числа, годы – всё забыл; не может вспомнить даже собственного имени. Все эти беды случились с ним, когда он воевал в партизанском отряде.

У Курта в глазах потемнело, и он быстро закрыл лицо руками.

– Что, что с вами? Вы не заболели? – вскочил и бросился к гостю врач.

– Нет, нет. Ничего, – ответил тот, с трудом сдерживаясь. Перед его мысленным взором возникло всё: и убитые лошади, и ручейки крови, текущие из-под них, и снег, окрасившийся в кровь... И Сакинат...

– Ничего, не беспокойтесь, всё прошло, – сказал Курт успокаивающим тоном, но тяжело вздохнув, что означало, что он о многом вспомнил в эту минуту. – Как бы там ни было, если возможно, пожалуйста, покажите мне его, – попросил Курт.

– Почему же нельзя? Но какой смысл? – спросил доктор. Он нажал кнопку вызова на столе, и в кабинет тихо вошла миловидная девушка. – Пригласи-ка сюда Партизана, – сказал он ей.

Курту показалось, что в слово «партизан» врач вкладывает что-то пренебрежительное, непочтительное и насмешливое, и это больно ударило его по сердцу.

Девушка вышла.

– Почему же вы не зовёте его по имени? – спросил Курт.

– Я и сам не знаю. Может быть, потому, что он сам не помнит своего имени, – простодушно, так, между прочим, ответил доктор. Потом он поднял голову, взглянул на гостя и по его глазам понял, что тот осуждает, укоряет его и поспешил как-то всё сгладить: – Да, совершенно ничего не помнит. Так уж лучше «Партизан», чем как-то иначе...

Девушка-секретарь отворила дверь и пропустила в кабинет больного. Он остановился у самой двери, печальный, казалось, совершенно отрешенный от всего – точно как тогда, на санях.

– Пройди сюда, пройди, – сделал жест доктор.

Но Мажид ещё некоторое время стоял неподвижно и молча.

Курт вскочил и подошёл к нему.

– Ты меня узнаёшь? Я – Курт, – сказал он, стуча себя в грудь.

Мажид на какое-то мгновение, показалось, что-то усиленно вспоминал, сморщив лоб, потом покрутил поседевшей головой, как бы говоря, мол, я ничего не помню.

– Вот, как видите, – сказал доктор. – Пять лет, как кончилась война, а таким он стал ещё за два года до победы. – Врач вздохнул, сложив руки на животе, давая понять, что тут ничего нельзя поделать.

Курт не успел ничего ответить, он увидел рядом какую-то тень и поднял голову. Мажид стоял над ним, силясь что-то вспомнить, но не умея это выразить. Курт встал и подошёл к нему совсем близко.

– Я – Курт, как же ты не узнаёшь меня? – чуть не плача, спрашивал он. Мажид мучительно крутил языком во рту, словно пытался что-то проглотить и не мог; он то мычал, то делал какие-то жесты, он мучительно пытался что-то сказать, потом, будто все-таки проглотил мучивший его комок, почти внятно произнёс: «К...к...ку...курт».

– Да, да, Курт, Курт! – бесконечно обрадовался Курт, бросаясь обнимать Мажида.

Они долго тискали друг друга в объятиях, смотрели друг другу в глаза, потом снова обнимались. Потом Мажид высвободился и произнёс, уже не разбивая слов на звуки:

– Я – Мажид!

– Заговорил! Память к нему вернулась! – закричал, не сдержав радости, доктор. Девушка-секретарь подбежала к двери, не понимая, что произошло.

– Курт, Курт, Курт, – беспрестанно повторял Мажид, снова и снова обнимая своего друга.

А Курт не знал, что и делать от счастья. На глаза набежали слёзы. Доктор тоже радовался, как ребёнок. Сбегались больные и тоже радовались случившемуся чуду... Подумать только – Мажид пришёл в себя, речь вернулась, память вернулась, а ведь до сих пор в нём только теплилась душа, а в сущности ничего уже не значила...

На второй день Курт и Мажид пришли к Сакинат, к её святой могиле. Здесь, на могиле Сакинат, никогда не увядали цветы, букеты ярких цветов всегда лежали на ней, и всё же цветы, принесённые Куртом и Мажидом, людям показалось, выделялись особенно ярко...

КРЫСЫ

Рассказ

Мальчик, с трудом открывший тяжелую, с двух сторон обитую войлоком дверь, влетел в дом, споткнулся о старую обувь у порога и растянулся на полу.

Не успев еще встать, он приподнял голову и громко сказал: «Там Мажир с кем-то дерется!» На лице у него было такое выражение, будто он ожидал, что, услышав его слова, все ринутся на улицу.

– Что ты там болтаешь? Иди, поиграй, это тебя не касается! – грубо сказал ему хозяин дома.

– Там Мажир на кого-то очень громко кричит! – сказал мальчик, встав и потирая ушибленный локоть левой руки.

– Сынок, иди поиграй, друзья, наверное, тебя заждались.

Обиженный тем, что его новость ни на кого не произвела впечатления, мальчик направился к двери и, споткнувшись, чуть не упал во второй раз.

– Кажется, ты дверь плохо прикрыл, напустишь холода, – сказала высокая стройная женщина, готовящая за столом еду. Она подошла к мальчику, незаметно для остальных сунула ему в руку два куска сахара, выпроводила его на улицу, плотно прикрыла дверь и вернулась к прерванному занятию.

В комнате за столом сидели двое мужчин. По виду и поведению их можно было принять за важных персон. Один из них был чрезвычайно черен, другой безобразно рыж, как навозный жук.

Старший из них своей пухлой, как медвежья лапа, рукой отер пот со лба; затем потянулся к бедру, нащупал «шестизарядку», как бы желая удостовериться, что она на месте, и строго посмотрел на Аккайсу, уже несущую им еду, как бы говоря, что она могла бы быть порасторопней.

Хозяин дома молчал, было видно, что он боится своих незваных гостей. Протянув «Рыжему» чашу с айраном, он, явно робея, но желая как-то поддержать разговор, произнес:

– Что ж, бывает и так...

– О чем это ты? – недоуменно спросил его старший из гостей.

– Говорю, что ему темноты бояться? Не ребенок ведь, – дрожащим голосом ответил хозяин. – А вы кушайте, кушайте... Отдайте... С холода же пришли... Да и проголодались, наверное...

Хозяина дома звали Эрбол. Четыре года он храбро сражался с фашистами, был не раз ранен, не робея, смотрел в лицо смерти, но сейчас явно трусил. Он не очень понимал, что происходит, несколько раз порывался спросить напрямую, но язык его не слушался, и все что он мог сказать, было: «Кушайте, пожалуйста, кушайте».

«Молчунам», приехавшим из райцентра, расположенного в пятидесяти километрах, только это и нужно было. Не то что разговорчивость, даже простая вежливость считалась у них нарушением дисциплины. Молчаливость – вот что было главным в их работе. Молчание наводило на людей

страх. И эти двое явно знали свое дело. Поэтому-то Эрбол, который после стакана водки любил рассказывать о войне, о том, как они лихо расправлялись с фашистами, сидел сейчас перед ними ни жив ни мертв. Что уж говорить об остальных. Ангела смерти Азраила люди боялись, наверное, меньше, чем этих «краснопогонников»: они готовы были бежать на край света, чтобы только не попасться им на глаза.

Вот и сидел сейчас «герой», собиравшийся еще недавно прямо спросить незваных гостей: «За что арестовали Мажира?» – совершенно потерянный. Временами холодок пробегал у него по спине.

Если подумать, раз арестовали, значит, что-то они имеют на Мажира. А начни их расспрашивать, того и гляди самого запрут вместе с ним.

В сущности, что он знает о Мажире? Ушел на фронт два года назад. Вскоре был комиссован. Пока разыскивал своих родителей на бескрайних просторах Казахстана, те умерли и были зарыты в землю – без «жаназы намаз»¹, без обязательных мусульманских обрядов. Живет здесь около года, семьей еще не обзавелся.

В сорок втором году вернулся с фронта двоюродный брат Мажира по матери Кумук. Его комиссовали в связи с ранением в голову. У него жена и трое детей. Мажир живет с ними. По слухам, сам Мажир тоже собирается жениться. Время, конечно, трудное, большого достатка ни у кого нет, но с невестой у него все уже обговорено.

О произошедшем сегодня Кумук не знает. Несколько дней назад он уехал в отдаленный колхоз на мельницу и должен вернуться только сегодня.

Дело шло к вечеру, когда объявились эти двое, свалились как снег на голову. Когда они, решительно отворив дверь, вошли в контору, у Эрбола душа ушла в пятки. Появись сейчас на пороге отец его отца Ортабай, некогда отправившийся в паломничество в Мекку и там нашедший себе могилу, Эрбол не был бы так ошарашен, как при виде этих «гостей». Вскочив с места, он пошел им навстречу и поздоровался с ними двумя руками. «Заходите, добро пожаловать».

Гости были не особо вежливы. Они нехотя протянули ему руки.

– Ты знаешь, где сейчас находится Таулуев Махти? – без долгих предисловий спросил рыжий коротыш.

– Кто? А, Мажир... За сеном поехал. Сейчас вернется.

– Как вернется, пусть немедленно явится сюда. Если о нашем приезде узнает кто-либо, кроме тебя, будешь отвечать перед законом! Понятно?

– Понятно, начальник.

Все трое довольно долго постояли молча.

С улицы донесся скрип саней. Выглянув в окно, Эрбол увидел Мажира, ехавшего на груженых сеном саях, понукая волов. Дорога на ферму проходила мимо конторы.

– Пришел, – сказал Эрбол. Сердце его забилося учащенно.

– Зови!

Эрбол выскочил на улицу и закричал вслед удаляющимся саям:

– Эй, Мажир, доедешь до фермы, сразу возвращайся сюда! Слышишь?

Поторопись!

¹ Жаназы намаз – намаз, совершаемый над телом покойного перед захоронением. Жаназы-намаз совершается стоя.

Сидевший на сене Мажир обернулся и, пряча лицо от ветра, крикнул: «Хорошо, сейчас приду».

Исполнительный Мажир не заставил «молчунов» долго себя ждать.

– Ты пока выйди, – сказал «Рыжий» председателю.

Эрбол, выйдя в коридор, проторчал там, куря одну за другой папиросы, около получаса, пока его не позвал «Черный»:

– Найди место, куда запереть этого балкарца!

Председатель совершенно не понимал, что происходит, но не стал ни о чем спрашивать и повел их к дому Асемгуль. С тех пор как бедная женщина умерла, узнав, что ее единственный сын в первые же месяцы войны пропал без вести, старый дом ее стоял заброшенный.

«Черный» открыл гвоздем заржавевший замок на дверях и подвинулся в сторону. Идущий впереди «Рыжего» Мажир, ступив на порог, обернулся. Лицо его было бледно.

– Эрбол, будь осторожен, здесь полно доносчиков, – сказал он сквозь зубы.

– Разве я не говорил, чтобы ты не открывал рот?!

«Рыжий» ударил Мажира по затылку, и вдвоем с «Черным» они затасили его в дом. Оставшийся на улице Эрбол осторожно заглянул в щель неприкрытой двери. Незваные гости, заломив Мажиру руки за спину, крепко связали их. Затем стали надевать ему на ноги что-то, чего Эрбол никогда не видел. Это были кандалы. От ужаса у него волосы встали дыбом, и он отпрянул от двери.

«Черный» вытащил из кармана новый замок и повесил его на дверь. «Рыжий» строго спросил Эрбола:

– Кто-нибудь видел нас?

– А? Что? Да... Н-нет. Может дети, игравшие на улице... Когда мы шли сюда.

– Смотри, если кому-нибудь хоть слово скажешь!..

Он не сказал, что будет в таком случае. Ясно было и так.

– А? Да. Нет... Как скажете!

– Нам нужно место, чтобы переночевать.

– Что? Переночевать? Где?

– Манкурт! Не видишь, что творится?! – сказал «Рыжий», строго сдвигая брови и указывая на север.

– Да-да, ночлег найдется. Пойдемте к нам. Да... Уже поздно. Куда уже идти?

Он засеменял впереди незваных гостей.

«О, Творец! Четыре года я ходил под пулями, но никогда еще так не боялся! То была война, всенародное бедствие. А что происходит сейчас? Хуже светопреставления!»

Но эти крамольные мысли тут же исчезли, как обрывок сна. Страх обуял его душу, тело. Он всеми силами старался не думать ни о чем, отогнать мысли, одна за другой мелькающие в его голове.

...А эти все молчат. Хоть бы слово сказали, чтобы ободрить хозяина дома, где пробуют хлеб-соль и собираются переночевать. Стоит им только нахмурить брови, как все внутри у Эрбола холодеет.

– Выпейте чаю. И ешьте, пожалуйста, ешьте...

Случайно взглянув на жену, он увидел в ее глазах упрек. Ему стало стыдно за свое подобострастное радушие.

«Вот только твоих упреков мне не хватало», – с обидой подумал он.

В полном молчании гости умяли пол-ягненка и, вопреки казахским обычаям, вернули хозяйке пустое блюдо.

Постелив гостям в тесной комнатухе, сами хозяева легли спать в сенах.

Буран, начавшийся вечером, все набирал силу. Ветер со свистом швырял в окно снег.

– Эрбол! – сказала шепотом Аккайса из-под одеяла. – За что арестовали балкарца?

– Что? – встрепенулся Эрбол. – Кто тебе сказал об этом?!

Аккайса только ухмыльнулась в ответ.

– Вы еще не дошли до дома, когда все село уже об этом знало.

– А я откуда знаю, за что?! Докладывали они мне, что ли? А ты смотри – никому ни слова!

Он и сам не совсем понимал, почему запрещает жене говорить о том, что известно всему селу...

– Ты, как собака, у которой всегда волк виноват... Не срывай на мне свою злость, – сказала жена, поворачиваясь к нему спиной.

Из комнаты доносился одновременный храп гостей, будто соревновавшихся друг с другом.

На улице завывал, как собака, буран, томил душу.

«О, Творец, за что пострадал этот несчастный? Ни вражеские пули, ни снаряды не убили его, а тут смерть нависла над ним. Бедняга. Лучше бы ты умер у себя на Кавказе».

Эрбол долго еще ворочался, не в силах заснуть...

***

Утром следующего дня в селении Тегистик произошло событие, о подобном которому, пожалуй, никто в мире не слыхал. Сельчане были бы не больше поражены, взойди сегодня солнце на западе. Виновниками же события, повергшего в ужас всех жителей, были два приезжих «молчуна» и Эрбол.

Буран бушевал всю ночь, и утром им еле удалось открыть дверь, до половины занесенную снегом. Войдя в дом, они остолбенели.

Лежащее на полу тело Мажира выглядело так, будто его растерзали собаки. Все стены были в кровавых пятнах.

Эрболу подумалось, что это страшный сон. Когда же он убедился, что все это явь, ему припомнилась недавнее происшествие.

Однажды вечером несколько волков прямо на виду села за считанные минуты разорвали годовалого теленка на куски. Было еще не темно, сельские собаки захлебывались в лае, люди всполошились. Но к тому времени, как люди подоспели туда, волки успели справиться с несчастным животным, продрались через кусты и скрылись в густых зарослях камыша.

Тело Эрбола обьял холод, силы покинули его, он почти терял сознание.

«О, Аллах, пусть это будет сон!» – подумал он, читая про себя все молитвы, заученные в детстве, и прислонился к стене. Потому что сейчас перед ним лежал не теленок – лежал растерзанный человек. Мусульманин, его брат по вере.

Он не мог вымолвить ни слова. Тело его было охвачено дрожью. Казалось, кровь остановила свой бег по жилам. «Молчуны» о чем-то шептались, но он их не слышал.

В это время послышался звук «чык-чык». У пола в стене была большая, в два кулака, дыра. Приглядевшись, он увидел там сверкающие, круглые, как пуговики, глазки. Крыса? Да, это была крыса.

Она несколько не боялась людей. Стояла, облизывая тонким красным языком губы.

Исчезла. Снова появилась.

Никто не двигался с места, и крысы стали вползать в комнату одна за другой. Но как только кто-то из стоявших в комнате шевельнулся, они, перепрыгнув через лежащее на полу тело, скрылись в дыре. Эрбол стоял ни жив ни мертв. «Черный» что-то сказал ему, но Эрболу было не до него. Ему стало дурно, и он ринулся на воздух, зажав рот рукой.

«Молчуны» вышли вслед за ним и, осыпая руганью, затолкали ему в рот снега.

У Эрбола голова шла кругом, он ничего не сообщал.

«Молчуны» заперли дверь и, взяв под руки, поволокли председателя к конторе.

Постепенно начали собираться люди. Эрбол узнал в толпе рыдающего в голос Кумука. Мужчине не положено плакать, что бы ему ни пришлось испытать. Но кто его сейчас осудит?

«Ой, несчастные, что случилось с этими людьми? Казахи, балкарцы – все плачут... И разве в нашем ауле живет столько человек?..»

«Молчуны», придя в контору, заперлись изнутри, сели по обе стороны стола и начали заполнять какие-то бумаги. Расписавшись на каждой странице, они протянули бумаги Эрболу. Не имея представления, что там написано, он поставил свою подпись в указанном месте. Ему сейчас было все равно. «Молчуны» засунули бумаги в армейские планшеты, вышли на улицу и сели на коней. Кони, как и их хозяева, наелись за ночь до отвала – на них еле затянули подпруги. Бороздя снег, доходящий до колен, они галопом перевалили через холм и скрылись из глаз.

Село осталось, погруженное в траур.

– Эсиркеп, кровь обрушилась на нашу голову! Я лишился единственного брата! В чем он провинился? Ты же называл его своим другом?.. Разве вы не прошли через одинаковые страдания? За что на нас прогневался Аллах?

В окружении нескольких человек к конторе подходил, ревя, как вол, Кумук.

Эрбол был не в состоянии утешить кого-либо. У него подкосились ноги, и он присел на наметенный за ночь сугроб.

***

Жители села, что казахи, что переселенцы, увидели достаточно горя за

годы войны. Шестнадцать храбрых, как львы, юношей, остались на полях сражений. Кроме того, недавно «молчуны» забрали двух парней, которых больше никто не видел. Но произошедшее с Мажиром заставило забыть обо всех предыдущих бедах. Все пришедшие на похороны, от мала до велика, стояли, молча глотая слезы. В их глазах он был настоящим шейитом¹.

Никто никому не выражал соболезнования – это было общее горе. Люди просто стояли и проклинали про себя «молчунов». Даже у стариков, привыкших стойко переносить вся тяготы жизни, и любивших повторять: «Судьба каждого написана у него на лбу», – долго еще на глазах не просыхали слезы.

***

Эрбол приближался к конторе, когда Кумук, бороздя глубокий снег, пошел ему наперерез. Председатель, заметив его, замедлил шаги. Они не виделись с тех пор, как справили трехдневные поминки по Мажиру.

Эрбол вспомнил недавний разговор с женой. Однажды вечером она сказала: «Жена Кумука жалуется, боится, как бы он не сошел с ума: сидит, ни с кем не разговаривает, а потом вдруг, скрежеща зубами, начинает повторять, что не успокоится, пока не перебьет всех крыс».

– Не распускайте языки, не лезьте, куда не следует! – грубо оборвал ее Эрбол.

– Упаси Аллах! Конечно... Просто я боюсь, что это может тебя коснуться, – сказала жена, жалея, что затеяла этот разговор.

Будь это раньше, Кумук, приветливо улыбаясь, громко поздоровался бы с председателем: «Салам алейкум, ага!» А Эрбол спросил бы его: «Как поживаешь?»

Но сейчас Кумук был мрачнее ночи.

Эрбол, по привычке, чуть не задал свой обычный вопрос, но вовремя опомнился. Ясно было, как мог поживать человек, десять дней назад похоронивший своего брата – единственную опору.

Решив заговорить на нейтральную тему, Эрбол спросил: «А ты основательно утеплил свой загон для скота. Когда успел?»

Но тот ничего не ответил и пошел рядом. Войдя в контору, Кумук подошел к окну и стал смотреть на улицу.

– Ты по делу зашел, Кумук-джан? – спросил Эрбол.

– Я не успокоюсь, пока не подожгу этот дом, – сказал Кумук, не отрываясь от окна.

– Какой дом? О чем это ты?

Вспомнив, что из окна конторы был виден дом Асемгуль, он со страхом воскликнул: «Спалю дом! Ты понимаешь, что говоришь? Зачем его сжигать?»

– Так я расправлюсь с крысами.

– Ладно, крысы. Но дом-то – колхозный! Государственный!

– Пусть!

– Кумук-джан, не говори так. Пусть больше никто от тебя не услышит этих слов. Навлечешь на себя беду, – просительно сказал Эрбол. – Забудь

1 Шейит – человек, принявший мученическую смерть за веру.

даже думать об этом! Вспомни, что стало с твоим братом за то, что неуважительно отозвался о Сталине и Берия.

– Нет, я поклялся – и я это сделаю!

– *Айналайын-ау, тюзюнсенгши!*¹ – Эрбол был в полной растерянности. – Ты сам прекрасно знаешь: не то что за дом – за курицу человека объявляют «врагом народа» и приговаривают к десяти годам! Хватит с нас того, что уже случилось! Ты представляешь, что будет с твоей женой и маленькими детьми, если тебя арестуют? И ты, и Мажир всегда были очень уважительны ко мне! Я благодарен тебе за это. Оба мы – мусульмане. Я старше тебя. Послушаешься меня – не ошибешься. Возьми себя в руки.

Кумук молча направился к дверям. Мужчину, еще недавно крепкого, как опорный столб дома, трудно было узнать: он как будто стал меньше ростом, плечи его поникли. Низко согнувшись, он вышел через маленькую дверь и ушел.

Эрбол подошел к окну. Увидев, что Кумук, свесив голову, идет по направлению к колхозной ферме, он вздохнул с облегчением. Будто ноша свалилась у него с плеч.

***

– Ага, подойди-ка сюда!

У Эрбола, проходившего мимо заброшенного дома, бешено застучало сердце.

В первую очередь он посмотрел на окно «злого» дома, по середину занесенного снегом, но никого не увидел. Затем, подойдя поближе, заметил по ту сторону забора чью-то голову. В глазах у него рябило, сердце все еще стучало так, что, казалось, выпрыгнет из груди. Он с трудом убедил себя, что этот человек в ушанке с торчащим ухом не сказочное существо, а Кумук.

– Сюда. Иди сюда, ага.

– Ох, чтоб тебя... Что ты здесь ходишь ни свет ни заря, людей пугаешь?

Будь это не Кумук, Эрбол отвел бы душу, не подбирая выражений. Но его он ругать не стал.

Подойдя к двери, Кумук сдернул засов, висящий просто для порядка, отворил дверь и вошел внутрь.

Дом, где произошла та страшная трагедия, стоял на дороге, ведущей из конторы к его дому, и Эрболу было неприятно даже просто проходить мимо него. Не желая входить, он в нерешительности остановился у порога.

– Пошли, ага, пошли, я тебе что-то интересное покажу, – сказал Кумук и, схватив за руку, легко, как ребенка, втащил его внутрь.

«Кажется, правда, что этот несчастный тронулся умом. Что ему нужно в доме, где крысы растерзали его брата?» – подумал Эрбол.

Кумук отпустил его руку, вытащил из кармана спички и поджег фитиль маленького медного светильничка. По комнате заметались тени, она немного осветилась. Но свет был слишком слабый, разглядеть что-либо было трудно.

---

¹ Айналайын-ау, тюзюнсенгши – да буду я жертвой тебе, будь рассудителен.

– Сюда, смотри сюда.

В углу стояла запыленная сорокалитровая стеклянная банка. Эрбол, робея, подошел к ней. Кумук поднес светильник поближе, и Эрбол отшатнулся в ужасе: внутри копошилось множество крыс.

– Что это? – дрогнувшим голосом спросил Эрбол.

– Крысы, – не сразу ответил Кумук. – Я их заманил сюда обманом.

– Как это – обманом?

– Я бросил в банку дохлую кошку, прислонил ее к стене, а сам затаился в углу. Как только я потушил свет, крысы, учуяв трупный запах, повывлазили из нор. Сначала они пробовали разгрызть стекло, а затем стали карабкаться по стенке и прыгивать в банку. Когда я решил, что все крысы там, я вскочил и заткнул горлышко.

Эрбол, обычно умевший скрывать свои чувства, стоял с открытым ртом, как ребенок, заслушавшийся сказкой.

– Смотри, как копошатся! Увидев свет, они начинают метаться и топтать друг дружку.

– Хей, налей туда керосину и сожги их! – сказал Эрбол, немного придирая себя.

– Нет, – ответил Кумук, немного помолчав, – не пойдет. Они должны умереть мучительной смертью.

– Как?

– Я не буду их убивать. Пусть помучаются. Я опустошу банку, когда все они перемрут.

– Они быстро задохнутся.

– Нет, не задохнутся. – Кумук показал на небольшую дырку в крышке банки.

– Ладно, пусть будет так, – сказал Эрбол, желая поскорее выбраться из этого мрачного обиталища крыс-людоедов. – Я пойду. Меня, наверно, в конторе заждались. Да и ты должен был, кажется, за сеном ехать. Не стой, поезжай.

***

Жители Тегистека с трудом приходили в себя. Видя, как Кумук регулярно, утром и вечером посещает заброшенный дом, они не знали, что и думать. Спросить его никто не решался. Вообще, люди стали избегать общения с ним. А раньше он для всех был желанный собеседник. Простой, открытый человек. С первых дней его никто не воспринимал как чужака, он во всем походил на местных жителей, будто родился и вырос здесь.

Люди, специально ходившие к нему домой и разговаривавшие с ним, утверждали: «Слухи о том, что у Кумука не в порядке с головой – болтовня. Наоборот, сейчас он степенен и рассудителен, как никогда. И во дворе, и в доме у него полный порядок. Жена – аккуратная, дети – одеты-обуты».

Но видя его возле дома Асемгуль, опять впадали в сомнения.

Однажды Эрбол заявился на ферму под вечер. Старший чабан Сейиткалий и Кумук выгружали сено из саней. Хотя заведовал кошем Сейиткалий, всем заправлял Кумук, и у них всегда был полный порядок.

Распросив их и узнав все, что нужно, Эрбол собрался уходить.

Кумук подошел к нему и тихо сказал:

– Ага, крыс стало меньше.

– Правда? Ну и пусть их... От голода подыхают?

– Нет, эти твари пожирают друг друга.

У Эрбола будто муравьи по спине пробежали.

– Пускай попередохнут, – сказал он, желая поскорее закончить разговор.

– У них там крысята родились, много, так их сразу же сожрали.

Когда Эрбол вспоминал этот разговор, ему становилось дурно, и он избегал встречи с Кумуком, ходил домой кружным путем, обходя дом Асемгуль стороной. Ему казалось, что Кумук придумал это.

Через несколько дней, вечером, когда председатель сидел один в конторе, неожиданно зашел Кумук.

«О Аллах, хоть бы на этот раз он не завел разговор о крысах», – подумал Эрбол.

– Агай, из этих тварей осталась только одна.

– Что ты сказал?

– Крысы, говорю... Осталась только одна. Но это – настоящее чудовище. Расправилась со всеми. Растолстела так, что еле ходит.

Эрбол всерьез разнервничался:

– Слушай, убей ее, брось собакам, сожги – расправься с ней, и успокойся уже.

Красное от мороза лицо Кумука побледнело. Ничего не сказав, он вышел из комнаты.

***

Зима была суровая, но весна в Тегистик пришло рано. Снег быстро таял, ложбины наполнялись водой. Речка Тегистик, почти совсем пересыхавшая летом, превратилась в поток, который невозможно было перейти вброд.

Кумук, придя через неделю посмотреть на крысу, обнаружил, что банка пуста. Последняя тварь исчезла, будто сквозь землю провалилась. «Сам виноват, надо было крышку поплотнее закрыть», – упрекал он себя. Но делать было уже нечего.

А вскоре в село пришла еще одна весть.

Принес ее почтальон Бейсенкул, возивший почту на лодке с того берега. Он рассказал, что «молчуны» – сухопарый черный и низкорослый рыжий утонули: их лодка перевернулась, когда они добирались в соседний колхоз. (Их трупы, засыпанные песком, нашли только после того, как вода спала.)

Жители Тегистика, привыкшие обсуждать все новости подробно, будто пропуская через сито, на сей раз не промолвили ни слова. Один лишь Кумук произнес в тишине: «Крысы подошли все».

Больше Кумук никогда о крысах не заговаривал.

Перевод Хыйсы Джуртубаева

ШЕРЕТЛОВ ТАУ-СУЛТАН АЛИХАНОВИЧ

Даты и события

Дата	Событие
1884 год (15 марта)	В селении Догужоково (ныне Аушигер) 3 участка Нальчикского округа Терской области родился Тау-Султан Алиханович Шеретлов (европейски образованный человек). Отец его – Алихан Магометович, происходит из первостепенных кабардинских узденей – род князей Таувых или Шеретловых, упоминаемых в истории адыгейского народа.
1890 год (октябрь)	Был определен в пансион Нальчикской Окружной Горской школы.
1897 год (12 июня)	Окончил шестигодичный курс названной школы, в удостоверение чего получил свидетельство за № 268.
1897 год (начало июля)	Приезд из Петербурга в селение Докшоково (село Старый Черек) Владимира Николаевича (он же дядя Тау-Султана – Ельбаздуко Канаматович) Кудашева за Тау-Султаном.
1897 год (21 июля)	Выезд Тау-Султана с дядей Владимиром Николаевичем из селения Докшоково в Железноводск. Там их, в доме генеральши Шребер, у входа в парк ожидала недавно прибывшая из Питера тетушка Тау-Султана Анна Николаевна Кудашева.
1897 год (14 августа)	Тау-Султан с дядей и с тетушкой Кудашевыми выехали из Железноводска в Кисловодск и пробыли там до 27 августа, а вечером 27 августа, с вечерним поездом, отбыли из Кисловодска в путь на «дальний север».

1897 год (31 августа)	11 часов утра, они прибыли в Санкт-Петербург по Николаевской железной дороге и поселились на квартире по улице Н... дом № 24.
1897 год (2 сентября)	Тау-Султан зачислен во второй класс С.-Петербургского Реального училища Бомского, с правами правительственных учебных заведений. Весной был переведен в третий класс.
1898 год (осень, 7 сентября)	Переведен во второе С.-Петербургское Реальное училище.
1898 год	Тау-Султану профессором Павловым сделана операция на левом глазу.
1899 год (6 августа)	Канамат и Анна Николаевна Кудашевы фотографируются на память вместе с Тау-Султаном в Петербурге у фотографа Анофриева.
1900 год (13 декабря)	Распоряжением дирекции Народных училищ Терской области за № 3826 Т. А. Шеретлоков назначается заведующим Докшукинским училищем, а затем – по распоряжению от 29 августа 1901 года инспектора Народных училищ Терской Области 1 района Василия Ивановича Успенского, Т. А. Шеретлоков назначается заведующим Вторым Тамбиевским приходским училищем. Школу Тау-Султана посещали дети обоих полов, что было одним из новшеств в начальном образовании тех лет. В одном классе вместе занимались и девочки и мальчики.
1904 год (14 января)	По распоряжению инспектора Народных училищ Терской области, 1 района, за № 132, Бурова, Тау-Султан зачислен на государственную службу.
1906 год	Ставит первую кабардинскую пьесу, посвященную великому мыслителю Жабаги Казанокову, пьеса так и называлась «Жабаги Казаноку». Режиссером и постановщиком спектакля являлся он сам, а роли исполняли учащиеся. Им также написана и поставлена пьеса «Нагураш». Он – автор первых драматических произведений, написанных на кабардинском языке. Перевел на кабардинский язык роман Горького «Мать», Коран...
1907 год (27 августа)	По личному своему желанию и распоряжению главного инспектора Народных училищ Терской области 1 района Бурова за № 1610 Тау-Султан назначен заведующим Аргуданским приходским училищем, в котором проработал до 15 мая 1908 года.

1907 год	Учреждение «Общества по распространению образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа» сыграло значительную роль в развитии местного просвещения и финансировании образования кабардинцев и балкарцев в Нальчикской Горской школе, затем в Нальчикском реальном училище и в учебных заведениях за пределами округа. Тау-Султан был стипендиатом этого общества. Он был знатоком своего родного кабардинского языка, в совершенстве владел балкарским, арабским, турецким, немецким, французским и русским языками.
1908 год	Будучи студентом Санкт-Петербургского университета, перевел на кабардинский язык басню Крылова «Лягушка и вол», поэму Пушкина «Полтава», характеристику Пимена из драмы Пушкина «Борис Годунов», характеристику А. Болконского из романа Толстого «Война и мир», характеристику Савельича из повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», описание «Запорожской сечи», «Кавказцы до и после покорения», пишет статью «Отличие поэзии от прозы» и т.д.
1913 год	Публикация в Киеве книги В. Н. Кудашева (родного дяди Т. А. Шеретлокова) «Исторические сведения о кабардинском народе». Отдельная глава книги была посвящена истории балкарских обществ.
1913 год	Постановка драмы «Кучук и его невеста».
1916 год	Составляет кабардинскую азбуку на основе русской графики, покупает в Тифлисе на собственные сбережения шрифт и издает ее. Работает преподавателем ЛУГа, преподает кабардинский язык (ЦГА КБР Р – 3 3.9. стр. 12 и 31).
1917 год	Оборудование Т. А. Шеретлоковым типографии в Нальчике.
1917 год	Принятие алфавита на основе русской графики, составленного и предложенного Тау-Султаном.
1918 год	Назначение Паго Тамбиева первым комиссаром народного просвещения Кабардино-Балкарии. Открытие курсов по подготовке первых советских учителей из коренной национальности. Т. А. Шеретлоков преподавал кабардинский и русский языки. Написал стихотворение «Мазэ».
1918 год (18 ноября)	Редактирует газету «Терские ведомости».
1919 год	Редактор газеты «Кабардинец».
1919 год (3 сентября по старому стилю)	Состоялся «наках» Тау-Султана и Шакмановой Маржан Келеметовны.

1919 год (23 ноября по старому стилю)	В субботу состоялась свадьба Тау-Султана и Маржан Келеметовны Шакмановой.
1920 год (16 ноября)	Т. А. Шеретлоков издает первый советский кабардинский букварь на основе арабской графики. В типографии Львова (в Нальчике) не оказалось русского шрифта, который можно было бы трансформировать для кабардинской письменности. Тау-Султану Шеретлокову пришлось в корне менять букварь, переведя его на арабскую основу. В хлопотах по изданию букваря ему помогал в качестве наборщика и корректора бывший красноармеец З. Шогенов – уроженец с. Урух.
1920 год	Советские школы были открыты почти во всех селениях Кабарды и Балкарии, и, естественно, нуждались в учебниках. Т. А. Шеретлоков начинает заниматься составлением и выпуском различных учебников.
1921 год (4 января)	Областная учительская конференция. С докладом выступил Б. Э. Калмыков. Т. А. Шеретлоков присутствовал на этой конференции и сидел в президиуме. Калмыков отметил деятельность Т. А. Шеретлокова по педагогической и культурной части, поставив в заслугу Тау-Султану то, что он, являясь ученым представителем разбежавшихся по заграницам кабардинских князей и дворян, имел мужество остаться среди советских работников, и, не отвлекаясь ни на какие партийные, сословные и другие дрязги, продолжает быть верным своей профессии педагога, своему действительному призванию.
1921 год (8 января по старому стилю, 21 января по новому)	В пятницу, в половине седьмого вечера, у Тау-Султана и Маржан родилась дочь, нареченная Тау-Жан (она же Джали).
1921 год	Составляет кабардинскую азбуку на латинской графической основе и с особым письмом отсылает ее в Москву для санкции Луначарскому.
1922 год	Тау-Султан публикует очерк под названием «Образование и письменность наших туземцев» в сборнике «Кабардино-Балкарская Автономная Область» (Нальчик). Адыгов он называет антским народом, который проживает на данной территории с 1732 года. В нем дается краткий обзор истории Кабарды, развития народного образования и письменности. По его мнению, Кабарда приняла присягу в верности России еще в 1779 году.
1922 год (22 сентября пятница)	Газета «Красная Кабарда» – статья Тау-Султана «Народное врачевание» (микрофильм, библиотека им. Крупской г. Нальчика).

1923 год (15 февраля по старому стилю, а по новому – 28 февраля)	В среду, в половине шестого вечера, у Тау-Султана и Маржан родилась дочь Равида.
1923 год (26 сентября)	Принятие решения 3-м областным съездом Советов Кабардино-Балкарии «Об организации в Нальчике специального учебного городка». Он стал первым средним учебным заведением в советской Кабардино-Балкарии. Тау-Султан преподает кабардинский и русский языки для партийных и советских работников. Преподавание на родном языке стало обязательным во всех школах Кабардино-Балкарии.
1923 год	Напечатана составленная Т. А. Шеретлоковым азбука (плакат) на латинской графической основе. Работа по ликвидации неграмотности в Кабардино-Балкарии становится планомерной, в чем несомненная заслуга и Т. А. Шеретлокова. Работал преподавателем школы № 1 города Нальчика.
1924 год (10 января)	Написал песню «Кавказ дахэ» («Красавец Кавказ») и мелодию к ней.
1924 год (19 января)	40 ответственных работников области начали изучать кабардинский, балкарский и русский языки и литературу под руководством Т. А. Шеретлокова. Национальные языки изучали и русские во главе с Михайловым, первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома партии. 29 февраля Т. А. Шеретлоков в газете «Красная Кабарда» под рубрикой «Долой неграмотность» опубликовал свою статью «Книга – ключ к знанию».
1924 год (18 февраля)	Открытие Ленинского Учебного Городка (ЛУГ). Он был открыт на базе совпартшколы и школы-коммуны, организованных в 1921-1922 гг. Для работы в ЛУГ областная партийная конференция направила лучшие педагогические силы Кабардино-Балкарии, среди них были Т. А. Шеретлоков, И. Воронков, М. Пугач, Х. Башлоев, Н. Цагов, Т. Борукаев.
1924 год (14 марта)	Газета «Красная Кабарда», № 368, – статья Тау-Султана «Как произошел калым».

1924 год	Из Москвы Т. А. Шеретлокову выслана его азбука, которую он составил на латинской графической основе, она была одобренная Луначарским. Она удобна и легка. Ею с легкостью стали пользоваться и ученики Т. А. Шеретлокова: П. Кешоков, П. Кяров, М. Пшеноков, П. Шекихачев и другие. В газете «Карахалк» («Беднота») 1 июня 1924 года Тау-Султан опубликовал свою статью (хранится в виде микрофильма в библиотеке им. Крупской в г. Нальчике)
1924 год (13 июля)	415 номер газеты «Карахалк» был напечатан на кабардинском языке. Тау-Султан собственноручно правил текст, который был набран знаками составленной им кабардинской азбуки на латинской графической основе. Шрифт был куплен им на собственные сбережения и привезен из Москвы.
1924 год	Написал около 50 рассказов, басен, новел, сказок, которые сохранились в 4-х тетрадах и настоящее время находятся в архиве КБНИИ (дело № 2069).
1924 год	Переводит на кабардинский язык «Врачебные советы беременным женщинам» (109 стр.), «Заражение болезнями» (128 стр.), «Полезные сельскохозяйственные сведения» (190 стр.), «Советы пчеловодам» (47стр.), «Содержание влаги» (181стр.). Всего 655 страниц, не считая переводов докладов, тезисов, выступлений отдельных советских и партийных работников, выполненных по поручению обкома и совнаркома.
1924 год	Т. А. Шеретлоков – бессменный член методического совета, преподаватель Ленинского Учебного Городка (ЛУГ) и совпартшколы, член правления Совета учителей области, председатель ревизионной комиссии работников просвещения, член научной секции областного отдела народного образования, преподаватель кабардинского и русского языков средней школы № 2 г. Нальчика, председатель кассы взаимопомощи учителей, – таков перечень его служебных и общественных должностей и постов.
1925 год (25 марта по старому стилю, а по новому – 7 апреля)	Во вторник в 5 часов вечера у Тау-Султана и Маржан родилась дочь Эльмира.

1926 год (8 мая)	Центриздат. Зав. Кабард.-Балк. Отд. Нар. Обр. Камбиев заключает договор за № 322 с Тау-Султаном о публикации рукописей Тау-Султана популярной детской и пионерской литературы. Камбиев просит его снизить авторский гонорар до 50 рублей за один печатный лист.
	Отдел беллетристики, Автор Шеретлоков Т. А., тираж 10000, срок сдачи 1 июля 1926 года, авторский гонорар 500 рублей (ЦГА КБР фонд 16. 1.52 стр. 83).
1929 год	Работал преподавателем Педтехникума в ЛУГе (ЦГА КБР 188. 42. стр.166).
1931 год (20 октября по старому стилю, а по новому – 2 ноября)	В половине двенадцатого дня, посредством кесарева сечения, у Тау-Султана и Маржан родился сын Азрат-Али.
1937 год	Против Тау-Султана сфабриковано ложное обвинение, и его арестовали. Выписка из протокола № 7 заседания тройки НКВД КБАССР. Слушали: Дело НКВД Каб.-Балк. АССР № 330, по обвинению Шеретлокова Тау-Султана Алихановича, 1884 года рождения, уздень (князь), родные братья каратели-белобандиты, 6 человек родственников-эмигрантов. Шеретлоков три раза арестовывался органами ВЧК ОГПУ. Во время пребывания белых в Кабарде являлся редактором газеты «Кабардинец». Обвиняется в том, что: 1. Систематически проводил контрреволюционную пропаганду, направленную на подрыв оборонной мощи СССР. 2. Вел контрреволюционную троцкистскую пропаганду. 3. Среди населения вел контрреволюционную пропаганду, убеждая покидать СССР и бежать за границу. от 23 августа 1937 года Постановили: Шеретлокова Тау-Султана Алихановича расстрелять.

1937 год (23 августа)	Т. А. Шеретлоков был репрессирован. Приговор был приведен в исполнение в 22 часа. Он, как и многие другие передовые люди того времени, стал жертвой Калмыковских репрессий. Б. Э. Калмыков под видом «раскулачивания» руководил ликвидацией наиболее трудолюбивой и жизнеспособной части кабардинского народа, носителей его нравственных идеалов, трудовых навыков. Уничтожил интеллигенцию. Тем самым была прервана естественная преемственность в ее развитии, утрачены лучшие обычаи и традиции, сломлена вся толща этнической культуры, формировавшаяся тысячелетиями. Наконец, тотальный геноцид против собственного народа окончательно подорвал его генофонд, сильно нарушенный еще в результате Кавказской войны, а затем и гражданской войны. Моральная и физическая деградация кабардинцев приняла во многом необратимый характер именно в 30-е годы калмыковщины.
1960 год (31 августа)	Дело по обвинению Тау-Султана Алихановича Шеретлокова пересмотрено Президиумом Верховного суда КБАССР. Постановление тройки НКВД КБАССР от 23 августа 1937 года в отношении Т. А. Шеретлокова отменено и дело производство прекращено. Тау-Султан Алиханович Шеретлоков реабилитирован.
2004 год (11 июня)	В школе селения Аушигер состоялся торжественный вечер, посвященный 120-летию со дня рождения Тау-Султана Алихановича Шеретлокова. Был дан концерт, в котором принимали участие учащиеся школы и сельская художественная самодеятельность, выступили писатели, ученые, односельчане, знавшие Тау-Султана, представители администрации. Улица Садовая переименована и названа именем Тау-Султана Шеретлокова. Фрагмент этого мероприятия был показан по местному телевидению в выпуске новостей.

Материал подготовил Амур Шеретлоков

Шеретлоков Тау-Султан Алиханович

Снимок 1927 года в Ленинском Учебном Городке (ЛУГ).
На снимке Тау-Султан Алиханович Шеретлоков
(сидит в черной черкеске и в папахе)

Сказки для детей

Обезьяна и фасоль

У обезьяны в ладонях лежала горстка фасоли. Вдруг одна упала, обезьяна хотела поднять ее и уронила еще две-три фасоли.

Обезьяна попыталась собрать их, и из ладоней высыпались оставшиеся и укатились от нее.

Слон

У одного индуса был слон. Индус заставлял слона много работать и очень плохо кормил его. И вот однажды слон разозлился на своего хозяина и раздавил его. Увидела это жена хозяина, взяла детей, подошла к слону и сказала: «Ты убил их отца, кто теперь будет их кормить?» Слон взял хоботом мальчика, поднял и посадил на себя. С тех пор слон стал еще больше работать и помогать своим хозяевам.

Старушка и курица

Одна курица несла каждый день по одному яйцу. Старушка подумала: «Может, курицу надо кормить лучше, тогда она будет больше нести яиц». Стала она кормить курицу. Курица разжирела и совсем перестала нести яйца.

Курица и золотые яйца

Снесла курица золотое яйцо. Увидела это хозяйка и подумала: «Раз из курицы вышло золотое яйцо, то внутри она вся золотая». Зарезала она курицу, а в ней нет золота.

Медведка и орел

Попросила медведка орла научить ее летать. Орел посмотрел на медведку и сказал: «Тебе это не надо, это дело не для тебя, будешь только всех этим смешить». Медведка продолжала приставать. Орел взял ее когтями, взмыл в небо и бросил. Медведка разбилась.

Обманщик

Мальчик пас овец. Ему все время хотелось кого-нибудь обмануть. «Волки, волки» – закричал он. На крик прибежали люди. Но волков не было. Так повторялось несколько раз. И вот однажды на овец напали волки. Мальчик стал звать, но люди подумали, что он опять обманывает их и не пришли, а волки перегрызли всех овец.

Муравей и голубь

Захотелось муравью пить, склонился он над водой и упал в речку. В это время пролетал над речкой голубь с веточкой, увидел он тонущего муравья и бросил ему свою веточку. Муравей заполз на веточку, а вода выбросила его на берег.

Голубь спас муравья. Муравей гулял по поляне и увидел, что птицелов поймал сеткой голубя, муравей быстро заполз на птицелова и укусил его. Птицелов уронил сетку и голубь вылетел.

Лиса и виноград

Голодная лиса залезла в сад. В саду рос спелый виноград. Виноград рос высоко, а лиса все бегала и прыгала, пытаясь достать и попробовать его. Но все ее попытки были безуспешны. Лиса устала и сказала: «Что толку, что ты красив на вид, зато внутри ты не спелый, да и зубы от тебя устанут».

Собака и волк

Собака лежала во дворе и решила вздремнуть. Вдруг появился голодный волк. Он подошел к собаке и сказал: «Я очень голоден и должен тебя съесть». Собака посмотрела на голодного волка и сказала: «Волк, ты видишь, какая я худая, ты съешь меня и тебе этого не хватит. Я поправлюсь, тогда и съешь меня». Волку понравилась эта идея, и он ушел. Прошло немного времени, и волк снова вернулся. «Собака, ты поправилась?» – спросил волк. «Ты глупец, – сказала собака, – мой хозяин дома и он тебя поправит». Испугался волк и убежал.

Камень

Однажды один очень бедный человек отправился просить милостыню. Он подошел к одному богатому дому и постучал в ворота. На стук вышел хозяин дома. Бедняга стал просить его о помощи, а

хозяин стал кричать на бедняка и бросил в него камень.

Поднял бедняк камень, положил к себе в карман и сказал: «Я буду носить этот камень, пока не появится возможность отплатить тебе тем же». Богатый стал еще богаче. Жадность не имеет предела. Она подвела его. Арестовали жадного богача и повели в тюрьму. По дороге навстречу шел бедняк, увидел арестованного богача, достал из кармана камень и сказал: «Я столько носил этот камень, чтобы отплатить тебе за все, но не буду. В то время, когда ты имел власть, я побоялся кинуть его обратно в тебя, а теперь ты арестован и жалок». Бедняк бросил камень на землю и ушел.

Бедняк и собака

У порога большого дома лежала собака. К дому подошел бедняк, собака залаяла. Бедняк подошел ближе и сказал собаке: «Разве ты не видишь, что я бедный? Я два дня ничего не ел», – сказал бедняк. Собака посмотрела на него и сказала: «Ах, бедняк, вижу, поэтому и лаю. Хозяева выйдут на мой лай и накормят тебя».

Лев и мышь

Лев спал, а на спине у него заснула мышь. Лев проснулся и поймал мышь. Мышь попросила льва: «Отпусти меня, я тебе еще пригожусь». Лев рассмеялся, ему это показалось смешным. И вот однажды охотники поймали льва и привязали его к дереву. Пока охотники разговаривали, мышь перегрызла веревки и спасла льва.

Голова змеи и хвост

Голова и хвост начали спорить – кто важней.

Голова сказала: «Я важней, у меня глаза и нос».

Хвост сказал: «А вся сила во мне, я таскаю тебя, хочу, могу обвиться вокруг дерева, и ты не сможешь идти».

Поссорились хвост и голова, расплзлись в разные стороны.

*Сказки перевел с кабардинского языка
внук Тау-Султана Амур Шеретлоков*

Мариям КАНТЕМИРОВА,
ученица 11 класса СШ с. Быллым

«Моя весна играла на свирели...»

*На свете всё пройдет,
Но что-то в мире вечно...
К. Кулиев*

В одной из своих статей В. Г. Белинский точно определил назначение поэзии: «...развивать в людях чувство изящного и чувство гуманности». И тем больше гордости чувствуешь за нашу национальную культуру, что эти слова могли быть сказаны о поэзии Кулиева. Есть поэты, которые сопровождают тебя всю жизнь. Они дышат с тобой одним и тем же воздухом, терзаются теми же терниями, сияют от тех же радостей. Их стихи читаешь с жадностью: они всегда с нами.

Вот и этой весной мы со своей учительницей читали стихи Кайсына на природе в Кала-Коле, недалеко от нашего села Быллым. В тот день всего было много – и речей, и стихов, а мне чудилось, что издали голосом Кайсына обращались к нам горы, реки и ущелья. Любуясь красотой этих мест, вдруг я увидела цветок, выросший на скале, и замерла на миг. В памяти ожили стихи Кайсына:

*На каменной скале
В моей родной теснине
Цвел издавна цветок,
Цветок цветёт и ныне.*

*Семь лепестков его
Еще в те дни горели,
Когда моя весна
Играла на свирели.*

И я снова подумала: «Кайсын с нами везде...» В образе мамы, в журчании ручья, который течёт рядом со мной, в замшелых облаках скал, в колючих кустах облепихи, в запахе молока и хлеба. Слово поэта, заключившее союз с музыкой, проникает в душу, как луч солнца, и доносится звук одинокой свирели.

*И мнится мне: года
Ещё не пролетели,
И юность, как тогда,
Играет на свирели.*

Ведь не случайно говорят: поэзия и музыка – две сестры, которые

дополняют друг друга (творения Кайсына и сегодня волнуют многих композиторов разных народов).

Цветок, выросший на скале у нас в Кала-Коле, слова К. Кулиева:

*Цветок родной земли!
Меня спасти ты властен,
От горя и любой
Прижизненной напасти, –*

напоминают мне одну китайскую притчу, которую рассказала наша учительница на вечере, посвященном творчеству К. Кулиева. «Есть древняя китайская притча о человеке, за которым погнался тигр. В страхе несчастный выбежал на край обрыва и сорвался вниз. Но на дне ущелья его поджидали еще два тигра. В последнее мгновение перед падением его рука судорожно сжала тонкую ветку, и на долю секунды человек завис над пропастью. И вдруг он увидел цветок, выросший в расщелине голый отвесной скалы. «Красота-то какая!» – невольно воскликнул герой притчи и полетел вниз. Но уже без страха. Что утешило человека перед неминуемой гибелью? Что привело его дух к спокойствию, гармонии с миром, когда он должен был расстаться с самым дорогим – жизнью? Древние китайцы отвечали: красота».

Как и герой древней китайской притчи, Кайсын открыто восхищается красотой цветка:

*Цветок опять цветёт,
Как бы твердя беспечно:
На свете всё пройдет,
Но что-то в мире вечно.*

Поэзия Кулиева учит нас быть более восприимчивыми по отношению к миру, учит сострадать, заставляет задуматься о том, что у любого живого существа есть корни и душа, помогает легче переносить и преодолевать трудности жизни.

Она утвердила нас в мысли, что жить нужно, удивляясь и надеясь, что лучшее еще впереди:

*Пусть же вечно, как издревле,
Радует весны приход
Реки, ручейки, деревья,
Всё, что на земле живет.*

Каждый раз, читая стихи Кайсына, я открываю для себя явление подлинной человечности. Он вобрал в себя весь подлунный мир. Только Кайсын мог позволить себе сотворить поэзию из осколка месяца, плещущегося в воде, из живительного дождя, веточки алычи.

Осенью в Быллыме мы с дедушкой бродили по тем местам, где они

жили до войны. Садимся под дерево, которое одиноко стоит на холме. И вот снова Кайсын Кулиев:

*Ты было б совершенно одиноко
о дерево, когда б не тень твоя,
но нужно небо и луны немного,
чтоб выжить ночью, друга сотворя.
И тщетно ждешь, какой же ствол безумный
покинет лес, чтоб навестить тебя?*

Вместе с поэтом я слышу «безмолвный голос» одинокого дерева:

*Днём у тебя в гостях то я, то птица,
а ночью ты слагаешь плач ветвей.*

И здесь трепетная, чуткая и отзывчивая природа поэта.

Кайсын везде. Моя мама рассказывала, что в столице при нашем упоминании о Кабардино-Балкарии москвичи восклицали: «А, Кайсын Кулиев!» Его знают известные всему миру деятели культуры и искусства. Кайсын объездил почти весь мир. Но где бы он ни был, ни разу не забыл о своём Чегеме, о величавом Эльбрусе, о своем гордом народе. Он живет в каждом из нас.

Кайсын Кулиев помогает мне понять Балкарию и мир. За это, как и за многое другое, я почитаю его.

Некогда Гюго говорил о Вольтере: «Каким было его оружие? Оно легко, как ветер, оно сокрушает, как молния». Это относится и к Кайсыну.

*Вы не плачьте в день моей кончины,
Поглядите на громады скал.
Я любил безмолвные вершины,
Потому что боль их понимал.*

*Не горюйте, что ушел до срока,
Но, порою, видя в окнах свет,
Думайте, что за одним из окон
Я сижу и мне скончанья нет.*

Мадина БУРАНОВА,
кандидат педагогических наук,
КБГУ

«Пусть Ваше сердце всегда стучит в ритме горных рек...»

К юбилею профессора С. И. Эфендиева

Пожалуй, не просто говорить о такой безмерности, как философ. И не потому, что он оперирует какими-то сложными категориями. Дело в том, что на мир он смотрит не совсем обычным способом, под углом собственного широкого мировоззрения, и каждое явление он способен объяснить по-своему, и может придать значение самым простым истинам, которые могут быть неподвластны нашему простому человеческому сознанию. Ученый-философ – это человек, который чаще задумывается о вопросах мироздания, бытия человеческого и смысла всего сущего на земле. И глубина мысли и слова, которые воедино сливаются в потоке его сознания, будят нашу мысль, вселяют мудрость и надежду на

просветление.

Такова сила слова, выразителем которого является талантливый ученый, доктор философских наук, профессор Салих Ибрагимович Эфендиев. Его устремления одухотворены доброй энергией, осмысленностью выбранного пути. Он полон замыслов и находит силы осуществлять их. Более 50 лет Салих Ибрагимович посвятил служению своему родному вузу. Он заведовал кафедрой философии с 1986 по 2010 год. Ныне заведует кафедрой народного хозяйства КБР.

Его вклад в отечественную науку, образование и культуру оценивается высокой мерой. Именитый учёный со счастливой научной судьбой, Салих Ибрагимович получил признание в научном мире и среди широкой общественности. Он член-корреспондент Российской академии естественных наук, академик Международной тюркской академии, академик Международной адыгской (черкесской) академии наук, академик Северо-Кавказской академии народного творчества, академик Общественной академии наук, культуры, образования и бизнеса Кавказа, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской республики, заслуженный деятель науки Республики Калмыкия, заслуженный работник культуры КБР, член Союза журналистов России, член Союза писателей России.

За успехи в работе и значительный вклад в развитие науки он награжден десятью медалями и орденом Дружбы народов, высшим орденом образования Российской Федерации имени Макаренко, Почетной грамотой ЮНЕСКО

и Калмыцким общественным фондом имени Бурхинова «Монгольские народы».

К 80-летию Салиха Ибрагимовича в научной библиотеке КБГУ прошел вечер под названием «Ученый, педагог, мыслитель». Вечер собрал широкую общественность, преподавателей и студентов, близких и дорогих ему людей, разделяющих его мысли и устремления.

С официальным поздравлением от ректора КБГУ Б. С. Карамурзова к юбиляру обратился проректор по безотрывным и дистанционным формам обучения Муслим Барасбиев. В своем обращении он высказал самые теплые пожелания в адрес Салиха Ибрагимовича, подчеркивая бесценный опыт мыслителя, творца, ученого, чьи мысли и устремления всегда значимы и являются особенным даром для студенческой молодежи. С особой теплотой проректор говорил об ученом, философия которого состоит из глубочайшего гуманизма. Муслим Исмаилович выделил одно очень важное качество, которое отличает Салиха Ибрагимовича от многих, – это его бескорыстная любовь к людям, к отдельно взятому человеку. Безусловно, это придает ему силы создавать свои бесценные труды, и те, которые мы, несомненно, еще увидим.

В судьбе С. И. Эфендиева, как в зеркале, отразились перемены, которые принесли самые тяжелые испытания его родному балкарскому народу. Это были годы депортации, в то трагическое время, когда Салих Ибрагимович, будучи еще в юном возрасте, работал в колхозе и учился в средней школе в Джалал-Абадской области Киргизии.

Жизнь на чужой земле была наполнена суровыми испытаниями. Конечно, судьба не имеет сострадания, и порой возникающие в жизни ситуации пережить очень трудно. Но у Салиха Эфендиева выработалось еще

*В танце Роза Уначева – зав. библиотекой КБГУ
и юбиляр – Салих Эфендиев*

одно особое качество, необходимое для неординарной творческой личности, – это умение «держаться удар», умение противостоять догмам, косности и безразличию людей.

С точки зрения историков науки жизнь каждого незаурядного ученого – это само по себе историческое событие, некий поворотный момент в развитии научного знания. Биографы и психологи часто обращают внимание на то, что многие выдающиеся ученые были в детстве или юности поставлены в весьма сложные условия жизни, что в большей степени это побуждает его к сосредоточению на своем внутреннем мире, что способствует стимулированию его интеллектуальной активности. Появляется необходимая потребность преодоления неблагоприятных жизненных обстоятельств, стремление вырваться из их тисков и направить жизнь по иному руслу. И это становится возможным лишь при условии развития в себе способности к четкому представлению целей, к мобилизации личностных ресурсов и к самоограничению, то есть всего того, что и называется закалкой характера.

Умение оставаться самим собой в любых ситуациях, а тем более в тех, которые требуют отстаивания своих взглядов и позиции, – является одной из фундаментальных характеристик творческой личности. Именно это качество свойственно герою нашего времени – Салиху Ибрагимовичу Эфендиеву. Он не терпит слабости, и никогда не сетует на судьбу, потому им правят свои собственные установки, выверенные временем: «Слабые люди, – говорит он, только становятся еще слабее, а сильные получают внутренний заряд от испытаний. Но человек, по сути, является хозяином своей судьбы и может обрести уверенность в своих силах, почувствовать себя творцом собственного счастья, хозяином своей жизни».

Крупный деятель науки, интернационалист Салих Ибрагимович прошел путь, типичный для советской интеллигенции, он беспредельно предан народу, высоким идеалам. «Быть думающим человеком с активной гражданской позицией – не только правильно, это позиция силы, понимание того, что ты можешь принимать решения и отвечать лично за себя. Надо видеть и изучать жизнь, друг друга изнутри, чтобы понять и оценить ее по достоинству. Очень важно уделять особое внимание изучению языков народов нашей страны как средству межнационального общения. Здесь открываются особенно большие возможности институтов семьи и образования для утверждения в подрастающем поколении духа интернационального здоровья», – делится своими мыслями С. И. Эфендиев.

Салих Ибрагимович всегда стремится к пересмотру и критике общепринятого и, вместе с тем, к конструированию нового. Самое главное, его критика всегда правдива, что закономерно для человека, который привык жить по законам чести, праведности и долга перед собственной совестью. «Общество, в котором на протяжении нескольких поколений успех достигается преимущественно конформистами, в результате оказывается перед лицом катастрофической нехватки человечности, нравственности и справедливости. В таком обществе неизбежно начинают господствовать лицемеры, приспособленцы, циники и рвачи, в то время как неудачниками вполне закономерно оказываются истинные интеллектуалы».

Если говорить о реализации общечеловеческих ценностей, то у Салиха Ибрагимовича возникает немало вопросов по этому поводу: «Почему большинство людей в нашей стране, и молодёжи в том числе, стремится не к духовному обогащению: настоящей любви, дружбе, здоровым отношениям и умственному обогащению, а к повышению своего бытового уровня жизни? “Давайте жить богаче! Давайте грести деньги лопатой и ничего не делать!” Наверное, это и есть их гражданская позиция: “Я богат – я моден”»? Не модно быть культурным и образованным человеком... Люди просто приспособились удобно к устоявшимся условностям, им лень менять что-либо в жизни или ещё что-нибудь. Мы живём каждый в своей капсуле и не интересуемся главными проблемами современного мира».

Тревоги о нравственном здоровье нации, подрастающего поколения никогда не покидают мысли ученого. Эти тревоги всецело разделяет с ним директор Педагогического колледжа, д.п.н., профессор Нина Байчекуева. Она высказала мнение о том, что здоровье подрастающего поколения зависит от нравственного фундамента, который закладывают взрослые, являющиеся архитекторами разумной счастливой жизни для молодого поколения.

«Молодёжь, которая должна добиться какого-то равенства в этой жизни, доступности ресурсов для собственного развития, она сейчас не может дать акценты, которые могли бы заполнить их жизнь. К сожалению, в последнее время наблюдается резкое падение уровня культуры молодежи. Здесь очень важен один момент: научить молодое поколение улавливать красоту мысли и слова, научить их с детства познавать жизнь, людей, окружающую действительность, формировать их устойчивое мировоззрение. Безусловно, есть у нас достойная плеяда педагогов, которая вкладывает свою любовь и все свои силы, чтобы донести до сознания молодежи непреходящие ценности бытия, смысловую доминанту человеческой жизни. Именно, таким ценностным установкам верен преданный Орфей научной мысли Салих Ибрагимович Эфендиев. Он знает цену каждого дня жизни. Педагог с большим именем, который умеет объединить прошлое, настоящее и будущее. Взять из этого временного пространства необходимые живительные ориентиры, которые помогут обрести счастье, укрепить здоровье нации», – делится своими мыслями Н. Х. Байчекуева.

В Салихе Ибрагимовиче можно заметить много характерных личностных качеств, и одно из них является редким в нашем обществе, – это обязательность во всем: в жизни, науке, работе, в отношениях с людьми. Соотношение понятий «человек», «личность», «одаренность», «талант», «индивидуальность» образуют нерасторжимое единство в этом прекрасном человеке. Его отличает личная скромность и непритязательность, человечность и глубокое душевное и духовное видение, потребность в полной самоотдаче, жизненная мудрость, что опосредованно указывает на высокую степень культуры этого человека и его внутреннего развития.

На протяжении всего жизненного пути С. И. Эфендиева присутствуют все признаки насыщенной духовной жизни, он проходит яркий и неповторимый, уникальный путь личностной и духовной индивидуализации, реализуя своё предназначение через мир науки. Росла и крепла его научная

карьера, вырывалась на простор его свободная мысль и, наконец, обрела материальную силу. Все, что делает профессор С. И. Эфендиев, превращается в незабываемую материю.

Философия, в переводе с греческого, – это любовь к мудрости. А само слово «философ» в словаре имеет множество определений: человек, еще в древности, умевший создать себе теорию жизненной мудрости и живший, руководствуясь ею; изучающий философию или проводящий ее в жизнь; ученый, ведущий тихую, уединенную жизнь и т.д. Что касается третьего определения, то оно никаким образом не может вписаться в жизненное кредо С. И. Эфендиева. Он является исключением из всех классических правил. Это яркая и пылкая фигура, не терпящая затворничества в узком мире собственных иллюзий. Его философия – это философия глубокого гуманизма и доброты, и все вместе взятые остальные его личностные составляющие образуют уникальный образ его кавказского характера.

Настолько он доступен и является притягательным собеседником, что все первоначальные мысли о некоей пресловутой недостижимости его высокого статуса буквально рассеиваются при первом общении с ним. Его высказывания, в которые он вкладывает малую долю иронии, всегда кажутся мудрыми и правдивыми.

Велико значение слова, когда оно доносится из глубины сердца, которое с самыми добрыми помыслами ориентирует нас на лучшее. Профессор С. И. Эфендиев глубоко понимает значимость и ценность слова и всегда вызывает к тому, чтобы каждый человек осознавал, какое место оно занимает в его жизни.

Справедлива мысль Людвиг Фейербаха о том, что любовь к науке – это любовь к правде, поэтому честность является основной добродетелью ученого. С. И. Эфендиев преследует в жизни всегда одну цель – максимальную правдивость. А степень правдивости, как утверждал Л. Н. Толстой, есть указатель его нравственного совершенства.

Своими мыслями о неординарности ученого делится тхамада общественной организации «Адыгэ хасэ», главный редактор газеты «Адыгское слово» Мухамед Хафицэ: «В чем заключается секрет влияния Салиха Ибрагимовича на людей? Думаю, что в высокой эрудиции, человечности, способности к самосовершенствованию и стремлении к работе во благо общества.

Такие крупные ученые, как Салих Эфендиев часто отличаются оригинальным поведением, наличием каких-то необъяснимых привычек. Многие склонны считать оригинальность сущностной характеристикой ученого, которая проявляется и в науке, и в быту и объясняет высокие научные результаты. Это можно расценивать и как следствие проявления глубинной, внутренней личностной независимости.

С. И. Эфендиев – истинный сын, патриот своего народа, способный обратить свою любовь не только к отдельно взятой нации, он способен воплотить эту любовь по отношению ко всем народам. Националист умножает число врагов своего народа, а патриот умножает число друзей.

Салих Ибрагимович никогда не изменял своим научным и моральным

принципам. Он смог стать личностью со своими жизненными принципами и твердыми убеждениями, четкими нравственными ценностями, что и явилось основой его несомненного авторитета».

Очень трогательными явились воспоминания директора Института бизнеса, профессора Феликса Хараева о тех давних славных годах, которые связывали его с профессором С. И. Эфендиевым. Это были замечательные годы, когда Феликс Ахмедович начинал свою трудовую деятельность на Инженерно-техническом факультете КБГУ. Отдавая дань признательности и уважения профессору Эфендиеву, он говорит следующее: «Тогда еще он своим безудержным энтузиазмом, своей искренностью привлек многих людей. Салих Ибрагимович очень интересный, открытый собеседник, энциклопедически образован, умеет всегда образно и логично излагать свои мысли. И мироздание, и общественная жизнь для него – цепь логичных явлений и процессов. Этот человек – космополит, гражданин мира, чье мировоззрение охватывает проблемы всего мирового сообщества. Человек, ставящий общечеловеческие интересы и ценности выше интересов отдельной нации. Он не только болеет душой за развитие своего родного народа, он альтруист, мысли которого наполнены тревогой за мир и солидарность, национальное согласие людей, за сохранение культурного и нравственного наследия. Его всегда отличают сила воли, ум и мудрость, прозорливость, интернационализм и гражданская смелость. Он умеет себя поставить так, чтобы его голос был услышан, а слово имело вес.

Безусловно, эти ценностные качества и снискали уважение и глубокую признательность среди широкой общественности. Он зажег пламя научной философской мысли и собственным авторитетом доказал, что является достойным сыном своего народа».

Директор ИФ КБГУ Елена Куянцева, вспоминая свои студенческие годы, поделилась интересными моментами из жизни университета. И эти моменты непосредственно были связаны и с ее преподавателем философии Салихом Эфендиевым, чья личность снискала самое глубокое уважение среди всей студенческой молодежи. Салих Ибрагимович умеет задать тон аудитории, привлечь своим энциклопедическим умом все внимание студентов. Он необыкновенно щедр на поддержку способных, талантливых, думающих. На протяжении стольких лет он выпустил более двух тысяч выпускников, среди которых было и есть немало неординарных личностей.

«Он – вечный двигатель, проводник прогресса, его мысли всегда полны всевозможными идеями, он является одним из самых активных участников мероприятий, проводимые институтом филологии. Судьба ставит Салиху Ибрагимовичу по всем параметрам оценку «отлично». От него исходит добрая здоровая энергетика. Встретив его в университете, смело можно надеяться, что день может задаться. Это человек, на которого всегда приятно равняться», – с особой теплотой говорит о нем Елена Александровна.

Из поколения в поколения растет круг учеников С. И. Эфендиева. В знак благодарности об учителе на юбилейном вечере ученого прозвучали в исполнении студентов института филологии его авторские стихи. «Творческий человек потому неординарен, что способен увидеть то, на что

никто не обращал внимание, он придает значение совершенно случайным, казалось бы, малозначительным вещам, при этом способен еще выявлять оригинальные связи между этими явлениями. Видимо, не случайно и то, что свои мысли ученый мог переложить и в стихи, поскольку в них он дает волю мыслям и по-настоящему воспеваешь значимость их содержания», – поделился своими мыслями заместитель главного редактора газеты «Заман», поэт Муталип Беппаев.

«Человек с большой буквы» – только так именуется личность, чей личностный потенциал может стать для всех эталоном высокой нравственности. Он подобен стремительному потоку реки, которая вырывается из своего русла и заполняет обезвоженные места своей целебной влагой. А что может быть целебнее, чем сила слова, выразителем которого является профессор С. И. Эфендиев. Он – «скорая помощь» для исцеления человеческих душ. И это отнюдь не пафос, а искренняя благодарность человеку, который делал и продолжает делать добро людям.

Труд и благие дела никогда не остаются незамеченными. И поэтому безгранично внимание со стороны коллег и друзей, которые благодарят Салиха Ибрагимовича в день его юбилея. Пришел поздравить юбиляра заведующий кафедрой истории и теории социальной работы, профессор Башир Хубиев. Всегда интересно услышать мнение философа о философе. Обычно два ученых не уместаются в алгоритме однополярного мышления, их мнения порой разнятся. Но есть некое исключение, которое позволяет говорить о широте мысли и масштабности этих ученых, поскольку они, как два сообщающихся сосуда, могут дополнять друг друга.

«Ученый может быть каким угодно. Но результаты напрямую зависят от уровня личности. И только созидатель имеет цену. Бесспорна мысль Саади, который заметил, что ученый без трудов – дерево без плодов. Салих Ибрагимович подобен огромному плодоносящему дереву. Огромное количество его трудов и его добрые поступки, целая плеяда его выпускников – они есть плоды его безудержного стремления познавать, обучать, воспитывать и дарить любовь людям.

В свои 80 лет Салих Ибрагимович полон сил и энергии и продолжает работать и радовать всех нас. На днях увидел его рабочий стол с исписанными листами новых статей в окружении полок с многочисленными книгами и журналами по философии, сами названия которых иногда заставляют многих обращаться к толковым словарям, и подумал: он еще не раз порадует новыми интересными публикациями. А их у него огромное множество. Он воспеваешь Кавказ устами предшественников – К. Кулиева, А. Кешокова, Р. Гамзатова, Ч. Айтматова, Д. Кугульгинова, И. Кашежевой и многих других, тем самым воздвигнув себе памятник при жизни.

Нет, наверно, ни одного уголка России, где С. И. Эфендиев не оставил свой значимый след, тем самым поднимая не только свой имидж, но и репутацию вуза. Его рост в научном мире, в культурном, нравственном и духовном развитии, позволяет говорить о нем как о состоявшемся крупном ученом, педагоге, который способен увидеть позитивное начало в человеке. Он умеет тонко чувствовать, на что способен человек. Это очень важная

составляющая ученого, педагога. Ведь ученый, как говорил именитый мыслитель, по своему предназначению и есть учитель человеческого рода. Мы исполнены гордостью, что работаем вместе с ним и желаем ему крепкого здоровья и дальнейших творческих замыслов», – сказал в адрес юбиляра Б. Б. Хубиев.

Слово о высоком звании учителя, наставника было сказано заведующим кафедрой философии, профессором Робертом Кочесоковым: «Безусловно, можно без преувеличения утверждать, что вся жизнь С. И. Эфендиева отдана КБГУ. Он беспредельно предан университету, пожалуй, он и являет главный смысл его жизни. Будучи еще заведующим кафедрой философии он был необыкновенно требователен к себе и к своему ближайшему окружению, причем всегда был справедлив, поскольку его требовательность всегда сочетается с большим уважением к людям, к их мнению, с пониманием их проблем. Салих Ибрагимович – человек высокой внутренней культуры. В нем преобладает незаменимое личностное качество – единство слова и дела. Именно эти качества явились своеобразным эталоном, на которые равняются остальные».

Благодарность – это чувство, в котором содержится очень глубокий душевный смысл. Велико ее ценностное осмысление, когда в ней есть выражение беспредельной симпатии, признательности и уважения людей, которым когда-то помог и сейчас не перестает помогать Салих Ибрагимович. Эта благодарность исходит от многочисленных учеников, аспирантов, в которых Салих Ибрагимович заметил позитивное начало и смог своим научным видением обогатить их внутренний мир, научил мыслить и способствовал их дальнейшей научной карьере. От лица всех аспирантов С. И. Эфендиева выступил к.ф.н. Мурат Хоконов: «Практически каждый учёный имеет свою мечту или замысел, внутренний зов-притяжение к познанию определённой сферы мира, который ведёт его по жизни. Проходит путь исканий и порой лишений, чтобы найти способ раскрытия и реализации своего замысла, для чего сначала оказывается необходимым собственное образование и обучение. На этом этапе важно найти достойного наставника, того, кто соответствует потенциалу и запросам начинающего учёного. Наставника, вызывающего чувство уважения и доверия, благоговения, способного передать необходимые знания и, что гораздо важнее, умение смотреть на мир, видеть его особым образом, так, чтобы раскрывались те грани реальности, которые необходимы искателю для воплощения его мечты – замысла.

Именно таким наставником, Учителем с большой буквы представляется имя выдающего ученого Салиха Ибрагимовича Эфендиева. И мы безмерно счастливы оттого, что знаем его, и для всех нас представляется честью с ним вместе работать. Спасибо ему за школу жизни и науки. Мы преисполнены гордостью быть достойными его учениками».

Очень трогательными представляются слова профессора Нины Шогенцуковой о Салихе Ибрагимовиче, которые сумела так проникновенно донести до читательской аудитории организатор и ведущая вечера Альбина Камбачокова. Глубина их содержания – есть подтверждение главной составляющей личности ученого и просто человека, пришедшего в этот мир

с определенной миссией. «Салих – арабское имя, что в переводе на русский язык означает праведный. Он один из 28 пророков Аллаха, упоминающихся в Коране. Был добрым, здравомыслящим человеком, которого все знали. Он был послан для того, чтобы направить людей на добрые дела, убедить их прекратить мракобесие и смуту, и это удалось пророку Салиху.

Без преувеличения можно сказать, что Салих Ибрагимович пророк нашего времени, такой же добрый и здравомыслящий человек. Та бескорыстная и неустанная деятельность, которой непрерывно занят профессор Эфендиев, позволяет назвать его подлинным подвижником».

Закрывая юбилейный вечер, директор научной библиотеки КБГУ Роза Уначева поблагодарила всех участников встречи. Она поделилась своими воспоминаниями о тех мероприятиях библиотеки, на которых самым активным участником являлся и по сей день является Салих Ибрагимович. В ее представлении иметь прекрасную возможность общения с такими прекрасными людьми, как Салих Ибрагимович, встречи и общение с которыми обогащают человека, делают жизнь светлой и радостной. Она подчеркнула, что так любить библиотеку может только человек, беззаветно преданный книге, понимающий ее значение во всех временных измерениях.

Роза Назировна выразила надежду на то, что Салих Ибрагимович еще не раз будет удивлять и радовать своими яркими выступлениями. И со свойственной ей доброй иронией она подчеркнула, что совсем не дашь тех почтенных лет, которые исполнились недавно Салиху Ибрагимовичу, подмечая, что это есть следствие его философского отношения к жизни, здорового образа жизни, любви к людям, к земле, садам родного селения Кенделен, где он любит уединиться от суеты будничных дней, и настоящему может предаться работе и дать волю мыслям.

Бессменное служение только одному очень любимому делу. И такое завидное постоянство и настойчивость дали свои блестящие результаты. Мы не помним ни одного дела, большого или малого, в котором не принимал бы участия С. И. Эфендиев, и этим он учит жить, работать, любить до самозабвения дело, которому служишь.

Салих Ибрагимович живет жизнью настоящего большого ученого, отдавшего науке, своему родному университету всего себя. Наряду с именами лучших сыновей нашей республики, бесспорно, его имя заслуживает гордого звучания талантливого ученого – аксакала научной мысли Кабардино-Балкарии.

Поздравляем его с замечательным юбилеем! И всем желаем встречать свои юбилеи, как он – в работе, в позитивных заботах и творческих порывах. Здоровья вам, Салих Ибрагимович, мира, благополучия, и долгих лет служения родному вузу!

***

В музыкальном мире бытует понятие «человек-оркестр». И если это перевести на наш лад, то о Салихе Ибрагимовиче можно сказать «человек-институт». По размаху его деятельности – он уникальный человек, объединяющий в себе совокупность наук, от философии до психологии, от культурологии до социологии.

Сегодня явно или скрыто интеллигенция расплзается в разные стороны, не имея порой даже своего внутреннего компаса, чтобы определить хотя бы направление движения. И чем дальше, тем это разделение все увеличивается. Молодое поколение не набрало своего опыта, а опыт старших не принимается для своего становления. Традиционные ценности не воспринимаются, не становятся частью внутреннего мира, а народ-то как раз живет, обогащая свой внутренний мир традиционными ценностями. И всегда можно определить наличие таковых в тех или иных конкретных личностях – носителях языка, представителях народа. Вот за все это переживает Салих Ибрагимович и отдает всю свою силу и силы своей семьи для обнародования несметных архивных богатств, находя на архивных полках залежалые рукописи и собирая письма и статьи ушедших из жизни писателей и поэтов, по России и зарубежом. Не это ли подвиг справедливости и духовная норма ученого, идущего по пути возрождения интеллигенции. Он уверен, что это еще возможно. Нужен новый взгляд интеллигенции, живущей национальными ценностями, принципами социальной справедливости, нравственными нормами, а не просто уважающей социальную группу или представителей активно действующих групп. Его кредо – здравомыслие, духовная дисциплина, нравственность, высокая ответственность, разумное рациональное начало и отрицание зла, греховной жизни, преступлений и антисоциальных действий, что в совокупности станет нормой жизни. Вот какой он – Салих Эфендиев.

Поздравляю с юбилеем, брат мой, и желаю крепкого здоровья, неутомимого труда и впредь, семейного счастья. Ахшы жолгъа, тебя ждут новые идеи и новые перспективы!

*Хасан Тхазеплов,
главный редактор журнала «ЛКБ»*

***

Многоуважаемый Салих Ибрагимович!

Сердечно поздравляю Вас, выдающегося ученого современной России, доктора философских наук, с 80-летним юбилеем!

Ваша научная и педагогическая деятельность – достойный пример высокого служения родному народу. Вы – автор многих замечательных статей, монографий, выступлений, книг о великих поэтах Кавказа и России. Нам особенно близки Ваши глубокие и оригинальные исследования жизни и творчества народного поэта Калмыкии Давида Кугульгинова, с которым Вы были близко знакомы более сорока лет. Вас ценят и любят в Калмыкии как большого друга, так много сделавшего и делающего для укрепления дружбы между народами. Вы по праву были удостоены почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия».

Вы «из прошлого берете огонь», который зажгли великие сыны Кавказа, и несете его нам, поколениям, идущим вослед. Желаю Вам, дорогой Салих Ибрагимович, крепкого здоровья, долголетия и процветания!

*Эрдни Эльдышев,
председатель Союза писателей Калмыкии,
Народный поэт Калмыкии*

КРУЖИТ АИСТ НАД КРАСНЫМ ГЕДУКО

*«...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя.
Но клянусь честью, что ни за что на свете
я не хотел бы переменить Отечество
или иметь другую историю, кроме истории
наших предков, такой, какой Бог нам дал ее».*
А. С. Пушкин

Володе Гугову посвящаю...

Имя-то какое – Красное Гедуко! Богу угодно было, чтоб он родился здесь, в далеком уже 1927-м. Оттуда шагнул в историю, чтобы остаться в ней на века.

Прошел через войну и голод и потому, наверное, на протяжении всей жизни отстаивал свое право быть первым в науке, честным и правдивым, ни перед кем никогда не прогибался и не давал ни малейшего повода усомниться в своей правоте.

Он был дитя своего времени. Времени, где почитали старших, где аксакалы вставали при виде мимо проходивших женщин. Земные ангелы не хотели его отпускать. Он ушел тихо, закрыв за собой двери, а мы стояли внизу у подъезда, чтобы накрыть его черной буркой перед дальней дорогой в один конец.

Он унес собой целую эпоху. Образовалась пустота, никем и ничем её не заполнить. И с этим надо пока жить. Жить сегодня. А завтра, быть может, родится человек такого же размаха, как Рашад Гугов, и опять станет тепло и уютно в душах наших.

На пожелтевших листьях дремлет осень. Тишина укуталась сыррым туманом. Загерянный во времени брошенный аул. Старое заросшее кладбище. Почерневшие памятники, как часовые затаились, прислонившись к земле. Мы вернулись на Родину Рашада.

Теперь я понимаю, почему отец так часто возвращался сюда. Тут слышны голоса. Аул жив.

Мы стоим у могилы бабы Розы, а над нами кружит одинокий аист.

Володя, может, это душа Рашада?

Может. Все может быть.

***

«Здравствуй, дорогой Вовчик! Как ты себя чувствуешь? Как твои дела? Ты, наверное, за время моего отсутствия вырос большой, стал тяжелым, и иньжи уже не могут тебя поднять. Но это, Вовочка, не твоя заслуга, а заслуга времени. Тебе нужно готовиться к единоборству с иньжами и силой их победить. Для этого нужно хорошо кушать. Скажи маме, пусть она купит виноградный сок, витамины, а то у нее привычка оставлять детей без внимания, когда меня нет дома. А привычка, Вовочка, как говорят, сильнее не только человека, но самого Господа Бога. Вова, я по тебе сильно скучаю. Такое мое к тебе отношение обязывает тебя быть хорошим мальчиком. А то я буду очень огорчен.

Вова, почему ты на праздник не поехал к нашему дорогому родителю

– своему дедушке – в Баксан? Ты, Вовчик, недооцениваешь его. Он хороший дедушка. У него мало показного, внешнего проявления чувств. Он в этом не виноват. Наш род такой. Но зато он с хорошей и чистой душой человек. Так что, Вова, люби своего дедушку.

О себе: чувствую себя нормально, дела идут хорошо, даже очень хорошо. Мою работу дали четырем товарищам из академии на рецензии. Я очень переживал, потому что требования к диссертациям с каждым днем повышаются, а я работал в потемках, без всякого научного руководства и т. д., но все обошлось благополучно. Письменные отзывы уже получил. Все они положительные. Даже отчасти хвалебные. Это, Вовочка, уже твоя заслуга. Я работал, а ты меня всегда воодушевлял, помогал: бегал вокруг стола, шумел. А ты знаешь, как в такой обстановке хорошо наукой заниматься?! Но нам, Вовочка, нельзя зазнаваться. Зазнайство – это самое плохое, что может быть в человеке. Человеку надо самому лучше видеть свои недостатки. А они имеются, и имеются в гораздо большем количестве, чем мы думаем и замечаем. На основании письменных заключений своих членов Сектор Социалистического строительства вынес решение о представлении моей работы на защиту и представил в дирекцию Института истории Академии наук.

Продолжаю работу в архивах. Работа далеко не закончена. Я попросил и мне продлили на несколько дней командировку. Не огорчайся, Вовочка. Я скоро приеду. Тебя и Толика обниму крепко. Передай привет маме.

Вовочка, на этот раз Москву я посмотрел хорошо, и есть у меня что тебе рассказать, когда я вернусь домой. Приготовься слушать.

10.05.1959. Пашиад

***

Здравствуйте, дорогие детки Толик и Вова.

Поздравляю вас с началом новой четверти и желаю ее успешного завершения. Как провели каникулы? Каковы успехи в учебе? Пишите.

О себе: работаю, работаю очень много и не устаю. Я в какой-то степени имею право повторить слова великого русского поэта Некрасова:

«Праздник жизни – молодости годы –

Я убил под тяжестью труда.

И поэтом, баловнем свободы,

Другом лени – не был никогда».

Труд научного работника подобен труду пчелы. А знаете ли вы, детки, чтобы выработать 100 грамм меда, пчела должна посетить примерно миллион цветов. Пчела пролетает в час 65 км, то есть по быстроте может соревноваться со скорым поездом. Чтобы собрать 1 кг меда, пчелам нужно принести 120-150 тысяч тонн нектара. Килограмм меда будет собран, когда пчела проделает путь от 360-460 км. Это расстояние в 8,5-11 раз больше окружности земного шара по экватору. Труд ученика тоже нелегкий, если он трудится по-настоящему. А делать нужно все по-настоящему.

Время командировки уже подходит к концу. Продумайте все хорошо и напишите, что вам привезти. Привет маме и Каракану.

01.06.1964. Пашиад

***

Люся, у нас вышло большое разногласие. Вовчик очень настаивал ехать, а Толик не хотел. Вовчик говорил Толику: «Мы уедем, а ты останешься. Подумай, что ты будешь кушать?» Но Толик все-таки не захотел. Он сказал, что ему здесь лучше. Поэтому мы его накормили и оставили играть во дворе. Я с Вовчиком уехал домой (Вовчик взял меня с собой). Вернемся в воскресенье после обеда.

*С прив., Вовчик и Рашид.
Нальчик, квартира, 12 часов дня.*

***

Здравствуй, Люся!

Люся, задержка с письмом была связана с тем, что я ждал твоего возвращения домой. Письмо идет все-таки долго, и оно не пришло бы в Жемталу до отъезда.

О себе: чувствую себя хорошо. Анализы неплохие. Принимаю почти каждый день ванны. Словом, процедур немного. Времени остается достаточно, чтобы отдохнуть.

До последнего времени жил в комнате один, других не было. Но теперь приехали два старика, и я перешел к ним жить. Живем недалеко от центра города, около памятника Ленину.

Рядом, где мы живем, выстроена новая школа. Слова «Добро пожаловать!», которые висят у ее входа, воскресили в моей памяти очень много чувств, связанных с детством, школьными годами. Я сразу вспомнил, как перед началом занятий мы приходили смотреть школу. Я почувствовал тут запах свежей краски. Словом, я не могу выразить словами, что вызвали у меня эти теплые, приятные, но уже не относящиеся к нам слова. Несколько раз ходил я на экскурсию по городу. Взбирался на самую высокую гору, изучил все тропинки.

Кормят хорошо. Я даже не справляюсь, и мне сделали замечание, как это, мол, такой огромный человек, а ест так мало.

В свободное время от экскурсий и процедур читаю художественную литературу. Прочитал «Автобиографию Тимура и богатырские сказания о Чингисхане». Читаю о Репине (великий русский художник). Я еще не кончил, но посмотрел конец. Имение Репина было разрушено во время войны. На экскурсию пришли люди. Пришла и одна мамаша с сыном – мальчиком. Дальше я цитирую по книге: «А мальчик, собиравший реликвии, нашел возле самой могилы осколок артиллерийского снаряда. Он сунул его к себе в за пазуху. Матери такой трофеей доверить нельзя». Прочитав эти слова, я вспомнил прежде всего Вовчика. Это мог сделать только мальчик в его возрасте. Ребенок! Сколько в нем наивности, душевной чистоты и прелести! Обними мальчиков. Привет Лене (*Шогеңукова Елена Алиевна, внучка Али Шогеңукова, близкая родственница Рашида – А. М.*).

01.09.1958. Рашид

***

Здравствуйте, Вова, Толя и Люся!

Что у вас нового? Как встретили праздник? Я как никогда скромно провел все дни праздника. Сидел дома и ни одного грамма. Получил поздравительную открытку от Тугана. Вначале у меня было не много процедур: соляно-щелочные ванны и водичка. Теперь их стало гораздо больше. Словом, успеваю только раздеваться да одеваться. На этот раз я лечусь более серьезно. В свободное время от процедур читаю книги. Уже прочитал «Журбины» Всеволода Кочетова и читаю «Искру» Соколова.

Люся! Привожу слова из книги о Журбиных, которые мне понравились: «Сколько подводных камней на пути семейного корабля, как зорко следить надо за ними, с виду иной раз ничтожными, но опасными! Команда такого корабля должна быть очень дружной, и каждый в ней обязан владеть лоцманским искусством».

Я согласен с таким мнением автора. В таких словах я вижу глубокое обобщение опыта жизни.

Пожалуй, все, что я могу сказать на этот раз. Меня ждет очередная процедура.

*С горячим приветом, Рашид.
11.11.1959 г. Эссендуки*

***

Здравствуй, дорогой Вовчик!

12-го числа прибыл в Москву, устроился в гостинице «Бухарест», это в самом центре, на берегу Москвы-реки, у Кремля. Очень удобно и красиво. Но у меня не отдельный номер, а общая шестиместная комната. Да еще, говорят, переселят в другую гостиницу, так как приедут какие-то иностранцы.

Был в Институте истории Академии наук. Директора не нашел, говорил с его заместителем. Сказали, завтра в пятницу. Посмотрим, что скажут. Сегодня иду в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Буду работать в архиве, не теряя времени. Ходил в ГУМ и ЦУМ. Нигде ничего особенного. Может быть, будет в конце командировки. Пока купил только шляпу за 143 рубля. Хожу в своих старых туфлях. Правда, купил еще и авторучку.

Вова, скажи Люсе, что я не совсем разобрался в ее списке. Пускай напишет подробно о качестве и цвете босоножек, кофточки, одеяла и т. д.

После 17-го пришлю свой точный адрес авиапочтой. Пока все, привет Толику, Люсе, Лене, Каракану, всем из Гуговского рода.

15.04.1959. Рашид

P.S. Толик пускай не обижается. Я и ему напишу письмо.

***

Здравствуй, Вовчик!

Я в Астрахани тужусь. Погода здесь такая же, что и у нас. Достопримечательных мест почти нет, если не считать Кремля – памят-

ника XVI века – и пристани, откуда открывается величественный вид на реку Волгу. Волгу я видел впервые. Историю этой реки ты знаешь из географии. В Астрахани я задержусь еще два дня и полечу самолетом в Баку.

Из мира интересного: в одном журнале прочитал специально для тебя. Удивительная биология. На птицеферме из яйца вылупился четырехногий цыпленок. Через несколько дней этот случай повторился. Задние ноги у обоих цыплят расположились в конце позвоночника. Цыплята пользовались дополнительными ногами при ходьбе. В другом месте домашняя хозяйка обнаружила в желудке курицы живого цыпленка в возрасте 18-19 дней. Цыпленка поместили в формалин и отправили на кафедру аграрного института. Сейчас проводятся рентгеновские снимки, после чего на научном совещании будут обнародованы причины таких явлений (Венгрия).

Действительно, Вовчик, чего только не бывает на этом свете! Это тебе пригодится на уроках биологии. Пока хватит, как говорят, хорошего понемногу. Пишу на почте, спешу в библиотеку работать в архивах.

*Привет всем, Рашид.
23.11.1964 г. Астрахань*

И последнее:

Люся!

У меня очень подавленное настроение. И не знаю, с чего начать. Такое состояние вызвано результатами обследования состояния желудка и двенадцатиперстной кишки. Нормальная кислотность считается 40/60, а у меня – 0/20 – резкое падение кислотности.

По совету врача я был у самого опытного рентгенолога. Он оказался не только опытным, но и безжалостным человеком. Я сидел у него в кабинете, как у смерти в когтях. Это была проверка, насколько я подготовлен к смерти.

Он смотрел меня три раза. Говорил, что местные врачи ошибаются, вслух выражал какие-то странные иллюзии, рассказал, как он за восемь дней до смерти смотрел Куйбышева и т. д. Я слушал его и думал, что он готовит меня к тому, чтобы нанести удар, проверяет, насколько я подготовлен к этому. Мне ничего другого не оставалось, как сидеть и слушать его суровый приговор.

Он закончил, и я ушел. Я не стал его спрашивать, так как ничего хорошего не ожидал от него услышать. На следующий день пошел к врачу и узнал результаты. Они оказались гораздо лучше, чем я ожидал: сейчас купил разную медицинскую литературу и изучаю. А то у этих врачей трудно точно узнать, где находится желудок.

Люся, заканчивая книжицу о Репине, я встретил одно место, которое заинтересовало меня. Вот оно, это место: Жаркевич писал Репину о своей любви, о предстоящей женитьбе. И 8 августа 1888 года Репин ответил ему письмом, полным горячих мыслей о жене-друге, о том, какой брак может на всю жизнь привести к гармонии души. Собственный опыт, горечь незадачливой жизни водила пером художника, когда он наставлял своего молодого знакомого:

«Меня несколько успокоило известие о Вашей любви, о Вашей женитьбе. Вот где может быть причина того поэтического прекрасного настроения и светлого взгляда на жизнь!

Вот вечный лучезарный оптимизм к жизни! Любовь!!! Поздравляя Вас, обнимаю от души! Я уверен в вас обоих. Теперь так много любви, что Вам не страшно говорить все, что думает об этом пожилое сердце. Приготовьтесь заранее, что любовь Ваша пройдет, ее должна заменить дружба. А дружба рождается только из преданности. Если женщина способна быть преданной вполне интересам своего мужа, она – драгоценный друг, который необходим мужчине, с которым он не расстанется ни на минуту всю жизнь, которого он будет любить и уважать глубоко в душе всю жизнь. Если муж будет предан своей семье, детям, будет относиться с полным уважением к жене (в случае утраты любви), семья счастлива. Но если эти оба субъекта увлекутся свободой действий, самостоятельной эмансипацией, разнородной деятельностью, дающей каждому свободное положение, – семья пропала, разрыв неизбежен».

Репин глубоко прав! Нельзя с ним не согласиться!

Здесь холодно, было бы хорошо, если бы я имел теплое белье и новый свитер. Пришли их или привези. Если будешь ехать, то дай телеграмму: выезжаю во столько-то из Нальчика, я встречу тебя в Пятигорске.

Пока все. С приветом, Рашад.

Привет Лене, обними Толика и Вовчика».

***

Володя, вот ты и вышел из детства. Будто вчера это было.

Помню, я столкнулся с Рашадом на выходе из института.

– Рашад Хусейнович, вы, как капитан с тонущего корабля, последним покидаете мостик.

– А, Аслан! Ну, здравствуй, дорогой! Спасибо тебе за удачное сравнение. Ты прав. Мой институт – как огромный корабль. Но мы все делаем, чтобы он не пошел ко дну. Надеюсь, не пойдет и дальше. Если не спешишь, то, будь добр, проводи меня домой.

В руках у него несколько книг с пожелтевшими от времени газетами, взятыми, наверное, в архиве. Я предложил помочь, но он тут же отказался, прижав их еще крепче к груди.

– Как дома? Как сыновья?

– Дети – вечная проблема, Рашад Хусейнович. Вот на старшего жизнь положил. Моя надежда. Моя любовь. А он как-то в разговоре с матерью сказал, что у него не было детства. Не знаю, как воспитывал: то ли пряником, то ли кнутом. Выходит, кнутом. Думал, для его же пользы. Теперь вот понимаю, надо было больше говорить о любви.

– Вот здесь ты прав. Ну как признаешься в любви? Это наш кабардинский менталитет. Мой сын оправдал мои надежды. И у твоего еще все впереди.

Будто вчера это было... Я встретил его на улице Пушкина у института. Он стоял на капитанском мостике огромного корабля...

Володя, послушай меня! Слава Аллаху, у тебя все хорошо. Жива твоя

мама, которую ты очень любишь и боготворишь, с тобой рядом любящие тебя жена и дочь, твои внуки. Ими ты как бы подытожил свою жизнь. Многие только мечтают об этом. Ты успешен. За 60 лет своей жизни ты достиг многого. Ты дважды был избран депутатом парламента Кабардино-Балкарии, много лет работал во властных структурах города, тебя знает и уважает вся республика. Я знаю, скольким ты помог в жизни – и материально тоже, порой отдавал последнее, как твой отец. Ты очень предан друзьям. Ты всегда первым приходил на помощь в трудную минуту. И в горе, и в радости ты всегда был рядом. У тебя поразительная черта – ты никогда не забываешь друзей своих, ушедших в мир иной. У своего отца ты унаследовал скромность и доброту, уважение к своему народу, любовь к ближнему. В тебе всегда присутствует чувство фамильной чести и гордости. Ты, как и твои предки, всегда занимался благотворительностью. Твое главное оружие – книга. Это фамильная черта семьи Гуговых.

Сегодня ты – самый богатый человек. Вокруг тебя на протяжении всей жизни твои друзья, которые любят тебя, гордятся тобой, которые никогда не предадут. Ты всегда был и останешься любящим сыном. Читаю твои слова, и комок подступает к горлу: *«И я, навсегда расставшись со своим отцом в 2002 году, продолжаю с ним общаться. Вновь утверждаю, что никакой мистики в этом нет. Просто беру его монографию или книгу о нем и начинаю читать, а значит – разговаривать. Спрашиваю совета и нахожу ответ».*

Володя, брат мой, чего тебе пожелать?! Лучше и не скажешь, чем сказал Михаил Ильич Гиоев, и здесь с ним я солидарен: «Володя, дорогой! Велика честь быть сыном такого отца, как Рашад – создателя Башни чести и славы своего народа. Но двойная честь – продолжить его славное служение народу. От души желаю тебе неиссякаемой энергии для гуговского служения славной Кабарде».

...Ночь-таки с трудом, но потушила окна в домах и уложила город спать. Перечитываю письма Рашада. Я понимаю, он как истинный адыг не мог выразить свою любовь и чувства к жене и детям. Наверное, не позволял адыгский этикет. Между прочим, не им и не нами придуманный. Но когда вновь и вновь возвращаешься к его словам, к каждой его строчке, чувствуешь, с какой любовью и нежностью он относится к родным и близким.

Вот он пишет жене: «Если женщина способна быть преданной вполне интересам своего мужа, она – драгоценный друг, который необходим мужчине, с которым он не расстанется ни на минуту всю жизнь, которого он будет любить и уважать глубоко в душе».

Не признание ли это в любви мудрой, по-особому доброй, красивой женщине, матери двух его сыновей, которая была и оставалась всегда главным лоцманом на его семейном корабле. Которая, как могла, прикрывала его тыл и, где бы он ни был, обеспечивала ему тихую гавань, которая так была ему необходима, чтобы заниматься своим любимым делом.

Мама Люся... Почему «мама»? Да потому что и сегодня она является собой суть гуговского бытия. Ей решать, каким курсом пойдет семейный корабль.

Я слушал эту женщину и вот о чем думал: как бы её не утешали и не сочувствовали ей родные, близкие и просто знакомые, кто знал Рашада Хусейновича, она всегда обречена на одиночество. До конца дней суждено ей остаться в своем замкнутом пространстве. Она обречена жить в нем долгие-долгие годы, всю оставшуюся, отпущенную ей Богом жизнь. Жить с непроходящей болью, с теплыми воспоминаниями о нем, которые будут согревать ее сердце и душу. Она будет просыпаться по ночам, знакомый голос будет звать ее, а когда, наконец, вернется та зловещая, до боли в ушах тоскливая тишина в доме, от которой некуда бежать, она будет стоять у окна и ждать его, как ждала в той ушедшей молодости. Она будет чувствовать его дыхание, слышать его шаги. И вот это постоянное присутствие будет давать ей силы продолжать жить. Хотя, что там говорить, все мы ходим под Богом. Пробьет и ее час, ее время, и она это знает. Позовет ее на небеса его ангел, и воссоединятся их родственные души, чтобы не расставаться уже никогда.

Письма эти стали семейной реликвией, гимном любви. И многие знавшие Рашада впервые прочтут и откроют для себя новые грани его характера, доселе не знакомые.

Он был сентиментальным, легко ранимым человеком, и в то же время лиричным и одиноким. Был верен друзьям, прощал обиды и в то же время был тверд и неуступчив. Гордился своими предками, своей фамилией, своей семьей. Мотался по всей республике, по всем домам рода Гуговых, и это было его нормой жизни. Он помогал всем, от мала до велика. Устраивал на работу, пробивал общежития и квартиры, помогал поступать в высшие учебные заведения, он хотел, чтобы все учились, помогал деньгами, бывало, отдавал последнее. Вот такой он был по сути своей, Рашад Хусейнович, знаменитый ученый...

Леночка – любимая внучка Рашада. Этот ребенок представить себе не может, насколько я ее обожаю и люблю. Красавица. Умница. Она уже мама, у нее своих двое. Я помню ее малышкой, как она сидела у деда на коленях, обхватив его за шею. Он гладил ее по голове, шептал разные вкусные слова на ухо и был самым счастливым дедом на земле. «Мы, младшие, – вспоминает она, – жили одним днем. Дожить до субботы и воскресенья, когда дедушка поведет нас на карусели, где ждали нас мороженое и разные сладости. То были самые счастливые дни в моем детстве. Мы возвращались домой вечером, взявшись за руки. И еще. Он остался в моей детской памяти с книгой в руках. Где бы я его ни видела – дома, во дворе, на улице, он никогда с ней не расставался. Бабушкина квартира, где мы проживали все свое детство, сплошь и рядом была завалена книгами. Он остался в моей памяти добрым, самым нежным, сказочным, с книжкой в руках».

...Откуда, откуда опять эта музыка? Она ворвалась с ночной прохладой в мое окно. Зачем она вновь и вновь возвращается ко мне? Зачем ворошит мою память, зачем сжимает тисками мое большое сердце и гонит в то далекое детство, где жил мой отец?

Он не был ученым, как дядя Рашад, а был простым учителем истории в богом забытом ауле в три десятка домов. От восхода до заката, и

в дождь, и в стужу он приходил к своим ученикам, чтобы прикоснуться к их еще не окрепшим душам. Он говорил им, что они – дети самой великой страны. Он учил их быть добрыми, уважать старших, говорить только правду, гордиться своей национальной принадлежностью, своей историей, предками. А уже потом, далеко за полночь, он закрывал школу на замок и уходил домой, в одну единственную крохотную комнатку, где под тусклым светом керосиновой лампы он растопит холодную печку, поставит чайник, разложит тетради на столе, закурит сигарету и окунется в волшебный, пока еще наивный мир своих учеников. И так изо дня в день. Пока однажды не отвезут в больницу, где я последний раз увижу его живым.

Память стерла последние морщины с его лица. Узнал бы я его сегодня, случайно встретив в толпе? Скорее всего, нет. Более полувека прошло со дня его ухода. Он не ездил в длительные командировки, не отдыхал в санаториях, просто однажды его вызвали в город на самый верх и сказали там, чтобы он, директор, в кратчайшие сроки из семилетки сделал десятилетку, и на этом закрыли вопрос. А потому он безвылазно сидел в Герпегеже, мотаясь между Кашхатау и Нальчиком, выбивал доски, гвозди, цемент. И, конечно, ему было не до писем. В моей памяти так и остался наш почтальон на лошади с деревянной культей вместо ноги, который постоянно в одно и то же время суток проезжал мимо наших ворот. Я сидел на крыльце.

Я не ждал писем. Я ждал отца.

К чему все это я вспомнил? Мой отец был старше Рашада. Мать говорила, что он в совершенстве владел арабским, ну а знание кабардинского языка довел до совершенства. Здесь ему не было равных. Но, как и Рашад, отдавал предпочтение почему-то истории. Живы еще его ученики и, что удивительно, помнят его уроки.

А вообще-то в последнее время я живу одной шальной идеей, которая мне очень нравится. Воскресить бы всех ушедших, посадить их всех за один стол с ныне здравствующими, но при условии, что я буду шахагритом: Бекмурзу Пачева, Кязима Мечиева, Тимбору Мальбахова, Алима Кешокова с Кайсыном, Валерия Кокова с Юрием Темиркановым, Рашада Гугова с моим отцом, Бориса Мирзоева – крупного хозяйственника, чье форелевое хозяйство гремело на весь Союз, моего зятя Бориса Керимова, который всю жизнь отдал медицине, Бориса Утижева с Владимиром Вороковым, Михаила Шемякина и еще Харуна Малкандуева с Нижнего Чегема – моего старшего друга, чабана всех времен и народов... Постоять бы рядом! Послушать, о чем они...

Но вначале был фильм. Вообще, Володя по натуре своей рискованный парень. Правда, в итоге риск всегда оправдывается. Пришел однажды ко мне и сказал: «Хочу снять фильм об отце. К его годовщине». На моих руках скудный архивный материал. А ведь у меня была возможность снимать Рашада на разных семейных торжествах, но как только я подходил к нему с камерой, он тут же просил меня не делать этого.

– Иди, Аслан, снимай молодежь, а нас, стариков, не надо. Мы только картинку испортим своим видом, – часто говорил он мне.

Правда, есть два десятка метров киноплёнки, где Валерий Мухамедович Коков вручал ему государственную награду, и еще с очередного совещания в НИИ, где Рашад выступал с докладом. Но все это был материал для наших телевизионных новостей. А время поджимало. Вариантов было множество. Один из них – сделать фильм с наскока, за один-два дня, за что потом становится стыдно. Я предложил взяться за сценарий Аслану Карданову. Идея ему понравилась, тем более он знал и очень уважал Рашада Хусейновича. А Толику Дерико предложил поработать со мной в тандеме. Признаюсь, что почти за 40 лет работы на телевидении у меня было множество крупных работ, но этот фильм стоит среди всех особняком. За него мне не стыдно. Часто у Володи дома, в семейном кругу в который раз мы смотрим и смотрим этот фильм, и каждый раз на глазах появляются слезы.

Теперь вот о книге. С идеей издать ее он пришел к Виктору Котлярову. Как вспоминает сам издатель, раздумий и отговорок не было. Скажу сразу, книга удалась. Она стала знаковым событием в нашей республике и далеко за ее пределами. Я благодарен Володе за его титанический труд. Спасибо друзьям и коллегам Рашада Хусейновича, которые без колебаний и сомнений сразу откликнулись на просьбу его сына. Я так думаю, лучше профессора М. Гиоева тут не скажешь:

«По моему глубокому убеждению, издание книги о Рашаде Хусейновиче Гугове – не просто дань уважения выдающемуся ученому, замечательному человеку, вся жизнь которого – высокий пример самоотверженного служения своему народу, науке, подлинным рыцарем которой он был! Это нечто более возвышенное и актуальное для нынешних и грядущих поколений людей. Это попытка в полный голос сказать правду о тех бесценных богатствах, которые нам оставил ушедший друг, всем живым, богатствах, которые не исчисляются в злате и иных мнимых ценностях».

Хочется еще и еще раз вспомнить некоторые высказывания друзей Рашада, которые вошли в книгу «И жар души, и хлад ума...»...

***

«Покидая этот мир, ничего с собой не возьмешь. Но если бы меня спросили, что бы ты хотел унаследовать от друга, учителя, брата, старшего товарища, я бы ответил: «Его скромность и величайшую порядочность».

В. Молов, композитор, заслуженный деятель искусств РФ

«Рашад в науке был очень продвинутым. Будучи вовлеченным в довольно высокую власть, оставался одним из лучших представителей интеллектуальной элиты. Один из величайших философов XX века утверждал: «Благородный – это тот, кто имеет происхождение. Не только его имеет, но в этом происхождении и пребывает его сущность».

Я убежден, что Рашад Гугов имел происхождение, и всю жизнь его суть пребывала в нем».

А. Шарданов, доктор филологических наук

«Из бесед с ним, а позднее из его книг я узнал для себя много нового о черкесах-рыцарях, традициях, обычаях адыгов, других исторических и этнографических деталях. В своих выводах я порой был поспешен и ортодоксален, отрицая важность тех или иных институтов. Рашид не спешил меня переубеждать, доказывать, что моя безапелляционность базируется, прежде всего, на незнании. Он в этом случае чаще всего говорил, что, вероятно, виноваты мы – ученые, коль есть сомневающиеся в том, в чем сомнений быть не должно.»

Духовность, интеллигентность, учтивость, умение прощать – вот то главное, что отличало личность Рашида Гугова. Таким он остался в моей памяти, и пока я буду жить, он будет со мной».

Д. Хаупа, композитор

«Чувство фамильной чести – это был предмет его гордости. В ней он черпал истинное вдохновение. Вот что говорил по этому поводу доктор филологических наук Адам Гутов: «Фамилия Гуговых – одна из самых древних и славных. Первые напоминания об этом роде мы находим у Шоры Ногмова. В приводимой им песне о Гуртижской битве есть такие слова: «...среди большого сильного войска блеском выделяется Гу га – сын Кеньж». В другой работе Ногмова «История адыгского народа» об этом сказано: «...всадники наши, громившие Дербент, украшающиеся блестящими шлемами: но всех лучшие и богаче шлем князя Гугова».

В первые десятилетия нашего века Гуговы вновь прославились не менее чем дважды. Состоятельный владелец и просветитель Кабарды Махмуд-Хаджи Гугов был инициатором открытия в Баксане одной из первых на Северном Кавказе духовных семинарий – важного центра просвещения и национальной культуры. Махмуд-Хаджи был председателем попечительского совета этого учебного заведения и вложил немалые средства в его создание и содержание. Он также состоял в «Списке почетных и влиятельных людей Нальчикского округа».

Своей большой благотворительной деятельностью был известен и родной брат Махмуда – Индрис Гугов».

А. Теппеев, журналист

«В этом красивом молодом человеке, удивительно скромном, учтивом и уважительном в отношении старших меня поражало все: и блестящее знание истории, и глубина, оригинальность суждений, и подлинная научная одержимость.»

В тот скорбный день на кладбище в Баксане, еще не до конца веря, что закончился земной путь нашего верного друга, я впервые задумался над тем, кем он был для окружающих, кого лишился народ, кого потеряла отечественная наука...

На протяжении почти полувека с именем Рашида Хусейновича неразрывно связано становление и успешное развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии, особенно в бытность его заведующим историческим отделом, а затем и директором Научно-исследовательского института. Он принимал самое деятельное участие в написании и издании

таких фундаментальных трудов, как «История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней» в двух томах, «История Кабардино-Балкарской партийной организации» и других.

В сокровищницу российской исторической науки наш неутомимый самоотверженный друг внес многочисленные исследования, составившие в общей сложности более 200 печатных листов, среди которых 10 монографий.

Рашид Хусейнович пользовался высоким, непререкаемым авторитетом среди своих коллег не только на Северном Кавказе, но и в бывших республиках Советского Союза.

Он был одним из редчайших людей, кто в силу своей природной мудрости сумел выдержать суровые испытания славой и властью. Он всегда был прост и доступен.

Рашид Хусейнович Гугов был не только носителем лучших черт и качеств мудрого кабардинского народа, его полномочным представителем, но и одним из творцов его подлинной чести и славы. Поэтому жить ему в памяти народной».

М. Гиоев, доктор исторических наук, профессор, г. Владикавказ

«Замечательный сын своего народа, один из самых популярных горцев Северного Кавказа, Рашид Гугов показал, что кабардинцы, будучи неразрывной частью россиян, не смогут существовать в отрыве от России, что объективный ход истории на веки вечные связал всех россиян – все населяющие страну народы – единой неразрывной судьбой, исключил любой сепаратизм как антинародное явление, от кого бы он ни исходил и каким бы знаменем ни прикрывался».

А. Козлов, доктор исторических наук, профессор, г. Ростов-на-Дону

«Сегодня мало кто знает, что установление даты добровольного присоединения Кабарды к России связано с Р. Х. Гуговым. Дело в том, что в 1954 году на конференции в Нальчике, обсуждавшей этот вопрос, большинство ведущих историков страны склонялось к мнению, что это событие произошло в 1555 году. Рашид, еще совсем молодой человек без степеней и званий, осмелился выступить против мнения маститых ученых. Он, оставшийся на конференции в меньшинстве, апеллировал к летописным источникам, был последователен в отстаивании своей точки зрения, что требовало немалой смелости. Скажу больше – отваги. Время подтвердило его правоту, впоследствии датой присоединения Кабарды к России был назван именно 1557 год».

В. Крикунов, доктор исторических наук, профессор, г. Георгиевск

«Без имени Рашида Хусейновича Гугова невозможно себе представить нашу историческую науку, которая так обеднела с его уходом».

Человек энциклопедических знаний, большой внутренней культуры, Рашид Хусейнович Гугов очень много работал над собой, постоянно занимался самосовершенствованием, исповедуя девиз древних «Чем больше знаешь, тем больше ты – человек».

В коллективе у Р. Х. Гугова была репутация кристально чистого человека. Все отмечали высоту и чистоту его духовного и нравственного облика. Подкупала в нем доброжелательность, внимание к людям, все в нем было подлинным, никакой позы и притворства. В его характере совершенно отсутствовало самодовольство. Никогда никого он не поучал, не впадал в менторский тон, не позволял грубости и высокомерия. Рашид Хусейнович, естественно, знал себе цену, но никогда не выпячивал своих заслуг, не требовал особого отношения. Он был интересным рассказчиком, говорил живо и образно, украшая речь поэзией. Он часто цитировал Шекспира, Хафиза, Есенина, Гамзатова, Кешокова, Кулиева.

Ушел мастер, но он жив в памяти людей. Будет жить его научное наследие, ибо «след мастерства навеки остается».

И это главное.

Ж. Кулиева, кандидат филологических наук

«Рашид Хусейнович в качестве эпиграфа к своей книге выбрал примечательные слова из Пушкина: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков. Такой, какой Бог нам дал ее».

Вся жизнь и деятельность выдающегося сына кабардинского народа, крупного ученого российского масишаба, Рашида Хусейновича Гугова говорит о том, что он неизменно и твердо следовал этому завету великого поэта».

Ю. Поляков, академик РАН

«Человек скромный, он никогда не козырял своими регалиями. Даже в праздничные дни редко удавалось увидеть его с залужено полученным орденом. На вопрос, почему он не носит эту награду или знаки заслуженного деятеля науки РФ (первым получивший это высокое звание в КБР), он отвечал, что воевал на фронте науки не ради славы и наград. Он никогда не ставил себе в заслуги успехи и признание. В этом он был постоянен.

Он любил перечитывать классику, высоко ценил поэзию. Имея превосходную память, мог часами декламировать стихи. Великий знаток обычаев кавказских народов и этикета, он всегда выполнял роль ведущего мудро, грамотно и очень тактично. В это он также был признанным авторитетом. Зная обо всех его чертах и талантах, легко представить себе, каким замечательным и своеобразным тамадой он был за национальным столом.

До последних дней своей жизни он сохранил свою давнюю привычку – постоянно читать и писать. Его главное оружие – книга – и главное орудие труда – перо – были с ним неразлучны. Как настоящий рыцарь науки он не расставался с любимыми книгами даже будучи больным, всегда держал их под рукой. Ибо книга была культурным атрибутом всей его жизни. Эта фамильная черта была всегда свойственна лучшим представителям рода Гуговых».

М. Улаков, доктор филологических наук

* * *

Света встречает, как всегда, ухоженная и красивая. Когда она с дочерью выходит в свет, ее принимают за старшую сестру. Помню, в университете она была самой красивой студенткой. Мужская половина аудитории «стояла на ушах». Хвостом плелись, провожая ее до самого дома. Так получилось, что они с Володей жили в одном дворе. На свадьбе было очень много друзей. А потом пришло время, и мы поехали в роддом за дочкой Леной. Сегодня она воспитывает с мужем двух правнуков Рашада. Она домашняя, что явление в наши дни исключительное. Вот такое богатство привалило моему другу. Я ведь вижу и чувствую, как он любит своих женщин. Опять-таки адыгский этикет. А вот что касается внуков, здесь он, как когда-то Рашад, самый счастливый дед на свете.

– Проходи за стол. Звонил Володя, он немного задерживается на работе. Просил подождать. Есть твой любимый борщ. Есть и котлеты – парные со сметаной, как ты любишь.

Борщ с жирной бараньей пенкой с черным перцем, сыром, чесноком да с черным хлебом! Божественно!

– Света, помнишь, как твой отец всегда говорил: в день надо обязательно съедать хотя бы один зубчик чеснока от всех болезней?

– Ну, как пишется о Рашаде?

– Трудно. Теперь вот жалею, что мало общался с ним, разговаривал мало. Он много мог мне рассказать. Хотя бы взять этот случай из жизни Рашада, о нем мало кто знает. Его пригласили на самый верх. Выше не бывает. Выше – только к Богу. Приняли радушно. Посадили за стол, объяснили зачем вызвали, пообещав при этом торжественные проводы. Обычно из этого кабинета выходили с одним мнением – мнением хозяина.

Но у Рашада были свои аргументы, научно обоснованные. Устав Российской академии наук позволял ему оставаться в почтенном возрасте на своем месте и продолжать творить на благо родного института и родной республики. Дальше, видя неуступчивость характера, с ним разговаривали более жестко. Но в итоге прошло немного времени – и Валерий Мухамедович Коков вручал государственную награду Рашаду Хусейновичу не только за особые личные заслуги, но, я думаю, и за твердость духа и силу характера. А ведь никогда не скажешь о Рашаде... С виду такой интеллигентный. Другой бы на его месте уже на подступах к кабинету, в приемной, написал бы заявление об уходе и был бы обласкан властью за послушание. Света, а как ты выстраивала свои отношения с Рашадом?

– Ну, во-первых, выстраивала не я, а он. Я его очень уважала и никогда не забывала, что он – отец моего любимого мужа. Да у него и с собственными детьми, Толиком и Вовой, я бы сказала, были строгие адыгские отношения. Существовала грань дозволенного, за которую мы никогда не переступали. Другое дело – его внуки. Им было позволено все. С ними он был совсем другим человеком. Я наблюдала за всем этим. После его работы, его книг внуки были единственной его отдушиной. Совсем другое дело – баба Люся. С первых дней, как я пришла с дом Гуговых, мне с ней было легко и просто. Я всегда удивлялась, насколько они разные по

характеру и насколько они любили друг друга.

Раздался звонок. Позвонили в калитку. Володя пришел.

– Здравствуй, дядя.

Обнялись.

– Сейчас помою руки и сяду за стол. Света, накорми дядю мясом.

Не успели сесть, как приехала Лена с детьми. Вся семья Гуговых в сборе. Чуть оговорился – конечно, Абазовых. Мурик позвонил, он уже в дороге. Алим тут же выскочил на улицу. Элина осталась с бабушкой. Она – ласковый, нежный ребенок. С Алимом очень трудно. Он еще мальчик, но уже не по годам взрослый. Многие вопросы и ответы ставят в тупик – особенно бабушку.

– Ты представляешь, с ним надо говорить на равных. Иногда теряюсь и не нахожу ответа (Света слегка улыбается). Это копия Рашада.

– Да? Дай Бог. Мы будем только рады.

– Дядя, вот ты спрашиваешь насчет отца. Он уходил утром и приходил вечером. Часто задерживался у родственников – у своих двоюродных братьев Нашурдина Жамборова и Пшикана Таова. Они жили здесь рядом. По субботам и воскресеньям ездил в Баксан к братьям Джабраилу и Юре, сестрам Жене и Асият, на Черную речку к Хабасу Гугову. Вот сколько я себя помню, в детстве мы пропадали во дворе. Это был особый двор. Сейчас таких дворов не бывает. В соседнем доме на первом этаже располагалась библиотека, где мы читали стихи, ставили маленькие пьесы, была большая спортивная площадка, там мы играли в футбол, теннис. Что я хочу сказать, мы не были брошены на произвол судьбы. Нами занималось государство. А сейчас посмотри, что творится во дворах!

...За окнами ночь. Мы сидим за столом и еще долго-долго вспоминаем Рашада. Я отказался от машины, решил пройтись пешком. И вот о чем думал, покинув гуговский дом. Весь вечер я наблюдал за Алимом. Он уже в таком возрасте заставляет своим поведением, характером относиться к себе как к равному. В нем уже заложена твердость духа, неуступчивость, свое собственное мнение, и он хочет, чтобы с ним считались.

И вот, что я хочу сказать тебе, Алим, дорогой! Завтра у тебя будет трудный день. Твой дед сказал мне об этом. Он с рассвета возьмет тебя с собой в Красное Гедуко. Я не знаю, о чем ты будешь думать у могилы бабы Розы (матери твоего прадеда) и почувствуешь ли ты особый вкус воды из гуговского родника, не знаю, но знаю одно и в этом я непоколебим. Тебе, Алим, как никому другому, суждено пройти по жизни дорогой Рашада. Тебе, Алим, начерчено самой судьбой стать большим человеком, и нам опять станет тепло и уютно в душах наших.

...На пожелтевших листьях дремлет осень. Тишина укуталась сырым туманом. Над Красным Гедуко кружит одинокий аист.

Алим. Это душа Рашада. Слышишь голос?

Нальчик – Красное Гедуко, 2013

Елена СТЕЛЬМАХ,
член Союза писателей Беларуси

**В МИНИАТЮРНОЙ СТРОКЕ –
«СОЛЬ» ЖИЗНИ**

*«По части живота
и детей все люди одинаковы»
(Кабардинская пословица)*

Как разнообразен мир языков! Многочисленные звуки шипят, шумят, сливаясь в слова. И все это для того, чтобы кто-то кем-то был понят. И мир встает тогда во всей красе, и наполняется жизнь высоким смыслом. Но бывает, слово, даже звук вдруг вспыхнут враждою. И нет тогда беды сильней.

Как говорим, как умеем слушать – так и историю творим. Есть в этих выражениях нечто сродни той мудрости, которую наши далекие предки много столетий назад заложили в очень краткой, но предельно образной художественной форме народных изречений – пословицах и поговорках. Они возникли гораздо раньше, чем у отдельных народов появилась письменность. Например, жители гор пословицы называют нартскими словами в честь благородных и непобедимых богатырей – нартов, которые якобы жили в былые времена и стали олицетворение не только родных гор, ума, отваги, доброты, достоинства горцев. Образцы этого жанра славянского, в частности – белорусского народного творчества, найдены в литературных памятниках XVI века.

У разных народов есть много отличий: природа, образ жизни, традиции, культура. Чем, скажем, могут быть похожи между собой жители гор – кавказцы – и славяне равнинной Беларуси? И, тем не менее, общего у нас не так уж мало.

Все мы ценим то, что дается человеку трудом, преклоняемся перед тем, без чего наша жизнь неполноценна: домом, семьей, Родиной. Мы одинаково чувственны в любви, страданиях, сопереживании чужому горю. Нас объединяет стремление в желании творить добро и жить в мире. Пословицы и поговорки, которые являются великим культурным наследием и кабардинского (адыгского), и балкарского, и белорусского, и русского народов, подтверждают именно это.

Самобытность и, в определенной степени, специфичность мышления, безусловно, проявляется в народном творчестве и кабардинцев, и белорусов. Однако, отражая национальный колорит, эти жемчужины мысли изнутри освещены общечеловеческим смыслом. Они подкупают близостью мироощущения разных, казалось бы, народов. Эти миниатюрные творения свидетельствуют не только о взаимопроникновении культур, но и об их взаимообогащении, подчеркивая, что общего у нас гораздо больше, нежели отличий.

Метко сказанное слово не могло кануть в неизвестность. Подвученное остроловом, оно передавалось из уст в уста, как леденец, вкус которого хотелось отведать каждому и желать, чтобы его попробовали многие. Тем более что народный ум оттачивал выражение до совершенства, благодаря чему оно исключительно метко попадало в точку: «Что ранено саблей, опять зарастет, а что языком – не заживает»; «Двум кинжалам в одних ножнах не поместиться (каб.)»; «От людей спрячешься, а от совести – нет»; «Время не лошадь: не подгонишь и не приостановишь»; «Свою хитрость раскрой – чужая перед тобой раскроется» (бел.).

Одна фраза могла стать содержимым всей беседы, оберегая собеседников от пустословья. В этом также выражена характерная черта народа, не растрчивающего время попусту, вечно спешащего заняться делом. Примеры тому – «Не у того правда, кто много кричит»; «От мелющего языка плохая мука» (бел.).

Блестящая народная способность к образному мышлению делала очень доходчивой выраженную мысль: «На аллаха уповай, а сам, брат, маху не давай»; «Другу что-нибудь отдать выгоднее, чем продать»; «Добра не пожалеешь для другого – добро и твоего коснется дома» (каб.).

Не перестаешь удивляться живучести древнейшего народного творчества, которое в устном изложении оказалось гораздо сильнее многих других, бесследно исчезнувших материальных ценностей.

Фольклор, ставший своеобразным летописцем истории, позволяет судить об эпохах, непростых и драматичных, помогает представить образ жизни, быт, понять нравы наших предков, прислушаться к их советам и рекомендациям.

Пословицы и поговорки получили право на существование через испытания временем, но и сегодня они свежи в своей первозданности. Большинство из них, кажется, «родились» только сейчас: «Чего не нашел в хорошую погоду, не найдешь в буран»; «Чужое плохо сразу видно»; «Что малая свадьба, что большая свадьба – одно и то же»; «Брата лишнего не бывает» (каб.). «Откладывай безделье, да не откладывай дела»; «У дурного соловья дурные и песни»; «У хорошей хозяйки и петух несется»; «Старший брат как второй отец» (бел.).

Человеческая мысль имеет непреходящую ценность. Она, отраженная в пословицах и поговорках, стала своеобразным генетическим кодом, который связывает поколения людей, живущих на этой Земле.

И глубинный смысл, и меткая образность, и поэтичность звучания – не в этом ли неотразимость словесных ожерелий, блеснуть которыми рад и сегодня каждый? Обогащенная живописными красками народной мудрости речь сразу выделяет собеседника среди окружающих, непривольно подчеркивает его интеллект, дает возможность лучше других быть услышанным и понятым.

Родина. Святость этого понятия во многом определяет ценности человеческой жизни. Вот почему в палитре народной мудрости столько восторженных слов о родном крае, привязанности к нему. «Каждому свое место кажется красивым» – так говорят кабардинцы. «В своем краю – как в раю»; «Родная земля мягче чужой перины» – убеждены белорусы.

История судеб белорусского и кабардинского, балкарского народов очень схожа. Обе республики находятся в центре: одна – Европы, другая – Кавказа. А потому многочисленные войны если и не проходили по их территории, то обязательно касались их черным крылом. Это состояние постоянной напряженности отразилось на менталитете обоих народов и стало одной из главных тем, которая волновала людей, а потому и легла в основу различных устоявшихся выражений, как, например: «Война всегда боль несет» (*бел.*).

В ситуации опасности ярко проявляются свойственные человеку качества: честь и достоинство, когда надо защищаться от врага; храбрость и отвага, чтобы одержать победу. «Слезам врага не бьют»; «На печи не храбрись, а в бою не дрожи»; «У кого разум, у того и выдержка»; «Старый друг врагом не станет, а старый враг не будет другом»; «Герой встречает смерть однажды, а трус что ни минута – дважды» – пословицы разных народов. Нужно ли указывать на их национальную принадлежность, если по духу они абсолютно близки. Как, собственно, и эти высокие понятия имеют идентичный смысл: «Где нет чести, там нет счастья»; «Если честен, то и силен» (*каб.*). «Погон не для вида, погон для чести» (*бел.*).

Семейные отношения – одна из наиболее распространенных тем, всесторонне рассматриваемых в фольклоре. По-разному звучат пословицы, но по смыслу, кажется, они создавались совместно. Значение детей в продолжении рода, роль материнского начала – свято для каждого народа. В кабардинском понимании это звучит так: «И тем, кто имеет одного ребенка, и тем, кто имеет сто, они одинаково дороги». «И грач своих птенцов считает красивыми». «Какова мать, такова и дочь». «Если даже юноша слеп, матери он кажется зрячим». «Старик и тот «О, мама!» – закричал, когда в горах его настиг обвал». «Родителям воздай почет, твой сын тебе его вернет».

Белорусы также искренни в родительских чувствах: «Дитя и худенько, а отцу-матери миленько»; «И сова своих детей хвалит»; «Как хорошее семя, так и хорошее племя»; «Мать сама не поест, а детей покормит»; «Мамино крыло и в мороз теплое»; «Сын к матери с головешкой, а она: «Сынок, ручки обожжешь».

Своеобразная этнопедагогика, созданная нашими предками, и сегодня утверждает ценности, которые называют вечными. Аксиомы необходимости воспитания, значимости положительного примера не требуют никаких доказательств: «От колючки колючка рождается»; «Высоко торчащий колос часто бывает пустым»; «Дым велик – костер мал»; «Не согнешь прутком – когда станет колом, уже не заставишь гнуться» (*каб.*).

«От яблони – яблоки, от сосны – шишки»; «С хорошего куста и хорошая птица вылетит»; «Что будет, когда год придёт»; «Тогда детей учат, когда возле скамейки ходят» (*бел.*).

И все же центральная фигура, которой принадлежит множество всевозможных словесных характеристик, – это, конечно же, человек. Не обойдено вниманием ни одно его качество. Сколько же есть таких замечательных изречений, которые с удовольствием воспринимаются

как комплимент! Кабардинцы говорят: «Того, кто будет хорошим волом, узнаешь еще теленком». «С красивого лица хорошо и воды напиться» – такова похвала у белорусов.

Отрицательные же черты, наоборот, осуждаются. Не жалеет народ крепкого словца в адрес нарушающих нормы морали, планка которой повсеместно поднята очень высоко. На Кавказе пренебрежительно относятся к тем, у кого «Язык сладок, да сердце грязно», осуждают того, кто, условно говоря, «в одном месте яйца несет, в другом – цыплят высиживает». Считается непозволительным «в чужом хлеву считать скот». Многозначительны напоминания: «Обман родит обман»; «Сделавши зло, не жди добра».

Белорусская мораль в этом плане не менее строга и критична: «Не на весь рот говорит, а на половинку»; «Рассыпается мельче мака»; «Не будь ласый на чужие колбасы»; «В чужие сани не садись»; Ты за чужим горшком, а черт за твоим мешком». Чтобы противостоять всему злumu и завистливому, народ подключает защитные силы: «На хитрость дай Бог мудрость!» (бел.).

Покоряет своей образностью и тема людской молвы. Любители почесать языки, пустить сплетни есть в каждом селенье, но их болтливость красноречиво высмеивается: «Скажи одной курице, а она – всей улице» (каб.). «Расскажешь про воробья – перескажут про журавля»; «Скажи слово на ноготь, а добавят на локоть»; «Люди с блохи сделают слона» (бел.).

За любое дело лучше всего браться совместно. Народ это хорошо знает. Поговорки также выполняют важную роль для поднятия духа: «Если девять мышей потянут, то могут сорвать крышку с кадки сыра» (каб.); «В дружном стаде и волк не страшен»; «Одна пчела меда не наносит»; «Берись дружно, будет грузно» (бел.). Нельзя недооценивать и роль одного человека. Иногда его участие становится решающим, о чем образно сказано в пословицах: «И маленькая птичка способна произвести снежный обвал» (каб.). «Не велик муравей, а горы ворочает» (бел.).

Особую ценность в жизни человека имеет здоровье. Оно напрямую связано с его возможностями, потому в кабардинских пословицах звучит сострадание: «Болезнь приходит легко, но уходит трудно»; «Всё, что уносит на тот свет – болезнь». Такое же сочувственное отношение имеют и белорусы: «Больному и мед не вкусен, а здоровый и камень ест». Все в одном единомыслии: «Было бы здоровье, и жизнь будет!»; «Как здоровый, так и богатый» (бел.).

Алексей Толстой назвал плод народного творчества «праздничными одеждами души», и ведь действительно это очень нарядно: «Без солнышка свету не быть, без милого не жить» – так говорят белорусы, и вторят им кабардинцы: «Кому по душе твоя голова, тому и ноги твои будут по душе»; «Кто любимый, тот красивый».

Такова она, «соль» жизни. Ее можно отведать, приоткрыв богатейшую скарбницу поэтического творчества, которое корнями уходит в глубь столетий. Оно также бессмертно, как и наши народы.

ХАСАНИ

***

Если ты живешь по духу, и по духу поступаешь,
Чтоб душа не раздвоилась на тропе, где ад и рай.
Пусть светильник сердца сеет в вечном храме дух
в зерне,
Отдавая безраздельно все, что льется через край.

***

Вот теперь, мой друг, настало время камни собирать,
А не то – тревожит худо от небесных строгих врат.
Слышишь топот в дебрях жизни, это скачет
рок во тьме,
Чтобы спрашивать и взвесить, что осталось, что убрать.

***

Страшно думать, что когда-то мы должны ответ держать
Перед Богом за роптанье, став идее подражать,
Что вокруг творится в жизни, ум не может объяснить –
Кто-то лжет, а кто-то любит сердце ядом поражать.

***

Кто сполна пред Богом платит за грехи, что не творил,
Тот, наверно, воздвигает мост душе в путях светил.
Он, быть может, и не знает, что расплата за других –
Божья воля к храму рая, где ворота рок открыл.

***

Наступил ли тот момент, чтобы стать продажным,
Или жить и не тужить индюком отважным.
Незадачливый народ все галдит и спорит,
Кто с сатирой, кто с вином, кто – любимцем важным.

***

Суда земного не приемлю, он часто может и грешить,
Где жизнь отравлена молвою, а кривду с правдой не сложить.
Перед судом наемной славы и цель, и суть – и смех, и грех,
А как тогда земною жизнью не во грехе привольно жить.

***

Я поклажу неземную в чайхане держу в вине.
И с Фатьмою луноликой пью, кручу любовь на дне.
Как порой противно это, но все тянет сатана,
Будто тянет души наши к соблазнительной войне.

***

Я недавно был в Мешхеде и услышал странный зов,
Будто слышу издалека лай и жажду своры псов.
Неужели так жестоки, так и мстительны века,
Что они впитали злобу, до сих пор пуская кровь.

***

Дураку дойти до сердца – самому быть дураком!
С этой истиной природы не всегда любой знаком.
И порою, как я мыслю, что чуть-чуть быть дураком –
Будет весело по жизни, но им быть нельзя силком.

***

Управлять мечтой не сможешь – в нас мечта как Божий суд,
Постиженьем тьмы и света к ней идет усердный люд.
Свет мечты, бывает, слепит; темнота, бывает, жжет,
Оттого что в сердце льется весь небесный властный труд.

***

Не тот любимец масс, кто зубы скалит с трона,
Где там, за султанатом, цветет посев притона.
А ждущие с надеждой глядят в уста султана,
И мнят, что с ним едины у них и ствол и корона.

***

Когда хвалили всех, тебя не дохвалили.
Когда на рану – соль, тебе не насолили.
Такой, видать, народ, где все не так уж просто,
Там позовут, там нет, а там и нагрузили.

***

Все ломаем, все разрушим, а затем построим вновь, –
Мы за это заплатили: слезы, горе, кровь за кровь...
Но уставшее сознание приказало дальше жить,
И поднялись все с колен – каждый был на все готов.

***

Где века в песок уходят, а дворцы в руинах спят,
Где росток надежды слабой в ойкумене силой смят,
Я стою не том бархане, где округа вся видна,
И глаза прищурил с болью, как древнейший азиат.

***

Наша совесть убежала от стыда и от грехов
На какой-то непонятный, внеземной далекий зов.
Видно, совесть не прижилась в наш могучий, жесткий век,
Где все вехи и эпохи не разгаданы с основ.

***

Нарушить нравы и законы – беда, что зреет впереди,
И потому у нас в округе не может люд собрать в ряды.
А дух все падает в бездумье, где честь и хаос сплетены,
И духом падшие не знают глубинных бед своей вражды.

***

Судить о любви без добра и без зла,
Похоже на притчу, где любишь козла,
Где гнев пожирает, огонь леденит,
Как будто бы в душу змея заползла.

***

Где плакатная победа помогает дух поднять,
А трагедии героев люди могут не понять, –
Там всеклассовые споры, как борьба имущих сил,
Где и жертва и победа одинаково пленят.

***

Любовь не красотой пленяет всех нас там,
Где и тоска со страстью уходят вглубь мечтам.
Страданьем сердце всюду преследует тот миг,
Который тайной долей прильнет, как зов к устам.

***

Мы ищем в мире равенство, а равенства все нет, –
То выдумка старинная, как пращура портрет.
Когда бы было равенство, то был бы ли закон,
Что выдумал свободу, а в ней – большой секрет.

***

Кто судимы – те далече, а ведь рок предупреждал,
Что не даст пощады всяким, тем, кто ждал и кто не ждал.
Наша тайная надежда о дозволенности здесь,
Не иное, как блаженство, кто себя себе продал.

***

Молящимся от страха я говорю: стойте!
Молитвами своими грехи вы не покроете.
Надеетесь, Аллах вам простит грехи земные,
Да вы и в храмах Божьих всю душу не откроете.

***

Из Мешхеда убежал я, где пленен был дамой зла,
Что запала в сердце болью, не любовью, что ползла.
Сколько ж там сердец разбил я черноокиим феям тьмы.
О, Аллах, прости за то, что был я в образе козла.

***

Я для врагов – как недруг, в итоге мы – враги,
А от друзей-прохожих я слышу лишь шаги.
В такой заумной жизни мне чайхана как рай,
Рев ишака из хлева дороже, чем они.

***

Если умный ненавидит у другого ум и стать,
Как же может объясниться и советчиком он стать.
Видно, нас порой природа унижает и казнит,
Чтоб затем уму умнее красноречие придать.

***

Истеричными кругами мы обходим страшный брод,
Где султан с испугом смотрит на себя и на народ.
Небо хмурит горизонт свой, раздвигая вверх и вниз,
Даль иной раз видно ясно, а иной раз скрыт и свод.

***

Говорят, что в ойкумене все дворцы больны тоской,
А на улицах дерутся, нет управы никакой.
Ни сословия, ни классы в пестрой жизни не сильны,
А причина в недрах страха дремлет силой вековой.

***

Будто недруги султана нас терзают неспроста,
Полагая, что с народом совесть наша нечиста.
Как порой враги наивны, видя в массах власть и спесь,
Видя в массах ту сплоченность, без султана и креста.

***

Среди врагов ищу я, кто может другом стать,
Среди друзей, я знаю, есть скрытый злобный тать.
В среде такой, о Боже, где настоящий друг? –
Ведь в нашей стае трудно и знать и полагать.

***

Мой ишак поет и плачет, а о чем, я не пойму.
Он как будто заморожен и находится в плену.
Он не ест, не пьет, как раньше, все на улицу глядит,
Будто ждет мою Жулдузку, что за грех я прокляну.

***

Эй, гуляка, подожди ты, до того как пить решить:
С каждой чашей некий дьявол может душу сторожить.
Ты, конечно, засмеешься и пойдешь – где пьют и льют.
Только даст ли сторож строгий долго так на свете жить.

***

Правду ту, что ищут сонно, могут лишь найти во сне,
Окруженную премудро спящей поступью извне.
Жизнь и смерть там без границы, а мечта – слепой узор,
Где душа смиренно бьется в заколдованной возне.

***

Издали начнем мы и далеко взглянемся,
И будем вахту зрить мы и с вахтой той сроднимся.
Эй, прошлое, постой же, останься на минутку,
Не уступай пока нам, смотри, куда стремимся.

***

Где нам страшно, где нам больно, там наш ангел сторожит,
Там и шествие природы тайным знаком ворожит;
Там мечта, смешавшись с былью, в этих знаках ищет путь;
Там бессмертье не для жизни – жизнь сама его вершит.

***

Алкоголиком непьющим стал задумчивый сосед,
И теперь к нему стремятся кто и молод, кто и сед.
Видно, им послал Всевышний вразумленье и боязнь,
А в душе оставил краски, как унылый, горький след.

***

Эта книга – плод раздумья в наши тяжкие года,
Где в султанах и царицах то веселье, то беда;
Эта книга о народе, а народ и так и сяк,
Растерявший силу духа и бредущий кто куда.

***

Нелегко найти врага по достоинству и праву,
Где все братья и друзья, да и сестры все на славу.
Только так не может быть, где сливаются невзгоды,
Где одни вражду таят, а другим не все по нраву.

***

Гармония духа, что странно маячит,
На кончике счастья хохочет и плачет.
А ангел, что жизнь охраняет сурово,
Со мною по жизни взволнованно плачет.

***

Подрастет в заботах время, увозя людей к кругам,
Где заботливо дерутся в назидание врагам,
Что же делать больше в мире, коль не драться и пугать...
Где-то скучно, где-то страшно, где-то все несут к ногам.

***

Порой бывает так, что глупый умнее сотни дураков,
Когда ленивое мышление, бунтуя, выйдет из оков.
А ведь глупец не так уж глупый, да и дурак не столь дурак,
Чтобы когда-то не воспрянуть из забвения блаженных снов.

***

Там, под ясным синим небом, где орел, как страж, парит,
Мирно спит страна родная и очаг тепло горит.
Отдыхай, мой край отцовский, после многих грозных лет,
Нынче сын твой просветленный гордо с миром говорит.

***

Нет ли умысла и цели, что взошли мы до высот,
Где наш ум когда-то сможет и вселенной жизнь спасет.
Мы свое предназначенье не усвоили еще,
Потому живем «как хотим», каждый сам свои груз несет.

***

Тебе, мой кормчий, посвящаю мой сборник страстных рубаи,
Где я вплетал с любовью нежной все размышления свои.
Любя душой Омар Хайяма, ты тем прозрел до тех высот,
Где, мир рисуя справедливо, хоронишь войны для любви.

***

Так бывает, что приснится наяву и даже сон,
Будто в наших султанатах дух смятенно пробужден.
А затерянный в дорогах дервиш юный скачет к нам,
И в руках он держит факел – разыскать наследный трон.

***

«Мечты, мечты, где ваша сладость», где ваша истинная ложь,
Когда в страданиях безвестных вы – тьма, вы – свет, кому и дрожь.
В блужданиях ищем вас и спорим, в порывах будничных зовем.
Вы будто вымысел надежды, что на мираж порой похож.

***

Меж мирами, меж веками жизнь волшебна, мост вдали,
Где дороги и заботы – как пророчества одни.
Там грехи – как наказание, а любовь – торги страстей,
Там душа притихла в спорах, что в тупик нас завели.

***

О вине и чайхане пел Хайям сурово,
Будто ждут их на осле дьявол и оковы.
Кто боялся этих слов, кто в лицо смеялся,
Только вот на ишаке дьявол скачет снова.

***

Не склеить прошлое в осколках, для них нужнее новый вид,
Когда, эпохи разбирая, не одолел бы страшный стыд.
Тропу народа критикуя, враги и недруги галдят,
А сам народ молчит и смотрит на тех сказителей обид.

***

Проникнуть в исповедь души мешает нам корысть забот,
А мир прекрасный в зазеркалье миражным счастьем нас зовет.
Там и алтарь, и созиданье, воображенье, страсть и страх,
Там мир, иначе существуя, сквозь нас, как облачко, плывет.

***

Мы порою, как собаки, лаем на чужих
И свои невзгоды валим на своих родных.
Будто мы здоровы телом, но душа в борьбе
С той судьбой, что непонятна у людей самих.

***

Жизнь – как дерево мира, люди – будто плоды,
И кругом по вселенной расцветают сады,
А земные легенды так богаты судьбой,
Что у каждой отыщешь озорные следы.

***

И ныне волчья стая в аилах режет скот,
Но все же для дехканства дает Аллах окот.
Добро, как провозвестник, всю злобу гонит прочь,
Где труженик стал думать, с лица стирая пот.

***

Ты верблюд ли, иль ишак, что в твоей натуре?
Ты совсем не знаешь толк в родственной культуре.
У верблюдов знак судьбы, у ослов есть тоже,
Значит, ты совсем не тот в этой древней шкуре.

***

Твой гарем, мой повелитель, ночью месяц посетил
И увидел тех наложниц, что ты в жены обратил.
Разве ты ему дозволил нарушать ночной покой,
Души юные тревожить тем, что ласково светил.

***

Тот, кто пьет, и кто непьющий, каждый сам себе живет
И путями совершенства счастье как-нибудь кует, –
Мы не помним, что как было там, в далеких небесах, –
Только здесь, в земной юдоли, жизнь за счастье продает.

***

Тем, кто слышит голос неба, жить труднее, чем другим,
Что призвали их на службу по делам земным благим.
Мы ж, простые чудотворцы, существуем как-нибудь,
Лишь бы не было страданья, да и тело не нагим.

***

Когда спросили у слепца, как он взошел в пути,
Он думал долго, что сказать, какой ответ найти.
Затем он голову поднял, где все черным-черно,
И тихо молвил: «Этот мир давно уже в сети».

***

Умный хвастаться не может, он все держит взаперти,
Чтобы глупость, не бунтуя, меру бы могла блюсти,
Так наш мир законы строит и тайком глядит на нас,
Будто хочет, шаг за шагом, в дебри неба привести.

***

Облака видны в окошко, как тотемы на ветру,
Что идут по Божье воле над Мешхедом поутру.
А молитвы в Хорасане льют всю истину в сердца,
Будто ждет Аллах в аятах и любовь, и доброту.

***

Мой ишак тоскует в хлеве, где ни сена, ни зерна,
В это время я с бокалом распеваю, где зурна.
Я такой отшельник Бога, что я спутал день и ночь,
И моя Фатьма как будто не совсем еще дурна.

***

Скрипит душа, как перед адом, и просит милости Творца,
Она боится всех ответов за тех земных людей дворца.
Прости, Всеведущий, ту душу, что рада была все узнать,
Когда она бежит по миру, не зная края и конца.

***

Где не больно, где не страшно, там наш ангел сторожит;
Там и шествие природы тайным знаком ворожит;
Там мечта, смешавшись с былью, стелет людям дальний путь;
Там не любят все бывшее злым знаком ворошить.

***

Мой ишак поет и плачет, будто жизнь его трудна,
Но в глазах, что хитро прячет, и слезинка не видна.
Эй, ишак, ишак, дружище, разве мы не ишаки
На вершине в блеске славы или в тяжелой жизни дна.

***

Похвали того с признанием, кто вино с добром подал.
Он, видать, непостижимо совесть скоро не продал.
В странном мире, где ты странник, щедрость нам Аллах хранит,
Только вот в блаженной дрожи кто-то Бога сам предал.

***

Кто же может выбрать время, чтоб родиться в тот момент,
В этом мире непонятном, где кругом эксперимент.
Жизнь, что спрятана в кошмаре вечным хаосом границ,
Движет все сама и строит разноликий элемент.

***

Злой язык по миру бродит, и за ним навет ползет,
А вокруг кипит пристрастье, да и совесть где грызет.
Там невежество пробилось, хват спесивый в рост пошел,
И невинною овечкой злоба все из душ сосет.

***

Будь ты добрым сколько сможешь, а потом проси судьбу,
Чтобы сила не иссякла – за добро вести борьбу.
Как же слабым жить в округе, где Кузнец молотит жар,
Где не всякий распознает, что написано на лбу.

***

Когда народ благоразумный благоухает и растет,
Дыханье глубже набирая, в чудесный путь людей зовет.
А там и солнце колесницей судьбу нам катит волшебством.
И я молюсь в четыре знака: пусть путь наш Бог не оборвет.

***

От земных забот сегодня нам идти нема куды,
Так как поступь оставляет и тревоги и следы.
Нас зовет всеразум мира, как весенняя пора,
Чтобы вечный голос жизни проложил бы борозды.

***

Там, где жизнь на сон похожа с Софият и Шамдари,
О Аллах мой милосердный, ласку сердца подари!
Я и грешник, и гуляка, и в желаньях не святой,
Я ищу, где страсть и маска, где блаженство до зари.

Константин ЕЛЕВТЕРОВ

КОВЕР

Начало романа

*Не избегайте услуг настройщика,
но прибегните к ним.*

Саиш Соколов

Ну, вы сейчас празднуете, может мы встретимся в другой раз и обсудим наше серьезное дело. Отчего же, я вполне отдаю себе отчет. Знакомьтесь между собой, вот ваши рюмки. Вот это Наташенька смотрите какая. Вы чуть сдвиньтесь, а вы сюда. Ее надо любить, иначе она не будет играть. Я тоже очень рад. Курочку берите.

Все происходит, как известно, на другой день после того, как вчера в пятом часу утра шел домой после преферанса чудесной поступью, проспект опускается еще под горку. А дождь шел ночью, так что свежо. Два месяца уже льет почти каждый день, а зонтики у меня гости утаскивают на время, но никто никому ничего никогда еще не вернул. А потом как раз возле белого дома, где, строго говоря, ни одного парламентария не могло быть в этот час, хотя мало ли какие очаровательные привидения. Выдают замуж ведьму у начала дальней колонны. Как раз где клумба с высаженной цветочной датой на тему, что сегодня двадцать девятое июня, а что уже тридцатое, так кто тебе число будет менять по ночам. На то рассвет есть, и вот он как раз голубого цвета, птичка поет. Ты ей подпеваешь, но грубо. И вот тебе тридцать шестой год идет, и, для примера, одних Наташенек на второй десяток пошло, а ты возле белого дома на рассвете решил вывалиться в мокрой траве. Принял уже было твердое решение. Спросят, что в твоей жизни, между прочим, происходило на первом плане, что за биография такая написана в максимальной степени яркими мазками. Вот в траве у белого дома решил вывалиться, отвечаю, да только ничего подобного не сделал, и так оно, подумал, произошло. Это для тебя характерно. Разницы особенной никогда не было между подумать и сделать. Домой приплыл, активированного угля поел и заснул, как дитя. Дитя, дитя. Если два раза повторить, будет уже совсем не дитя, а Блок, пророчествующий конец всему. А вы не стесняйтесь, вот соус татарский.

Недалеко от стола, как правило, сидит наблюдатель, занятый старинным делом. Он уже определил, что вот стол, то есть центр. Стол на ковре. Вот как раз и ковер. На ковре стол. Ничего не распадается. А почему, собственно, все непременно должно всегда распадаться.

Люди, пришедшие из ведомства просвещения, уже сидят и угощаются курочкой наравне с гостями, и это все более очевидно. Замысел, приведший их сюда, в границы туманной картины, мерцающей, тем не менее, ярко и весело, и не степными антикварными огоньками, а просто уже красками,

запахом пищи и пластикой трезубца в ладони поедающего салат, обозначается раз за разом словом учебник. Учебник, кричат все вокруг с детской злобой, учебник. Учебник этот, безусловно, еще не написан.

Что можно сказать в адрес. Или так просто, без адреса, разглядывая узор ладоней далеко впереди, именуя себя пузырьком воздуха в северной Греции, вдоль зеленого побережья, мимо таверн и кофеен. А кто же еще, пузырек. Дружит с упитанными воронами, которых всегда любил, поскольку они с тобой разговаривают, вот хоть бы сегодняшний вороненок. Что совсем даже не каркал и не пугал тебя в ночном городе, но мурлыкал песенку, провожая идущего мимо кафе «Космос» с дрянными серыми ложками, которые сто лет назад гнулись от погружения в льдистый шарик. И мурлыканье его ты прочитал наподобие фразы, середина которой такая. Умер, хотя на первый взгляд. Начало фразы за горизонтом. А бесконечная вторая половина нашепчется за спиной.

Тема учебника ни в коей мере не ясна, хотя уже вырисовывается, что он будет заказан для тщательной разработки и последующего детального написания одному из сидящих здесь, в маленьком южном городе, застрявшем между июнем и июлем, в двух коротеньких комнатах с высокими стенами, где в разгаре день рождения человека в зеленом пиджаке по прозвищу Граф, скрывающего свое графство под обликом честного садовника. Подают, кроме упомянутой курочки, коньяк «Ахтамар», водку «Исток», грибные зразы, а также не менее шести, если не искажается перспектива, уходящая в западное окно, овощных и рыбных салатиков, которые, наряду с бутербродами, приготовлены могли быть только рыжеголовой Олечкой. Впрочем, сначала надо покончить с Наташенькой, хотя бы потому что она. Или потом.

Ворон, каркающий на твоём пути один раз, означает братское приветствие и знак того, что дорога свободна. Если два раза, надо уже соображать, что он имеет в виду, какая интонация, сидит на ветке или несется мимо и обращается, таким образом, совсем не к тебе. Если ракурс вороньей головы совпадает с твоею собственной тревогой, то разворачивайся и меняй направление, отказывайся напрочь от цели своего передвижения, иди домой и защищай себя чем возможно. Марсом, Вакхом, Венерой. Ему виднее, что ты и куда тебя несет. Три карканья означают чаще всего подсказку, что ты, в общем, прав, идешь туда и думаешь о том самом. Не потерял опору и не падаешь вон с каната. Четыре бывают редко, и кто его знает, что они означают и с каким берегом твоего тела перекликаются.

Учебник предназначен для детей, детей от семи до двенадцати лет. Его рабочее название «Бог», однако сидящие в круге делают вид, что нет и не может быть подлежащего, никого взрослых нет дома и все придымлено горечью, и говорить про учебник стараются иначе. Называя его то «Основами системного сопротивления», то «Началами аналитической органики», то «Введением в беспорядочное краеведение», то «Кодексом расхожего правообладания», то еще более несусветно. При этом надо сознаться, что сидящие в круге владеют полным и совершенным знанием предмета и время от времени об этом вспоминают, хотя мало кто, если откровенно, способен изображать на физиономии интерес, когда речь заходит о чужих тайнах.

Что кому за дело до чужих. От своих бы не подскакивало в ужасе дитя.

Так вот, о Наташеньке. Она голубоглазая, маленькая и везде круглая. Мечтать решительно более не о чем, когда она близко.

Недавно в городе был ураган, и с того времени по квартире путешествуют с места на место четыре сосновых диска. Станный дровосек отпилит их для тебя от ствола, поваленного в парке, ничего не спросив и не взяв денег. То есть сначала ты подумал, что хорошо бы отрезать от этой живой еще, как рыба, сосны пару дисков, а через минуту поодаль как раз зажужжала пила. На вытянутых руках несешь четыре диска по улице, глупо улыбаясь. Вынул деньги, а он не берет. В комнатах плавает запах хвои и смолы, особенно если на диск поставить чайник с огня, а еще они усыпляют и впитывают головную боль, но дело не в этом. Ночами при сильном свете лампы в их узор до сих пор можно вглядываться, и от картины, которая медленно открывается, горло вдруг побито пузырьками, как шипит лимонад. Дерево совсем не похоже на ствол и кору. Это вообще не ствол и кора. Чтобы молча заснуть и не ходить, где живут пузырьки, укладываешь диск рядом, как игрушку дитя. Все кружится, будто поговорил с отрубленной головой. Смолка усыпляет. День рождения длится.

Люди из ведомства просвещения, тем не менее, заняты иным, нежели аромат яблока, расточаемый вспотевшей от духоты и потирающей колени о колени Наташенькой. Вяло реагируют они, кроме того, на сравнительные достоинства салата из крабовых палочек на фоне селедочного, а также на детали сервировки, среди которых вдруг мелькнули растрепанные синие три цветка в пузатой лиловой вазе. А также на строгий портрет хозяина французскими мелками под стеклом, поставленный косо поверх книжных полок. А также на пышущую за окном липовую ветвь. А также на сюжет зеленого ковра под ногами. О влетевшей в открытую дверь бабочке нечего и говорить, летает себе, да крыльями стучит в стены. Видали мы желтокрылых посланниц.

Заняты они горячим убеждением одного из присутствующих в том, что предмет, ради которого они, четыре дамы и господин, бросили неотложные дела и по зову сердца пришли, составляет по своей жизненной необходимости то запредельное, далее которого ничего и помыслить нельзя, хотя не стоило бы на их месте действовать так агрессивно, поскольку предмет не то что чересчур тонок, он практически даже невидим, настолько объем и всемогущ.

В открытую дверь, следуя за полетом бабочки, входит Алексей Николаевич и незамеченным садится на табуретку. Он зеваает и таращит глаза. Почему он выглядит сонным? Он странствовал. Что он видит и слышит? Трудно сказать. Определенно известно, что он ни с кем не договаривался по поводу того, что именно следует видеть и слышать.

Территорию есть возможность описать подробнее, поскольку резкость общими усилиями наведена. Алексей Николаевич новый человек, но все остальные воспринимают примерно одну и ту же картину, а именно. Тридцатое июня. Старый центр города. Дом древний в два этажа, высокие потолки. Окна на улицу. В комнате преобладает зеленый цвет. Часы с боем. Сложный подбор книг. Четыре сосновых диска. Правильный вихрь предметов,

ничего лишнего, не злые, давно знакомые друг другу люди поздравляют любимого всеми Графа, однако довлеет дело. Приведшее сюда разномастных дам и господина. Чьи резвые голоса продолжают ударять в многогранную хрустальную люстру с висюльками, чтобы тут же обрушиться вниз.

Рано или поздно о человеке, к которому обращены их горячие речи, надо будет сказать, что он выступает хозяином территории. Поэтому лучше признаться в этом сразу, накопив решимости и сделав выдох, и если не удалив больной орган, то хотя бы зафиксировав место первого разреза. К примеру, он смотрит, у всех ли налито, все ли справляются с депрессией по мере наступления сумерек, тщательно переваривают еду, поливают садик вокруг дома и воспитывают вменяемых детей. Конечно, таков хозяин. Потому что дети в большинстве своем существа тупые, лишены внутреннего пространства и не отслеживают собственные действия. Но это не значит, что он доволен своей ролью и достойно ее исполняет. Просто он усвоил, что нельзя выносить судебный вердикт тому, что нечетко выглядит. В первую очередь, себе.

Начать можно вот так, эстетика древних никому еще не оскорбляла вкус, говорит первая дама, вынимая бумажку. Страница 76. Число есть объединение предела и беспредельного. Последнее лишено смысла, так как в нем невозможно отличить предмет познания. Число же кладет предел этой бессмыслице, очерчивая форму. Отношение между ними есть гармония. Кто не желает гармонии, уткнитесь в тарелку сократовскими надбровными дугами и нечего тут.

Первая дама, конечно, прекрасна. Она любит раскачиваться на стуле и поджимать ноги. Ее, как и всех присутствующих, показывали в фильме «Малхолланд драйв». Глаза ее круглы, скулы подтянуты, талия стройна. Цветочные девушки с таким типом фигуры и белой кожей долго держат форму, хотя любят время от времени рожать. Их приятно называть ангелом и цыпленком, и они всякий раз верят. Много лет спустя, после того как вежливо отвергли все на свете, они грустят, дарят вам старые фотографии и зовут гулять в роучу.

Или вот так, говорит вторая дама, вынимая бумажку. Страница 514. И был безмолвием. И внутри было безмолвие. И вне было безмолвие. И был гранью между безмолвием и безмолвием, и мыслил эту грань. И мыслью разошлось безмолвие внутрь безмолвия. И узнал новую грань безмолвия, что расходилась волнами внутри и вне. От мысли накатились волны и волны, и был взрыв. И прошел сквозь безмолвие внутрь другого безмолвия, разливаясь на части. Каждая часть пролилась сквозь безмолвие и напиталась безмолвием. Каждая часть расходилась волнами и была бесконечно малой и бесконечно огромной. И была гибель. Из гибели разошлась грань бесконечно огромной волны и вдохнула бесконечные грани бесконечного числа малых волн. И случился звук.

Вторая дама, понятное дело, великолепна. Раз за разом она сдергивает с носа рыженькие очки и подбрасывает к потолку. Она трезва и худощава. Извивами ее мысли восхищены солнечные зайчики в том числе. Шпильки теряются в ее волосах безвозвратно. Про нее есть история, которая непременно должна быть рассказана, хотя это ничего не изменит. Транспортom

этой истории будет первый троллейбус в пять двадцать утра. Заунывный и льдистый. Выписывает дугу на конечной остановке, обдуваемой предгорным ветром. Каждый день в троллейбус садятся одни и те же люди, хмуро здороваясь друг с другом. Садятся на одни и те же места. И так проживают месяц за месяцем в полосе отчуждения, троллейбусные люди, столь же токсичные и странные, как ручные звери. Та же бабка с ведрами, тот же простой русский человек с грубым оскалом, та же бледнолицая пара, которая не выпалась. Рассветы все более ранние, мороза уже нет, капли по стеклу. Ты садишься у печки.

Или вот так, говорит третья дама, вынимая бумажку. Страница 239. Никакое восприятие не является духовным, всякое восприятие есть игра ума. Исходя из этого фундамента, объявляю минуту молчания как фасад, полный сияющих витрин. Но сперва хотелось бы потребовать с дальнего берега ветчину поверх ласковых сырных слез. Обласкать ее кончиком языка, чтобы знать и безмолвствовать. Истина есть сам наблюдатель, но не то, что он наблюдает. Выйти на спелую траву, ничего не боясь и не требуя жертв. Приставив ладони к глазам, увидеть Италию и воскреснуть.

Третья дама являет нелепость в облике и неотмирность в посадке головы. Фигуру ее, талию, а потом вдруг бедра, надо немедленно в мрамор. Если начнет мыть посуду, то грохнет пару тарелок от темперамента. Таких героинь играла в молодости Чурикова. За ними в рождественскую ночь, когда она вдруг бежит к вам через весь город, увязывается белая дворняга, и в самые любопытные моменты начинает тереться о вашу голую ногу или глотать ножки стульев. Они мистически одарены. Их преследуют голоса и трупы близких друзей. В самых неожиданных местах города помечена территория, где вы жгли разную мелочь, изнемогая от борьбы всего со всем.

Или вот так, говорит четвертая дама, вынимая бумажку. Страница 863. Когда Пифагор сходил в Аид, он видел там, как за рассказы о богах душа Гесиода стонет, прикованная к медному столбу, а душа Гомера повешена на дереве среди змей. Исходя из этого, не мешало бы объявить пять минут молчания, но сперва дотанцуем наш вольный пляс под бесовскую дудку Колтрейна. Это дача, это угли вчерашнего костра. Запахом шашлыка пропитана кора абрикосового дерева. Под скамейкой брошен портрет молодого человека.

Четвертая дама светла, как взрыв. У нее детские губы и минимум косметики. Худенькое тело летит высоко вверх, обрушиваясь к ногам фонтаном и разбрызгивая плечи и волосы. Она дочь и племянница. Под горлышко ей пойдет скрипка. Богиня любви творила ее из мороженого с апельсиновыми корочками. Нестор Махно бледнеет, когда она в седле.

Используя ракурс, в каком наблюдает все происходящее Алексей Николаевич, надо сознаться, что день меркнет. От обилия богоподобных тел в квартире душно, смахиваются капельки со лба. Лица кажутся нарисованными поверх настоящих. Узор на салфетках строго венецианский. Окна заклеены скотчем с позапрошлой зимы. Город на самом деле дрянной, но куда бежать. Скотч можно с безобразным треском отклеить, и возникнет соблазн распахнуть все настежь. В Москву. И прохлада наполнит сердца, и хозяин территории начнет ворчать, что вот они комары да мухи, думая совсем о

другом. Еще и еще проклят будь архитектор. Сразу за окнами многолюдная улица без всякого перехода, и пол в квартире на уровне тротуара, то есть в окно можно шагнуть, как в дверь. А что Москва. Это удручает хозяина, и он не устает обзывать свой дом паскудным, паршивым зоопарком, страдать бессонницей и ночами разбивать об одну и другую стену кулаки, до чего нет интереса сладко спящему Алексею Николаевичу. С его огненным гороскопом и прекрасным черепным давлением.

Надвигается время ставить Пако де Лусию и переходить на сладкое. Или еще нет.

Никогда не будешь страдать от жары и духоты, солнечный мальчик. Нет разницы между двадцатью пятью и сорока градусами в тени, и гуляешь по пыльному городу в июльский полдень, исправляя себе два метра жизни вокруг, если утро выдалось тоскливым и лень мыть вчерашнюю посуду, и так пребудет всегда. Вчера, к примеру, Алексей Николаевич бесцельно шатался по базару и забрел даже в рыбные ряды.

А пожалуй и так, сверх меры откровенничает первая дама, вынимая бумажку. Страница 427. Всякое знание есть описание сновидения ада. Умножающий знания умножает кучу. Люди есть ангелы, которым для роста нужна только энергия любви. Исходя из этого, следует без малейшей паузы погладить рядом сидящего по животу и усвоить капельку его крови, для чего медленно ткнуть шилом в печень. Тем самым извергнется, пока не сомкнулись воды, всеобщая симпатия друг к другу, и новая юность взойдет из благородной пляски на похоронах. И мы отдохнем.

А пожалуй и так, светлеет лицом вторая дама, вынимая бумажку. Страница 305. Даже если ты один в темной комнате, будь таким, как перед лицом благороднейшего гостя. Учит Дзенгецу, мастер времен династии Тан. Нет ни малейшей надежды, что вы, грязные подонки, будете это помнить хотя бы шесть секунд. Я квакаю, ты квакаешь, он квакает. Это не предназначено для того, что вы называете умом. Употребил томатного сока, высыпал немедленно щепотку соли на пальчик, лизнул сам и предложил рядом сидящему.

А пожалуй и так, подчеркивает третья дама, вынимая бумажку. Страница 98. Настоящий вопрос не в том, существует ли жизнь после смерти. Настоящий вопрос в том, живы ли вы перед смертью. Вот я подставила бокал и прошу реагировать гораздо быстрее. Вот я опускаю левый чулочек. Настоящий вопрос не в том, является ли бог любовью. Настоящий вопрос в том, известно ли вам, что такое любовь. По этой причине следует все дальнейшее, и, дружески говоря, скоты вы без малейшего приятного исключения. Поскольку не нашли до сих пор территорию ответа, воображая, что есть дела поважней.

А пожалуй и так, приподнимается над столом четвертая дама, вынимая бумажку. Страница 551. В департаменте, но стоит ли говорить, в каком департаменте. Чихнул на лысину, да пошел. Никакого Александра Ивановича не было. Вот какие большие огурцы продают теперь в магазинах. Пал, а норов худ, и дух ворона лап.

Да хоть бы и так, подводит вдруг черту господин, не вынимая бумажки, но только пошевеливая бровями и не вполне прожевав кусок. Жорик,

наливай. Страница 782. Третья Брамса в части аллегро помянет всех. Надеюсь, у вас разрешено выстукивать благие намерения по краю стола вилкой, чтобы дорога растворилась в идущем. Эгей, кроха!

В середине маленького летнего города довольны друг другом стихшие гости. Они вертят головами туда и сюда, как смотрят теннис. Некоторые спят. Лица заволакивает целебная плесень. Иные не спят. Граф бросает на пол виноградинки, наслаждаясь медленным их падением. Четвертая дама примеряет панамку за панамкой. Во дворе гуляют старухи, тянутся две линии гаражей и растет орех. Третья дама исчезает из мира объектов. По левую руку на черную настольную лампу слетает желтая бабочка. Первая дама грезит об атласном постельном белье. Сквозь потолок все происходящее оценивает человек с героизмом на скулах. Вторая дама, ожидая своей очереди вступить, снова сдергивает очки, и два зайца побежали по стене. Извлечена нежная девочка Инга с очень далекой антресоли. Звал ее, и когда выглядывала в окно третьего этажа, Алексей Николаевич стрелял в ее чудесное лицо маленьким зеркалом. Инга сулила ему черта, обижалась и гнала прочь. Изумительно рисовала, глядя далеко вперед ореховыми глазами. Что теперь?

Алексей Николаевич растирает себе уши и зевает. Солнечный зайчик являет собой пример взаимоотношений верха и низа. Нельзя ничего понять о солнце, поскольку слепнешь. Это ваш ослиный бог. С двух боков ввинчиваются ему в затылок слова, и в тоске он хочет это все выпрясти, но перестает, ощутив на себе взгляды. Нельзя ничего осветить зайчиком, поскольку луч слабый и скачущий. Это разум. Ну и я такой же дурак, как они, думает параллельный голос с другого края.

Тянется через локоть Олечки с открытой спиной, цепляет вилкой зеленый анчоус и аккомпанирует себе челюстями. Предметы должны быть освещены солнцем, а зайчик годен для убогой игры. Ну так. Глокает анчоус.

Ночной город любит принадлежать тому, кто в нем свой. Если сложить время, которое ты провел на пустынных улицах, любивших тебя в полусне, будет, может быть, год. Улицы одни и те же, помечены все места. Укрошены все звуки. Есть отрезок между одной и другой площадью, где можно идти с закрытыми глазами, будто на воздушной подушке, но редко выходит больше десяти секунд, потому что лбом утыкаешься в дерево, и выясняется, что тебя снесло не вправо, так влево. Есть специальная елочка возле дома печати, под которой тебя многократно тошнило. Есть фонарный столб возле почты, и лампа его гудит и плачет, как выброшенный на помойку пылесос. Есть точка, где надо непременно, чтобы не терять рельсы, перейти проспект. В этой точке есть точка, парабола на линии книжного магазина в сторону шоссе, которая просто принадлежит тебе, как банковский сейф, как собака, она выбрала в этом городе лишь одного, и ты всегда говоришь ей, тише, я вот он. Ненадолго смотаюсь в Грецию и вернусь. А здесь, у фонтана, валялась бумажка в пятьдесят рублей, но ты не стал ее подбирать, поскольку мало ли что. А здесь ты провожал Ту, Которая Всегда Уезжает, и в окно первого этажа высунулась совершенно голая бабушка, закрыла форточку, зевнула и провалилась обратно. А здесь ты минут двадцать, ого-рошенный, стоял под мартовским дождиком, слушал надутую птицу и не

мог понять, что происходит, сидит одна в чернильной тьме, без намека на рассвет, и вызывает горлом такие узоры, что хочется в эту сторону немедленно умереть, чтобы попасть в исток.

А еще вот, хохочут разом четыре дамы, вываливая на стол приятной толщины книгу в супере, и начинают без удержу цитировать.[...]

Алексею Николаевичу в этом месте, слишком похожем на пляску дровишек, не остается ничего иного, как опознать предмет по мелькнувшей тени. И понять, что именно заставляет его быть внимательным, будто идет переправа. Было так. Скользил легкой поступью по сужающейся улице без людей, болели пятки. Кругом рыбацкие сети. Воздух чистый, как горячий свечной воск. Коты поперек дороги, песенка льется из кабака про раненного светлой стрелой, а на рассвете пробилы часы, открыл и тут же зажмурил глаза. И несколько минут не шевелился, твердо держа голову, чтобы не расплескать сон. И не запутаться в сетях навечно. Знал, что сны продолжают жить наяву, пока не меняешь положение головы, не сбив ракурс. Этот вынул через много лет из бочки смолы. Или не тонул никогда, но являлся в глуши и тьме, не давая себя опознать.

Кабак, безусловно, открыт до утра и называется «Седьмое небо». И заказывать следует жареную баранью печень и венское пиво. Сонный мир ничем не отличается от яви, то есть вообще никакими правилами игры, лишь результатами, которые суетны. Этот трюк Алексей Николаевич хорошо усвоил и любил. Там восприятие, здесь восприятие. Во всех случаях не видишь то, что на самом деле. То есть не перед глазами, а везде.

В юности Алексей Николаевич носил на руке электронные часы с кнопками и светящимися цифрами. Вдруг начал повторяться из ночи в ночь одинаковый сон, не имевший себе равных по назойливости и тоске. Что на этих часах вместо цифр загорается чудесный непредсказуемый экран. И надо при этом выполнить вроде бы знакомую, но непостижимую работу, и нагревается голова от напряжения. Наугад давишь на кнопку, всегда одну и ту же, и злишься до слез, что не можешь постичь принцип действия, и на циферблате мелькают невероятные живые картинки, очень быстрые значки, лица, фигуры. Словно втягивая внутрь своей яркостью и скоростью. Давишь и давишь кнопку ногтями, страстно желая восстановить нормальный циферблат, то есть время. При этом влияешь на картинки, изменяешь их поток. И знаешь, что забытый порядок действий непременно хранится в тебе, и если пройти лабиринт живых картинок определенным образом, то найдешь решение. [...]

Успел еще подумать о том, что наяву будто вытирали тряпкой память. Никогда, ни единым намеком волшебный экран не напоминал о себе помимо сна, даже когда Алексей Николаевич смотрел на часы, пристегивал ремешок и давил ту самую кнопку, чтобы перевести будильник. И вот теперь играем в открытую, сон больше яви, матрица обращена глазами в себя. И тоска не имеет предела.

А эпитафией берем вот что, вздыхает со слезами на глазах первая дама. Не ищи то, что имеешь.

А эпитафией, клокочет голос второй дамы от сдерживаемых рыданий, конечно, берем это. Шут идет слева направо.

А эпитафией, шепчет третья дама и низко клонится к тарелке, будет я знаю что. Стать предсказуемым означает стать добычей.

А эпитафией, почти молчит дама номер четыре, словно ее поливают кислотой, делаем такое. Вот вечность: дитя расставляет шашки.

А никаких не надо эпитафий, грустит неожиданно господин, потому что в «Моби Дике» их было восемьдесят с лишним.

Нет сомнения, что это продлится бесконечно, думает сонный Алексей Николаевич, вот и хозяин территории начал уже обижаться и всех унылым голосом просить вон, но никто не ушел, поскольку был еще шанс уговорить Наташеньку вычистить все, что липнет к белому телу, прогнуться вдоль стола, а на животик, само собой, блюдо, а на блюде ореховый торт, а чай потому что пора подавать, а он жасминовый или бергамотовый еще никто не знает. Сумерки берут свое. Становятся очевидными простые вещи. В первую очередь очевидны сумерки.

Лица теперь оранжевые. Мы не потеряем связи с истоком, мы не в силах потерять эту связь, кричат с иного конца стола, поднимая бокал одноименной чудесной водки. День рождения воскресает, страша и потрескивая. От смеха изо рта выпадает корейская морковка и льется сок, и по очереди следует рассказывать захлеб анекдоты, и на третьей секунде смеха перехватывать свою очередь, и чем дальше, тем более рискованным да будет их содержание, поскольку выпито хорошо, а люди подразумеваются взрослыми. Вы правы, всем огня.

Что рассказывает Олечка? Олечка припомнила анекдот про ежика и выхухоль.

Что рассказывает Граф? Граф в лицах изображает анекдот про Волобуева, которому несут меч.

Что рассказывает хозяин территории? Очень несолидный анекдот про жену, которая выпала с пятого этажа.

Далее все быстро и громко танцуют, пока есть время. Наташенька разделась не вся. Поет Чиж.

Алексей Николаевич, когда наступает конец, гаснут блики и территорию совсем уже съел туман, ловит себя на ощущении, что вполне согласен, только эпитафией должно быть не это. И даже не эпитафией, а рисунком на обложке. Фразу про вечность, которая есть дитя, расставляющее шашки, надо нарисовать. Далее конец и вступает начало другого сна.

Еще миг спустя он понимает, тут же забыв об этом, что учебник не может выглядеть иначе. И что он сам есть этот мальчик. Сомневаться в этом глупо и нет времени.

Сидит голый мальчик в большом солнечном дворе, в руке толстая линза. Мальчик ловит солнечные лучи в точку и выжигает на доске слово. Рядом гераклитовы шашки.

Хорошо, я это сделаю, говорит Алексей Николаевич вслух. Его никто не слышит.

Он зеваает во весь рот и уходит столь же незаметно, как появился.

Вспоминая Асланби Ахохова...

Одной из самых ярких фигур нашей республики послевоенного периода является Асланби Нахович Ахохов. По своему организаторскому таланту, человечности, широчайшей эрудиции, работоспособности, преданности делу, упорству и настойчивости, ответственности перед людьми его можно по праву поставить рядом с Т. К. Мальбаховым, руководившим нашей многонациональной республикой целых три десятка лет. Тимбора Кубатиевич высоко ценил этого незаурядного человека, вышедшего из бедной крестьянкой семьи и вознесшегося до высших ступеней республиканского руководства.

15 января исполнилось 100 лет со дня рождения верного сына нашей Кабардино-Балкарии А. Н. Ахохова.

Биография Асланби Ахохова обширна, разнообразна, поучительна, она вмещает целую эпоху нашей истории, начиная с предвоенных лет, включая жестокую войну с немецкими захватчиками, послевоенный восстановительный период вплоть до 1980 года, когда в возрасте 69 лет он ушел из жизни.

Мы попытаемся напомнить нашим читателям некоторые наиболее яркие вехи его жизненного пути, не вдаваясь в подробности, ибо капитальный труд о нем составил бы не один вместительный том.

Он родом из Второго Чегема. Асланби было всего 6 лет, когда его отец Нахо Ахохов, комиссар большевистского отряда, был убит белогвардейцами. Хлопоты по воспитанию оставшихся без отца четырех детей в те тревожные и голодные годы легли на плечи его вдовы Гашарины.

Новые власти направили Асланби в 1923 году в школу-интернат города Нальчика.

Затем молодой Ахохов учится в педагогическом техникуме знаменитого в довоенные годы Нальчикского Ленинского учебного городка, который оканчивает отличником.

Смышленного и достаточно грамотного по тому времени Асланби Ахохова после учебы направляют сразу председателем заводского комитета профсоюза Аргуданского клепочного завода.

Здесь уже начинается стремительный рост карьеры молодого и энергичного парня. Не исполнилось года с начала его работы в Аргудане, как республиканское руководство заметило и отозвало Ахохова в столицу республики. Его избирают председателем обкома союза финансовых работников. Но и здесь незаурядный организаторский талант не позволяет ему долго задержаться. И он назначается ответственным инструктором областного исполнительного комитета (позже Совет Министров). Это было в 1932 году.

До самой войны продолжался начавшийся после педучилища стреми-

тельный рост служебной карьеры нашего боевого молодого земляка.

Вот некоторые из ответственных работ, которые он выполняет с 1932 г. до начала Великой Отечественной войны, когда Асланби Ахохова избирали секретарем Нагорного райкома ВЛКСМ. Через год его опять возвращают в Нальчик и назначают ответственным инструктором областного комитета комсомола. Затем А. Н. Ахохов работает секретарем Баксанского райкома ВЛКСМ, занимает там же пост председателя райпотребсоюза, затем такую же должность в Зольском районе.

В феврале 1940 года А. Н. Ахохов был назначен на очень ответственную должность – он стал председателем райплана Зольского района.

Но этот стремительный рост карьеры Асланби Ахохова в предвоенный период проходил не гладко и безоблачно. Его тоже не миновала существовавшая тогда в стране обстановка подозрительности, недоверия даже к таким честным и чистым деятелям, каким был Ахохов. В 1939 году председатель Зольского райпотребсоюза Асланби Ахохов по навету был исключен из комсомола. Но обком комсомола отменил это решение в отношении сына крестьянина-бедняка, который отдал свою жизнь, защищая советскую власть.

Свою глубокую преданность этой власти, советскому народу и любимой Родине Асланби Нахович без колебания доказал собственной кровью, мужеством, воюя с ненавистным врагом в годы Великой Отечественной войны.

Летом 1941 года, когда началась война, Асланби учился в областной партийной школе, которая была закрыта в связи с нападением немцев на СССР. Его назначили заведующим отделом пропаганды райкома ВКП(б) самого крупного в республике Прохладненского района. Это была последняя его должность в предвоенные годы.

С началом формирования знаменитой 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии Асланби Нахович был назначен старшим политруком. И сразу же окунулся в работу по формированию боевых частей дивизии, за что получил первую награду – Почетную грамоту Президиума Верховного Совета КБАССР.

По свидетельству боевых друзей Ахохова, многие из которых после войны стали видными учеными, писателями, государственными деятелями, Асланби проявлял на всех фронтах, где ему пришлось воевать, беспримерное мужество, героизм и отвагу во имя защиты своей любимой Родины и народа от иноземных захватчиков.

Об этом же говорят боевые награды гвардии майора Советской Армии А. Ахохова. Это ордена Красной Звезды, Боевого Красного знамени, Отечественной войны первой и второй степеней. Это боевые медали «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Белграда», «За взятие Праги». А. Ахохов внес свой достойный вклад и в разгром японцев на Дальнем Востоке, за что получил боевую медаль «За победу над Японией».

В ходе военных операций наш знаменитый земляк не раз получал тяжелые ранения. Но всякий раз после выздоровления снова и снова он возвращался на фронт и беспощадно бил ненавистного врага.

Вернувшись домой после двух войн, Асланби Нахович активно вклю-

чился в восстановление разрушенного врагом народного хозяйства республики, возрождение управления жизнью, трудом и учебой своих соотечественников. Для решения всех этих вопросов был истребован огромный организаторский талант Асланби Ахохова, помноженный суровыми годами войны.

14 сентября 1946 года он утверждается председателем исполкома райсовета депутатов трудящихся Советского района. И год спустя его имя вновь зазвучало в республике. За успехи в труде и в ознаменование 30-й годовщины Октябрьской революции Асланби Нахович был награжден в ноябре 1947 года второй Почетной грамотой Президиума Верховного Совета нашей республики.

Ахохов работал по-прежнему, не зная ни сна, ни отдыха, одновременно учился, наверстывал то, что было упущено из-за проклятой войны, много читал, находился в гуще больших дел, которые творились в республике.

В 1948 году Советскому райисполкому, возглавляемому А. Н. Ахоховым, было присуждено переходящее Красное Знамя Совета Министров Кабардинской республики за большие успехи в экономике, а Асланби Наховичу вручена премия.

Тогдашний первый секретарь Кабардинского обкома ВКП (б) Н. Мазин восхищался славными делами Ахохова, его организаторским талантом, и 5 июля 1948 года по его рекомендации обком партии принял постановление об утверждении кандидатуры А. Н. Ахохова на должность первого секретаря Эльбрусского райкома ВКП (б).

Являясь любимцем первого секретаря обкома партии, Асланби Ахохов не проявлял ни капли высокомерия, зазнайства, всегда оставался простым и доступным для любого человека, всего себя отдавал порученному делу, интересам простых людей, из рядов которых сам вышел.

И вступив на ответственную должность руководителя Эльбрусского района, А. Ахохов оставался верен своему принципу отдавать всего себя порученному делу. И вот очередная трудовая победа: «За успешное выполнение плана осенне-зимних лесозаготовок 1948-1949 годов присудить первое место и переходящее Красное Знамя Совета Министров и обкома ВКП (б) Эльбрусскому району».

В ноябре 1948 года район был первым среди победителей занесен в Книгу Почета республики за досрочное выполнение плана подъема яяби. И чтобы сделать эти успехи реальными, А. Ахохову понадобилось менее года после его избрания первым секретарем Эльбрусского района. Этим он еще раз подтвердил создавшееся у республиканского руководства мнение о том, что «где Ахохов, там всегда успех».

Этот практик, организатор, энергичный деятель, который удивлял современников высокими достижениями в любом порученном ему деле, сам чувствовал неудовлетворенность сделанным, и считал, что он мог бы добиться большего, если бы обладал достаточными знаниями. Он решает восполнить этот пробел, оставляет свой высокий пост в Эльбрусском районе и в сентябре 1949 года поступает в Высшую партийную школу при ЦК ВКП (б). И после 20 лет окончания средней школы большой природный талант и удивительное упорство позволили уже немолодому слушателю высшей партшколы Асланби Ахохову стать круглым отличником учебы. «Мы поинтересовались и за-

глянули в зачетную книжку – везде стоит «отлично», – писал автор статьи «Асланби Ахохов», опубликованной в газете «Сталинец» – органе ректората ВПШ.

Окончил ВПШ Асланби Нахович в 1952 году с красным дипломом.

С этого времени и до ухода на пенсию он становится одним из первых руководящих лиц Кабардино-Балкарии. В том же году был утвержден вторым секретарем обкома ВКП (б). Он курировал в основном самую трудную отрасль народного хозяйства – сельскохозяйственное производство. Не зная отдыха, постоянно бывая в колхозах и совхозах республики, Асланби Нахович досконально изучил положение дел в этой отрасли, был знаком лично не только с руководителями районов, колхозов, совхозов, главными специалистами, бригадирами и заведующими фермами, но и знал, как говорится, по имени-отчеству многих передовых механизаторов, дояров, доярок.

Проявляя к подчиненным большую требовательность, Асланби Нахович по-прежнему оставался чрезвычайно скромным, отзывчивым, простым. Он уважал серьезных, деловых, исполнительных, честных людей и выдвигал их на руководящие посты, представлял к наградам и поощрениям. Но он не мог терпеть людей, которые умели много обещать, но мало делали. Он сам, прежде чем идти с докладом в партийный или государственный орган, основательно вникал в суть дела, обдумывал конкретные пути и методы его улучшения, так что оставалось только сформировать постановление по тому или иному важному вопросу. Он не допускал малейшего послабления в деле, несерьезного отношения к своим обязанностям ни со своей стороны, ни со стороны руководителей даже высшего ранга, открыто и остро критиковал их ошибки и промахи.

В январе 1957 года А. Ахохов был назначен председателем Совета Министров Кабардинской АССР. В этом качестве он принимал активное участие в возвращении балкарцев из изгнания по постановлению высших органов государственной и партийной власти страны, которым было восстановлено прежнее название нашей республики – Кабардино-Балкарская Автономная Советская Социалистическая Республика.

О высокой человечности, настоящей заботе о вернувшихся на свою Родину балкарцах, о титанической работе по их размещению на первых порах в кабардинских селах рассказал в прессе очевидец этих событий, позже первый секретарь Чегемского райкома КПСС М. Кабардинов. В большой статье Махты Якубович от имени своего народа выразил глубокую благодарность А. Н. Ахохову за неустанный труд по быстрому восстановлению балкарских сел, обеспечению людей строительными материалами, товарами первой необходимости, продовольствием, а колхозы и совхозы – техникой, автотранспортом и т. д.

Ахохов принял активное участие в подготовке и проведении в 1957 году торжественного праздника, посвященного 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России, открытию в Нальчике по этому случаю памятника «Навеки с Россией».

Он избирался депутатом Верховного Совета СССР четвертого и пятого созывов. В 1957 году за большие заслуги в процветании своей республики А. Н. Ахохов был удостоен высшей награды Советского Союза – ордена Ленина.

Мы знаем, что Т. К. Мальбахов был политическим деятелем такого ранга, которого можно было смело поставить рядом с руководителями партии и правительства всего Советского Союза. Внешне он ценил Асланби Ахохова, но относился к нему ревностно, видя, что тот не уступает ему ни в таланте, ни в организаторских способностях. Приведем всего два примера в подтверждение этого. Когда 13 июля 1968 года на рынке в Нальчике произошел так называемый «базарный бунт», именно благодаря Ахохову удалось усмирить разъяренную толпу. А когда в 1957 году балкарцы были реабилитированы и возвращались на родину почти все репатрианты, они обращались за содействием в обустройстве их быта не к Мальбахову, а именно к Ахохову, видя, как искренне заботится он о них.

Мальбахов не мог простить Ахохову, который «в случае чего» мог занять его место, те его преимущества, о которых мы рассказали. К тому же очень часто Асланби Нахович высказывал на различных форумах, где обсуждались важные вопросы жизни республики, такие разумные предложения, до которых не додумывался сам Тимбора Кубатиевич. По свидетельству очевидцев, именно мысли Ахохова становились основой принимаемых решений.

У такого принципиального человека, как Ахохов, не могло не быть в высшем руководстве и недоброжелателей, завистников. Когда они начали нападать на него с поклепами, недолго думая, Асланби Нахович написал заявление об освобождении его от занимаемой должности «в связи с ухудшением здоровья», в душе надеясь, что его отставку не примет Мальбахов. Но этого не случилось. И 9 июля 1969 года заседание бюро обкома КПСС под председательством Т. К. Мальбахова заслушало вопрос «Об установлении А. Н. Ахохову персональной пенсии союзного (СССР) значения».

После этого до самой кончины в 1980 году Асланби Нахович Ахохов работал председателем Республиканского общества охотников и рыболовов.

В очень сухой характеристике, которую дал Мальбахов Ахохову в 1966 году, когда слава Асланби Наховича стремительно возрастала, чувствуется холодное к нему отношение со стороны первого лица. Вот текст этой характеристики: «Тов. А. Н. Ахохов имеет большой опыт руководящей работы, теоретически подготовлен, обладает организаторскими способностями, в решении вопросов принципиален, хорошо знает экономику республики...» – и так далее, холодно, сухо, никаких эмоций.

Точно таким же сухим, без высоких эпитетов, каких достаивались обычно при уходе из жизни гораздо менее яркие, чем Ахохов, личности, был и некролог, подписанный Мальбаховым и другими руководителями республики и опубликованный 7 марта 1980 года.

Но наши современники высоко чтят память об этом незаурядном человеке. Его именем названа одна из улиц Нальчика, в школах детей воспитывают на его примерах.

В связи со столетием со дня рождения А. Н. Ахохова, мы с гордостью вспоминаем имя этого славного сына земли Чегемской и благодарим род Ахоховых, который подарил нашему народу не только его, но и еще целую плеяду замечательных людей, внесших свой достойный вклад в процветание всей Кабардино-Балкарии.

ПРОМЕТЕЙ В БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКЕ

Кавказ, воспетый гениями русской литературы А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, Л. Н. Толстым, является краем божественной красоты и богатств, где человек всегда жил в ладу с природой.

Как говорил классик теории социальной справедливости, здесь по-особому «...кипел котел чародейки-истории». Иногда это кипение доходило до кровопролитных войн между кавказскими народами и варварскими полчищами.

С этим краем связано множество легенд. В одной из них говорится о титане древнегреческой мифологии Прометее (в нартском эпосе у черкесов он – Сосруко), похитившем с неба у богов огонь и научившем людей им пользоваться.

За это он был жестоко наказан и прикован Зевсом к скале в горах Кавказа.

Здесь же величие и красота природы всегда сочетались с величием духа, чести, доблести и нравственной красотой живущих на Кавказе народов. Потому они по-особому воспринимали дух свободы, наполненный великой любовью к родной земле, к родному очагу, готовностью насмерть стоять против тех, кто покушался на них...

Юрий Хамзатович Калмыков, выдающийся юрист-цивилист, государственный деятель, оставивший ярчайший след в новейшей истории России, принадлежит к одному из этих народов – черкесам (адыгам), имевшим счастье родиться в земном раю, и только потому имевшим неисчислимое множество врагов, не скрывавших своей гнусной цели: «... нам нужна Черкесия, а в самих черкесах никакой нужды не испытываем...».

С этим земным раем связаны такие понятия, как «кавказская война», «кавказское долголетие», «лица кавказской национальности». Если первые два понятия объяснимы, то последнее не поддается ни научному, ни просто человеческому осмыслению. Скорее, оно – явление политическое, запущенное авантюристами и провокаторами в варварское время.

Выросший в этнической среде с огромным нравственным потенциалом, воспитанный на принципах «Адыгэ хабзэ», «Адыгагъэ», «Адыгэ нэмыс», Юрий Хамзатович органически не воспринимал идею национальной исключительности, со всей силой своего могучего дарования боролся всю жизнь против любых проявлений национального чванства и национального эгоизма.

Потому, наверное, Всевышним предназначена была ему роль Прометея в большой политике. Он и стал им, неся людям свет разума и человеческого тепла. Став крупным государственным деятелем, он пытался привнести в большую политику высокую нравственность.

Юрий Хамзатович Калмыков вошел в новейшую историю России и как ученый юрист-цивилист, и как государственный деятель, так стремительно, по восходящей линии, что его можно сравнить с тунгусским метеоритом. Как явления тот и другой по сей день остаются не до конца исследованными.

В первом случае – космическое тело, упавшее на землю в бассейне реки Подкаменная Тунгуска в 1908 году, которое вот уже более ста лет является загадкой с научной точки зрения.

Во втором случае – феномен личности великого гражданина России Юрия Хамзатовича Калмыкова, остающийся загадкой для многих психологов, политиков и политологов с точки зрения духовного, нравственного потенциала человека и гражданина, государственного деятеля и ученого.

До своего поступка, ставшего легендой, он прошел долгий и очень сложный путь. Успешно окончив юридический факультет Ленинградского университета в 1957 году, Юрий Хамзатович работал сначала стажером, затем народным судьей Хабезского района Карачаево-Черкесской автономной области. Молодой специалист с первых же шагов своей трудовой деятельности проявил недюжинные способности, при этом оставаясь самостоятельным и независимым судьей, для которого одинаково были важны и буква закона, и дух закона. Тогда, да и позже, такое поведение не одобрялось сильными мира сего. Во все времена по служебной лестнице быстрее продвигались те, кто умел угождать действующей власти.

Наделенный Всевышним высокими морально-волевыми качествами, Юрий Хамзатович еще в молодом возрасте возненавидел политическую конъюнктуру, видя в ней не только разрушительную силу общечеловеческих норм морали, но и угрозу для самой политической системы. Именно в период рассвета чинопочитания и всеобщего «одобряймс» появился на Кубанском водохранилище печально знаменитый лозунг – «Течет вода Кубань-реки, куда велят большевики!». И сегодня Кубань-река течет по тому же руслу, что и тогда, но не стало большевизма. Вместе с ним под авантюрным предлогом невмешательства государства в рыночную экономику ельцинские псевдодемократы до основания разрушили мощную систему социальной защиты населения. Как тут не скажешь: «Вместе с грязной водой выплеснули и ребенка...».

Есть над чем призадуматься и нынешней власти.

Убедившись в том, что «нет пророка в своем отечестве», Юрий Хамзатович берется за осуществление своей мечты – посвятить себя науке, надеясь на то, что здесь он сможет сказать свое независимое слово.

Годы учебы в аспирантуре Саратовского юридического института (1959-1962 гг.) стали для него годами формирования его как личности, мощным фактором укрепления и развития его гражданских позиций.

В предисловии к книге Юрия Хамзатовича Калмыкова «Избранное: Труды. Статьи. Выступления» один из виднейших юристов-цивилистов России В. Ф. Яковлев пишет: «...Избрав карьеру ученого и педагога, Юрий Хамзатович быстро достиг профессиональных и должностных высот в этой сфере деятельности. Блестяще защищенные кандидатская («Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда имуществу», 1963

г.) и докторская («Правовые вопросы хозрасчета промышленного предприятия», 1971 г.) диссертации сделали его имя безусловным авторитетом в среде ученых-цивилистов.

Блестящая научная карьера сочеталась с безупречной педагогической деятельностью. С первых аспирантских лет Юрий Хамзатович работал на кафедре, прошел все ступени карьеры вузовского преподавателя: был ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, профессором, а в 1968 году, в 34 года, стал заведующим кафедрой гражданского права одного из ведущих центров юридического образования страны – Саратовского юридического института.

Несмотря на молодость, его имя как заведующего цивилистической кафедрой по праву можно поставить в один ряд с именами его коллег того времени: В. П. Грибанова (МГУ), О. С. Иоффе (ЛГУ), О. А. Красавчикова (Свердловский юридический институт), Ю. Г. Басина (Казахский государственный университет), В. А. Ойгензихта (Таджикский государственный университет).

Профессором и заведующим кафедрой в Саратове он бесценно проработал свыше двадцати лет – вплоть до избрания в Верховный Совет СССР. Здесь, в Саратове, он «воспитал не один десяток кандидатов и докторов наук, создал, по существу, свою цивилистическую школу...» (з. Москва, 1998 г., сост. О. М. Козырь, О. Ю. Шиловост).

Поражает не только многогранность таланта нашего великого земляка, но и его трудовая одержимость. Юрий Хамзатович – автор десяти монографий, около двухсот научных работ по праву собственности, субъектам гражданского права, теории гражданских правоотношений, договорным и внедоговорным обязательствам, жилищному, семейному наследственному праву. В 1991 и 1995 годах под его редакцией в Саратове вышел двухтомный учебник по гражданскому праву. В 1989 году талантливому ученому и педагогу избиратели оказывают высокое доверие – его избирают народным депутатом СССР.

Юрий Хамзатович, воодушевленный таким отношением к нему людей, сразу же окунается в законотворческую деятельность.

По мнению того же В. Ф. Яковлева, присущие Юрию Хамзатовичу «...безупречная методология, стройность и логичность правовых конструкций, обоснованная и продуманная аргументация, культура острой научной полемики...» особо проявились, когда он в июне 1989 г. вошел в состав комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка, а в марте 1990 г. возглавил его.

Он активно включается в подготовку законов «О конституционном надзоре в СССР» (1989 г.), «О всенародном голосовании (референдуме) в СССР» (1990 г.) и др.

В то время Президиумом Верховного Совета СССР была создана группа во главе с Юрием Хамзатовичем Калмыковым для подготовки Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик.

Коллеги отмечают, «с какой страстью он отстаивал и разъяснял депутатам закрепленные в Основах правовые конструкции, трудно воспринимаемые людьми, несведущими в праве. Сколько души, неумной твор-

ческой энергии вложил Юрий Хамзатович в этот законодательный акт...».

Но главным итогом всей законотворческой деятельности маститого юриста-цивилиста по праву считается его непосредственное участие в разработке и принятии нового Гражданского кодекса Российской Федерации.

Будучи депутатом Государственной Думы, Юрий Хамзатович «с присущей ему горячностью отстаивал проект во всех депутатских комиссиях, последовательно отстаивая идеи демократии и осознавая необходимость реформирования гражданского законодательства, оказавшегося неспособным на должном уровне регулировать общественные отношения развивающейся рыночной экономики...» (В. Ф. Яковлев. *Предисловие к книге Ю. Х. Калмыкова «Избранное: Труды. Статьи. Выступления.» Москва, 1998 г.*)

Ступени карьерного роста. Для кого-то они очень важны, чуть ли не составляют смысл всей жизни, и для этого он готов на любую жертву...

Но Юрий Хамзатович не принадлежит к такой категории людей. Простое проследивание его трудовой жизни вроде бы говорит об обратном: не может же человек без посторонней помощи так стремительно продвигаться по служебной лестнице! Сначала научная карьера, стремительная и общепризнанная, затем столь же стремительный рост на ниве государственной службы. Невероятно, но факт! Тем более, если учесть, что все это происходило не только без посторонней помощи, но и при сохранении своих жизненных позиций, своего лица как ученого и как человека, неудобного для властей.

Поневоле задаешься вопросом: случайно ли это явление, или благосклонность к нему судьбы? Размышление над этими вопросами приводит к еще более сложному вопросу: можно ли случайно стать министром юстиции такой великой страны, как Российская Федерация?

Знавший близко Юрия Хамзатовича не один десяток лет, смею твердо ответить «нет!».

В конце 90-х годов о нем я много слышал от его родного брата, известного ученого-этнографа Ибрагима Хамзатовича Калмыкова, с которым меня связывали приятельские отношения. В то время я серьезно увлекся историей народов нашей республики. А кто мог стать лучшим «путеводителем» в этом вопросе, как не Ибрагим Хамзатович, кандидат исторических наук, сотрудник научно-исследовательского института Карачаево-Черкесской автономной области.

Не только мне, но и многим молодым активистам общественной организации «Адыгэ Хасэ» помог этот незаурядный ученый лучше понять прошлое и настоящее наших народов, природу особой ментальности каждого из них.

Выдающийся знаток истории народов Кавказа, он предостерег нас от возможных ошибок в оценке тех или иных явлений, особенно в области межнациональных отношений, научил видеть корень этих явлений...

С Юрием Хамзатовичем Калмыковым меня впервые свел мой одноаульчанин, в свое время немало сделавший для воссоздания истории черкесского (адыгского) народа, Мухамед Абубекирович Конов.

Шел 1992 год. После развала Советского Союза прошел парад суверенитетов. Он коснулся и нашей республики. Федеральный закон «О реабилитации репрессированных народов» сыграл, на взгляд тогдашнего председателя Госкомнаца РФ В. А. Тишкова, двойную роль. С одной стороны, он был необходим как акт, осуждающий сталинский деспотизм, возвращающий доброе имя целым народам. С другой стороны, не до конца был продуман механизм его реализации. Именно отсутствие этого механизма и породило множество различных толкований названного закона, особенно в двусубъектных образованиях: Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии.

Чеченцы и ингуши, в конце концов, мудро поступили, став самостоятельными субъектами Российской Федерации. А вот в Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках вопрос о полной реализации закона «О реабилитации репрессированных народов» и по сей день ставится общественными движениями балкарского и карачаевского народов. Здесь нетрудно догадаться, что речь в первую очередь идет о территориальной реабилитации, т. е. о восстановлении своей государственности, которую они имели до депортации.

Так, на последнем съезде Конгресса Карачаевского народа, состоявшемся в начале 2008 г., в числе первоочередных задач, требующих своего решения, был назван и этот вопрос...

Возвращаясь к 1992 году, хочу отметить, что именно сложившаяся общественно-политическая ситуация в КЧР привела нас к Юрию Хамзатовичу Калмыкову, жившему тогда в Москве по Рублевскому шоссе.

Остро стоял вопрос, на каких принципах можно сохранить единую Карачаево-Черкессию. До этого, в начале 1992 года мне пришлось в составе большой делегации (по два представителя от абазин, карачаевцев, ногайцев, русских, черкесов, проживающих в КЧР) участвовать в обсуждении этого вопроса в Москве.

Во время встреч с С. Шахраем, Р. Абдулатиповым, Р. Хасбулатовым, С. Филатовым обнажились наши принципиальные разногласия по условиям совместного проживания. В то же время требование черкесского народа о полной реализации закона «О реабилитации репрессированных народов», в том числе и территориальной реабилитации, никто не мог аргументировано опровергнуть. Наши опасения заключались в том, что, если не будет восстановлена государственность, которую имел карачаевский народ до его депортации, не исключена возможность постоянной спекуляции определенных сил таким положением. Скажем прямо и честно: такие силы имелись и имеются. Это во-первых.

Во-вторых, пережившие в недавнем прошлом геноцид и политические репрессии черкесы, абзины, казачество и другие народы ставились в неравное положение. Более того, их интересы могли стать разменной монетой в реабилитационном деле. Об этом мы всегда говорили открыто и приглашали заинтересованные стороны к конструктивному диалогу. Но наш голос и по сей день остается не услышанным властями.

При встрече с Р. Абдулатиповым случился казус, подтвердивший эти опасения. Один из членов нашей делегации вполне серьезно заявил: «Мы

хотим переименовать г. Черкесск и Карачаево-Черкесскую Республику», на что Абдулатипов ответил: «А вы спросили об этом у черкесов? Может, какой-то авантюрист надумает переименовать и мой Дагестан? Черкесы положили на алтарь Российской государственности слишком многое, чтобы не быть второй раз подвергнутыми геноциду». Ответ в буквальном смысле шокировал инициатора провокационного заявления.

С. А. Филатов – руководитель администрации президента Российской Федерации пообещал все подробно доложить Б. Н. Ельцину.

Вскоре были подготовлены проекты законов «О восстановлении Карачаевской автономной области» и «О восстановлении Черкесской автономной области в составе Российской Федерации», но им не суждено было воплотиться в жизнь.

Причиной тому стало множество факторов, в том числе и использование административного ресурса при проведении 28 марта 1992 года опроса населения республики с формулировкой «Согласны ли Вы при полной реализации Закона «О реабилитации репрессированных народов» сохранить единую Карачаево-Черкесскую ССР в составе Российской Федерации, образованную на принципах равноправия всех народов?».

В ходе подготовки опроса были сняты с постов три руководителя субъектов республики за поддержку части населения, требующей возвращения карачаевскому народу его автономии. Когда власть достигла нужного результата, снятые руководители были восстановлены.

Затем появилось обращение группы от Совета народных депутатов КЧР к президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину с просьбой учесть результаты опроса, который, по существу, не имел никакой правовой основы.

Так что, если и есть чем нам «гордиться» за годы так называемых ельцинских реформ, то это – превращение Карачаево-Черкесии в пробный шар в деле использования административного ресурса. В последующем он еще не раз будет обкатан на нашем республиканском поле.

Обо всем этом прекрасно знал Юрий Хамзатович. Выслушав нас внимательно, он сказал тихим, но твердым голосом: «В этом Борис Николаевич Ельцин не виноват. И вы лучше меня знаете, почему. Но что случилось, то и случилось. Теперь остается один единственный выход – подготовить и подписать соглашение о принципах совместного проживания. Здесь нет мелочей. Механизм реализации этого документа должен быть четко расписан. Я вижу его в паритете и ротации кадров. Иначе не исключены перегибы в экономической, социальной и кадровой политике».

Общественная организация «Адыгэ Хасэ» при полной поддержке черкесского народа требовала и требует сегодня соблюдения этих принципов.

Удивительный парадокс: наши оппоненты называли и называют объединенную Карачаево-Черкессию коммуналкой, нас – паритетчиками, не желают и слышать о равенстве, в то же время не хотят расставаться с «коммуналкой». Вот и гадай, как нам дальше жить вместе. Надеемся, что новое руководство республики окажется более мудрым и найдет выход из тупикового положения.

Юрий Хамзатович очень любил свою большую родину – Россию, никогда не порывал связей с малой родиной, был настоящим патриотом и интернационалистом. И все эти замечательные качества, в отличие от других, он не просто декларировал, но и демонстрировал практически. Будучи первым президентом Международной Черкесской Ассоциации, он приложил огромные усилия, чтобы изменить в лучшую сторону имидж России в глазах наших соотечественников, разбросанных по всему миру в результате колониальной политики царского самодержавия.

Не этим ли объясняется его демонстративный отказ от должности министра юстиции Российской Федерации в знак протеста против войны в Чечне?! На такой поступок способен не каждый. Для этого необходимы вышеперечисленные качества, плюс огромное мужество и высокий нравственный потенциал.

Президент Карачаево-Черкесской Республики Б. С. Эбзеев на вопрос журналиста: «Как Вы думаете, трудно ли далось ему это решение?» – ответил, не задумываясь: «Я полагаю, для него это не составило никакой трудности. Он был готов к нему в любую минуту...»

Нельзя не согласиться с коллегой Юрия Хамзатовича, выдающимся юристом, гордо называющим себя его учеником. Да, поступок поистине пророческий. Он вызвал всеобщее одобрение у многочисленных поклонников Калмыкова не только на Кавказе, но и во всем мире.

Жить и творить во благо людей. Не на этом ли зиждется основа человеческого счастья?

Глубоко верю: Юрий Хамзатович считал себя счастливым человеком, ибо кроме несомненных удач в научной и государственной деятельности он имел великолепную семью. Его авторитет в кругу друзей был неоспорим.

Жена Юрия Хамзатовича – Октябрина Рамазановна – верный друг и соратник своего мужа, сделала все, чтобы творческое наследие великого ученого и государственного деятеля стало достоянием широкой общественности. Все три дочери пошли по стопам отца – стали высокопрофессиональными юристами.

«Повороты судьбы» – так назвал Юрий Хамзатович зигзаги своей яркой жизни, наполненной борьбой за идеалы добра и справедливости.

Первого января 2009 года ему исполнилось 75 лет. Больно говорить о нем в прошедшем времени. Но, как говорят, пути Господни неисповедимы.

Всевышним предназначен был Юрию Хамзатовичу сравнительно короткий срок, но он сравним с целой эпохой. Ее можно смело назвать эпохой Юрия Хамзатовича Калмыкова, научившего нас жить по законам чести, уважать человека и человеческое достоинство.

г. Черкесск, 03.02.2009 г.

Мухамед ХАФИЦЭ,
тхамада ОО «Адыгэ Хасэ» КБР,
вице-президент АМАН

ПРАВДА ВСЕГДА СБЛИЖАЕТ НАРОДЫ

21 мая текущего года исполняется 150 лет со дня окончания Кавказской войны. Император Александр II в рескрипте великому князю Михаилу Николаевичу, наместнику царя на Кавказе, писал, что на его долю «выпал завидный жребий завершить начатое полтора века тому назад дело покорением Западного Кавказа».

КАВКАЗСКАЯ война вписала трагические страницы в историю Российского государства. Это была война колониальная, война захватническая против народов Кавказа. При этом особое геополитическое и военно-стратегическое значение имела адыгская земля. Боясь ответственности за совершенные чудовищные преступления, царская администрация наложила запрет на правдивое освещение хода и особенно последствий этой войны. В советский период продолжалась политика замалчивания правды о геноциде адыгов в 1763-1864 гг., дабы «не повредить» дружбе народов СССР. В результате сложились ошибочные, ставшие стереотипными представления о так называемом «покорении» Кавказа.

Благодаря демократическим преобразованиям в обновленной России, появилась реальная возможность воссоздания правдивой истории Кавказской войны.

Для адыгов она стала национальной катастрофой. Война унесла сотни тысяч жизней, разрушила почти всю материальную и духовную культуру черкесского этноса, затормозила его дальнейшее социально-политическое развитие. Девять десятых из оставшихся в живых адыгов были изгнаны со своей исторической родины. Рассеянные по всему миру, потомки народа-изгнанника живут сегодня в Турции, Сирии, Иордании, США, Израиле, Ираке, Египте, Ливии, Судане, Германии, Франции, Болгарии, ОАЭ, Канаде, Австралии, Голландии, Великобритании и многих других странах.

Разумеется, никто не переносит вину царских сатрапов на современную действительность, никто не предъявляет каких-либо претензий к кому бы то ни было из ныне живущих русских людей. Адыги знают, что простой русский народ был вовлечен в эту долгую столетнюю войну не по своей воле, а потому сегодняшнее поколение не несет ответственности за прошлые злодеяния царизма и его приспешников.

Против адыгов, не имевших ни своей армии, ни артиллерии, воевала хорошо обученная, многократно превосходящая регулярная армия, доходившая в последние годы войны до 250-ти тысяч солдат и офицеров. Со стороны черкесов война носила характер народного ополчения, основанного на партизанских методах.

Завоевание Кабарды и Черкесии сопровождалось широким применением арсеналов колониализма: экономическое принуждение, разжигание межэтнической розни с целью проведения политики «разделяй и властвуй»...

Менялась и тактика – от экспедиций по покорению «непокорных» горцев до тщательно разработанных царским генералитетом военных акций. Так, по плану генерал-лейтенанта А. Вельяминова (1833) предусматривалось строительство многочисленных военных сооружений, укреплений, крепостей на территории Черкесии, отнятие у горцев плоскостей и заселение их казаками, преднамеренное уничтожение среды обитания. Через 30 лет родился еще более чудовищный план генерала Евдокимова, командующего войсками Кубанской области, направленный прежде всего на очищение всей территории Черкесии от адыгов. 24 июня 1861 года российский император Александр II подписал рескрипт «О заселении Северного Кавказа», будто здесь была целина, будто здесь никто не проживал...

В годы Кавказской войны сотни адыгских селений были стерты с лица земли. Успешно применяя тактику выжженной земли, царская армия уничтожала все живое и неживое. Декабрист А. Бестужев с чувством горечи писал о том, что к горцам «не с добром пожаловали: мы жгли их села, истребляли хлеба, сено, и пометали золу за собой». А. Вельяминов, участник одной опустошительной акции, во исполнение им же разработанного плана, позже писал: «Мы шли, за нами возникали пожары... пылали зажженные нами аулы. Страшно было оглянуться назад».

Можно привести множество свидетельств русских авторов, участников войны, раскрывающих жестокость царских войск по отношению к горцам. Так, академик П. Г. Бутыко в книге «Материалы по новой истории Кавказа» (СПб, 1869, ч. II) на основе данных военных архивов описывает многочисленные экспедиции русской армии. Вот некоторые из них:

– в октябре 1787 г. генерал-аншеф Теккели с крупным корпусом войск предпринял экспедицию на левобережье Кубани, в результате чего было разорено и сожжено более 300 неприятельских деревень... Хлеб и сено истреблены, и вся сторона оставлена опустошенной;

– в августе 1788 г. в 20 верстах от Кубани, недалеко от Анапы, в сражении убито до 800 адыгов, в пяти селениях истреблено до 2 тыс. домов с имуществом;

– в первой половине 1790 г. войска генерал-поручика Розена по рекам Псекупсе и Пчас вниз прошли более 50 верст и предали огню все селения адыгов;

– он же с 7 по 9 октября 1790 г. по реке Марта истребил 3 деревни. Силами другого отряда истребил 8 деревень и, следуя вверх по левобережью Кубани к границам темиргоевцев, на пути сжег 28 деревень;

– «триумфальными шествиями по черкесским аулам (1821-1825 гг.)» назвал Ф. Щербина походы генерала Власова, которые приносили обильный «урожай»: десятки сожженных деревень, в т.ч. и мирных, и безвинно убиенных детей, стариков, женщин, мужчин... («История Кубанского казачьего войска», Екатеринбург, 1913);

– в марте-апреле 1861 г. в междуречье Шхагуаше и Ходзь войска генерала Евдокимова истребили 90 адыгских селений («Русский вестник», 1889, № 7);

– жесточайшим актом вандализма были «упражнения» генерала Засса, командующего Кубанской линией, который коллекционировал черкесские голо-

вы, а затем отправлял их в другие страны для медицинских экспериментов. Для устрашения горцев он насаживал головы убитых на колья и ставил их вдоль дороги в селениях...

Узнав об этом, не можешь не содрогнуться, если в твоей груди бьется человеческое сердце! Не может не удивлять, что и по сей день одна из крупных станиц Кубани носит имя этого изувера.

Таковы были «экспедиции» царских войск в течение всего периода войны: из месяца в месяц, из года в год осуществлялось целенаправленное истребление населения Кабарды и Черкесии, уничтожение и грабеж накопленного богатства. Особой жестокостью отличались походы царских войск в начале 60-х годов XIX века, когда шаг за шагом оттесняли адыгов к черноморскому побережью для последующего их выселения в Османскую империю.

По неполным данным, в годы Кавказской войны было сожжено более тысячи поселений – адыгских Хатыней, но, в отличие от нее, мало кому известных, ушедших в небытие... Генерал Николай Раевский, начальник Черноморской береговой линии, русский патриот, будучи свидетелем этих чудовищных преступлений, писал: «Наши действия на Кавказе напоминают бедствия первоначального завоевания Америки испанцами... Дай бог, чтобы завоевание Кавказа не оставило в русской истории кровавого следа, подобно тому, какой оставили эти завоевания в истории испанской».

Даже простое перечисление актов завоевателей царской армии заняло бы множество страниц. Но и приведенных фактов достаточно, чтобы сказать: царизм совершил по отношению к адыгам беспрецедентный акт геноцида только за то, что они защищали свободу и независимость родной земли. По утверждению великодержавного историка Р. Фадеева, «земля закубанцев нужна была государству, в них же самих не было никакой надобности».

В истории человечества было свыше 15-ти захватнических войн. Однако никогда, ни за какие провинности и проступки, ни над одним народом не учиняли подобную расправу, какую совершили над черкесским народом. Царизм не ограничился физическим истреблением значительной части адыгов – было депортировано их абсолютное большинство за пределы исторической родины.

До сего времени существует много версий, оправдывающих этот вандалистский акт. Но истина одна: если бы не война, развязанная царским самодержавием против Черкесии, если бы не политика ее «очищения» от адыгов, никогда бы ни один горец, беззаветно любящий свою родину и героически сражавшийся за ее свободу 100 лет, с песней-плачем на устах не покинул бы свой благодатный край, оставляя при этом все – имущество, хлеб, скот, могилы своих предков, родные нивы, сады, реки, горы, леса...

Известный русский историк А. Берже в статье «Выселение горцев» писал: «Русские войска сжигали поселения, а жителей теснили к берегу, где их силой сажали на баржи для отправки в Турцию». По многочисленным данным, более 50 процентов изгнанников погибли в пути от голода, холода, болезней. Газета «Всемирный путешественник» в 1871 г. писала: «Через год две трети из них умерли... Из 22000 эмигрантов, поселившихся около Батума, осталось всего 7000; из 30000 человек, поселившихся около Самсуна, осталось только 1800, т.е. люди умирали тысячами». Один из пропагандистов колонизаторской политики царизма на Кавказе И. Дроздов писал, что «такое бедствие и в таких размерах редко постигало человеческое общество».

Дальнейшая судьба насильственно изгнанных адыгов полна трагизма: они испили до дна полную чашу гонимых, униженных, отверженных.

Депортация разных народов и слоев общества имела место во внутриполитической истории царизма и советского государства. Однако депортация черкесов – уникальное явление, ибо практически целый народ, ни в чем не повинный, был депортирован за пределы исторической родины и стал народом-изгнанником со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Были истреблены целые этнические группы адыгов: адамеевцы, махашевцы, жанеевцы, хегаки, убыхи... Остатки адыгов на территории бывшей Черкесии (примерно 33 тыс. чел.) переселены в прикубанские плавни и расселены по типу резерваций с системой военно-колониального управления. Невыносимые условия жизни (постоянное сокращение и без того скудных наделов земли, лишение права свободного перемещения, система круговой поруки, когда за проступки одного лица отвечал весь аул), вынуждали адыгов даже через 30–40 лет после окончания войны переселяться в Турцию. Об обратном возвращении не могло быть и речи.

Итак, прошло 150 лет со дня окончания самой длинной и самой жестокой войны в истории человеческого общества, многие страницы которой еще не написаны, следовательно, неизвестны странам и народам. С тех пор многое изменилось в мире, в судьбах народов России, в том числе и адыгов. Но историческая память о минувших трагических днях по-прежнему жива, рана, нанесенная войной, еще не зажила, ибо ее последствия по настоящее время испытывают современные кабардинцы, адыгейцы, черкесы, шапсуги. Над ними как дамоклов меч висит непреходящее чувство моральной ущемленности, исторической несправедливости и обиды, так как продолжается политика замалчивания суровой правды о Кавказской войне, о трагедии, постигшей адыгский этнос в 1763–1864 гг.

В оценке военных действий того времени сталкивается историческая память разных народов, отсюда неодинаковая интерпретация событий и фактов прошлого. Поэтому сблизить историческую память, примирить и сдружить народы можно только на основе правды, пусть горькой, но правды, ибо правда всегда сближает народы, а ложь – разъединяет.

Разумеется, никто не может повернуть колесо истории вспять, вернуть прошлое. Но если бы Российская Федерация, учитывая исторические уроки, по возможности устраняла наслоения прошлого, то эффективнее решались бы проблемы межнациональных отношений. Настоящей памятью погибшим в Кавказской войне (адыгам, русским, в том числе и казакам), стоявшим по разные стороны баррикад, будет во всеуслышанье сказанная правда об этой войне, признание геноцида адыгов. Такой шаг был бы расценен как исторически справедливый акт, как акт межнационального примирения и согласия всеми, для кого дороги единство и неделимость Российской державы, межнациональный мир на Северном Кавказе.

Международная Черкесская Ассоциация (МЧА), общественные организации «Адыгэ Хасэ» в нашей стране и за ее пределами надеются на мудрые, политически взвешенные шаги со стороны Президента, Правительства, Федерального Собрания Российской Федерации по отношению к многострадальному адыгскому (черкесскому) народу.

*Михаил ГЕРАНДОКОВ,
академик АМАН
Руслан ГЕРАНДОКОВ*

Национальный язык: проблемы ассимиляции и исчезновения

Рассматривая национальный язык как выражение сущности нации через словесно-образную понятийную форму, необходимо четко определить взаимосвязь языка с национальной культурой в целом.

Несомненно, язык – составляющее культуры. В теоретическом плане его можно выделить как нечто отдельное, являющееся объектом научного исследования. Однако в реальной действительности его практически невозможно отделить от национальной культуры, считая вполне самостоятельным и независимым в смысле самодостаточности. Конечно, любая составляющая национальной культуры в исследовании может рассматриваться отдельно. Однако без связи с общим нельзя понять специфики отдельного. И обладая относительной самостоятельностью, язык не может существовать вне общего – национальной культуры.

Поэтому и проблемы, связанные с возможностью исчезновения национального языка (особенно малых народов), не существуют вне контекста национальной культуры. Примитивными были бы представления о том, что язык может исчезнуть, а национальная культура остаться. И о том, что национальная культура может исчезнуть, а национальный язык в некоем новом видоизмененном варианте останется.

Национальная культура – система взаимосвязи всех ее составляющих: от духовной основы религии до всех компонентов художественной культуры. При этом и духовная основа, и все части художественной культуры существуют в рамках определенного языкового пространства. Только через словесно-понятийный аппарат становится возможным понять национальную культуру как таковую. Исключение составляют некоторые виды искусства, существующие в силу своей специфики вне национального языкового пространства. Это хореография и частично музыка (в тех жанрах, где нет словесного выражения). Что же касается оперы и хоровой музыки, то они недоступны для понимания вне языка. Но и у этих видов искусства (хореографии и музыки) есть свой язык (жестов и мимики либо музыкальных образов).

В системе национальной культуры язык – связующее звено между классической, составляющей основу духовного наследия, и народной культурой (фольклором), между субъектом культурного творчества и субъектом культурного восприятия. Это компонент, способствующий тиражированию, восприятию, потреблению объектов культурного творчества. Это и средство понимания, открывающего путь к познанию национальной культуры. И в то же время – код общения в рамках этой культуры.

Несомненно и то, что вне национального языка невозможно само существование нации, поскольку самосознание нации осуществляется через национальный язык. И национальный характер, его специфику, отличительные

от других и присущие только ему черты, невозможно обозначить, не прибегая к всеобщему национальному коду общения – языку.

Сохранение самобытия культуры в различных исторических условиях неотъемлемо от сохранения национального языка. Собственное бытие национальной культуры в различных исторических условиях – это и самостоятельное бытие языка, который сохраняется вопреки всем негативным воздействиям, характерным фактически для всех исторических условий. Влияние различных факторов в процессе движения исторического времени не только не разрушило национальные языки даже малых народов, включая и народы Северного Кавказа, но сделало их жизнестойкими, способными к адаптации в меняющихся исторических условиях.

Однако самостоятельность национального языка ограничена прежде всего системой воздействия на него инонациональных культур, которые в свою очередь располагают собственными языковыми средствами выражения. Какое влияние в этой системе воздействия может быть определяющим? Вероятно, влияние языка, признанного как средство межнационального общения. Для России это русский язык. Но в масштабах международного экономического развития это язык, вне которого экономическое общение затрудняется. Учитывая значение американской экономики и ее валюты в межнациональных контактах, плюс политическое давление, которое оказывает США либо через экономическую помощь, либо путем экономической блокады и т. п., следует признать доминирующее влияние английского языка как средства международного экономического общения.

Давление инонациональных языков на национальные языки народов Северного Кавказа не является какой-то спланированной стратегией. Это естественный процесс, поскольку как в международном, так и межнациональном общении необходимостью является знание как русского, так и английского языков.

В новых исторических условиях многое зависит от самих национальных языков. Сумеют ли они сохранить своеобразие, окажутся ли жизнестойкими или неспособными к самостоятельному существованию.

В этой связи уместно обратиться к проблематике ассимиляции и исчезновения языка. Ассимиляцию мы определяем как существование в пределах инонационального языкового пространства, а также пространства массовой культуры, стирающей национальные различия за счет единой упрощенной модели, лишённой национального своеобразия. При ассимиляции язык сохраняет свое существование, но видоизменяется, деформируется под влиянием различных факторов. Поэтому его относительная самостоятельность, самобытие как собственное существование ограничены факторами воздействия.

Исчезновение – полное растворение национального языка в инонациональном языковом пространстве. В этом случае нет собственного существования и относительной самостоятельности.

Ассимиляция в наши дни – реальность существования всех национальных языков, включая и русский язык. Развитие капитализма в России привело к активному вторжению английского языка как средства международного экономического общения во все национальные языки. В свое время русский

классик иронизировал по поводу смешения французского языка с нижегородским. Знание французского языка было обязательно для дворянина. А другие социальные слои, да и некоторые представители дворянства, придерживаясь общепринятой моды, сохраняли в своем лексиконе лишь отдельные французские слова. И гордились этим псевдознанием, наивно полагая, что они и в самом деле знают этот язык. И сочетание русской речи с инонациональными вкраплениями и явилось в итоге смешением французского с нижегородским.

В наши дни происходит то же самое. В угоду бизнес-моде русский язык, как и все национальные языки, обильно оснащаются шопами, картингами, эксклюзивами, брендами и т. п. В итоге не знают ни своего национального языка, ни английского. Отдельные иностранные слова не восполняют фактического незнания английского. Получается смешение английского с нижегородским.

Любой национальный язык трансформирован и за счет искусственных языков. Научная терминология, проникая в языковое пространство, вытесняет терминологию национального языка.

Общепринятой стала и терминология так называемого «чиновничьего» языка, циркуляров, отчетов, докладов и т. п. Громоздкий, мало понятный непосвященным чиновничий язык укрепляет свое положение уже не только в официальной документации органов власти, включая и местную, и федеральную, но и на каналах ТВ, в журналистской практике. Неслучайна популярность, к примеру, такого термина, как «формат», к которому прибегают практически все средства массовой информации.

У значительной части молодежи свой язык. Национальный язык, как и любой другой, для них примитивен, логически зачастую не связанный. И понятен, главным образом, только им. Во всяком случае только они улавливают в этом какой-то смысл. Правила культурного общения и воспитания для них не существуют, поскольку основное – требование моды, тот сленг, на котором в настоящее время говорят. Учитывая, что подростки и часть молодежи не имеют собственного мнения, закомплексованы модой, можно признать, что национальный язык для них нечто непознанное, по их мнению, устаревшее, как язык предков. Они убеждены, что следуют не примитивной моде, а новому течению времени, когда и говорят и думают иначе, чем в XIX или XX веках.

Самые уродливые и никак не соприкасающиеся с культурой человеческого общения и человеческих взаимоотношений сленги насаждают средства массовой информации с помощью рекламы. Может показаться, что это просто отдельные, как это принято говорить, «крутые» словечки – просто реклама отдельных товаров. Но собранные воедино, они представляют собой законченную программу воспитания античеловека – эдакого недавно спустившегося с дерева, но уже говорящего примата. Вот некоторые экземпляры этой «программы». «Не тормози – сникерсни», «скачай песни любимой группы», «оторвись по полной, оттянись со вкусом», «живи по своим правилам», «шок – это по-нашему», «окажда все – имидж ничто», «кто ты – жажда подсажает», «бутылка разливного выходит на бульвар, и может очень скоро здесь будет город-бар», «бар везде, где ты». Разговаривающий на таком сленге подросток, которого призывают развлекаться, играть на деньги в многочисленных

телевизионных шоу, не приученный к труду, падкий зачастую на наркотики и алкоголь, вряд ли способен стать полноценным членом общества.

На ассимиляцию национального языка воздействует и процесс, который объективно является необходимым и неизбежным. Это проникновение в национальный язык и закрепление в нем слов, свойственных инациональным языкам. Республики Северного Кавказа многонациональны и соседство с другими народами невозможно вне языкового общения. Уже с детства дети привыкают к различным инациональным наречиям и, общаясь со сверстниками, говорящими на другом национальном языке, прибегают к их языковым средствам общения, заимствуя многие слова. А потому каждый национальный язык народов Северного Кавказа содержит элементы как русского языка, отдельные английские выражения, так и элементы национальных языков народов, проживающих на территории республики.

Серьезной проблемой ассимиляции национального языка является массовая культура. В советский период обычно критиковали буржуазную массовую культуру и в научных трудах, и в практике идеологической работы. Однако массовая культура не является чисто американским изобретением или моделью только западного образца. Она существовала и существует и в восточных культурах (к примеру, столь любимое когда-то многими россиянами индийское кино). Существовала она и в пределах советского пространства. Однако отечественная массовая культура 30-х, 40-х и 50-х годов и более позднего времени (вплоть до обретения самостоятельности и независимости бывшими советскими республиками) отличалась от буржуазной массовой культуры в своих лучших образцах тем, что являлась отражением не просто господствующей идеологии, но была близка и понятна народу, воплощала идеалы, разделяемые им, его оптимизм, веру в будущее. К тому же была нравственна, отличалась чистотой и неприкосновенностью человеческого общения. В лучших комедиях, например, Г. Александрова, И. Пыррева, герои – воплощение своего времени и нравственности советского человека.

Следует учитывать и тот очевидный факт, что массовая культура, по сути, безнациональна. Национальное в ней - некий антураж, способствующий восприятию массовой аудитории. Однако суть проблем и их решение настолько близки неким массовым стандартам, что не нуждаются в национальной окраске.

Массовая культура как бы убеждает, что подобное может случиться с любым и в любой стране. Причем вне поля зрения остается то обстоятельство, что и проблемы связаны именно с национальной почвой и национальными особенностями, от которых зависит и их решение. Поэтому в разных странах это решение может быть различным. Опасность в том, что некие единые стандарты массовой культуры, скоренной по западным лекалам, воздействуют на молодежь, отчуждая ее как от национальной культуры, так и от национального языка. Принимая во внимание гипнотическое воздействие моды, являющейся идеалом молодежи, можно предположить, что тиражирование американской массовой культуры, ее агрессивное внедрение в инациональные культуры, по сути, превращение ее в некую интернациональную моду, порождает зависимость от массовой культуры, исключая самостоятельность мышления.

Массовая культура безнациональна. Даже в том случае, если национальное начало в ней присутствует, национальный колорит, отдельные черты национального характера – чисто внешнее, поверхностный подход, не имеющий отношения к основам национальной культуры. Да и национальный язык в массовой культуре фактически отсутствует, будучи ассимилирован модными словесными штампами, сленгами, инонациональными языковыми наслоениями.

Проблема исчезновения национального языка в современных исторических условиях актуальна. И к прежним проблемам (полному поглощению национального языка инонациональным вторжением, отсутствию преемственной связи передачи национального языка от поколения к поколению и т. п.) необходимо присовокупить новую проблему – исчезновение национального языка одновременно с истреблением малых народов.

В ходе грузинской агрессии в Южной Осетии мифологическая целостность Грузии («непризнанные республики» Южная Осетия и Абхазия, многие годы существовали как самостоятельные государства) обернулась варварским геноцидом. Уничтожалось всё: поголовно жители Южной Осетии (от детей до стариков), вся инфраструктура. Цинизм фашиствующего режима Саакашвили в самом названии операции по уничтожению осетин и абхазов (планы повсеместной «зачистки» республики Абхазии удалось предотвратить): «Чистое поле». Иными словами, полное уничтожение двух народов с подачи Америки при молчаливом согласии Европы, заметившей начавшуюся войну лишь с момента появления российских танков и армии, защитивших как Южную Осетию и Абхазию, так и собственных миротворцев и собственных граждан (поскольку у большинства осетин и абхазов российские паспорта). «Чистое поле», выжженную землю с полным отсутствием уничтоженных народов Южной Осетии и Абхазии предполагалось заселить грузинами и на базе такой «территориальной целостности» вступить в НАТО.

В ходе этой агрессии обозначилась новая проблема – уничтожение национальной культуры и национального языка вместе с малыми народами. Установками «град», танками и артиллерией разрушались многовековые памятники культуры, храмы. И поскольку уничтожалось всё, геноциду подверглись и национальная культура, и национальный язык, и культурное наследие. Ставка на отсутствие преемственности передачи культурных ценностей от поколения к поколению, на уничтожение субъекта культурного творчества и культурного восприятия, на уничтожение исторической памяти, обычаев, традиций в считанные часы могла обернуться одновременным уничтожением двух народов, их национальных культур и национальных языков.

Подводя итог, можно констатировать, что проблемы ассимиляции и исчезновения национального языка связаны как с прямым уничтожением народа, его национальной культуры и национального языка, так и с воздействием инонациональных языков, искусственных языков и агрессивным подавлением национального – как такового вообще – массовой культурой. При этом, как отмечалось, подавление может быть основано и на поверхностном, чисто антуражном использовании отдельных элементов национальной культуры, национального характера.

Главная задача, поставленная на повестку дня современными истори-

ческими условиями, – как противостоять ассимиляции и исчезновению. Для этого необходимо сохранить прежде всего ту жизнестойкость, которая помогала выживанию национального языка в любых исторических условиях, причем самых неблагоприятных. Сошлемся в этой связи на те национальные трагедии, которые переживали народы Южной Осетии и Абхазии на протяжении всего 20-го столетия, поистине выстрадавшие свою независимость. Сколько раз пыталась Грузия уничтожить эти народы? Да и в составе СССР, будучи одной из союзных республик, Грузия в соответствии с планами Сталина активно включилась в процесс ассимиляции этих народов. Во-первых, вопреки их волеизъявлению (да и какое волеизъявление могло быть в те годы, кроме волеизъявления вождя), Абхазия и Южная Осетия были присоединены к ГССР. После чего процесс ассимиляции шел как по линии заселения территории автономий грузинами, так и по линии, напрямую связанной с национальной культурой, отсутствием школ, где изучали национальный язык. Во-вторых, невозможно была передать национальный культурный опыт последующим поколениям. Но и в этих условиях, и в условиях тяжелейших для малых народов войн с Грузией, уже в 90-е годы эти народы сохранили и национальный язык, и национальную культуру. И разве не показательно то, что самый знаменитый осетин в мире – маэстро Гергиев – по приезду в разрушенную столицу Южной Осетии, где был, возможно, самый важный концерт в его жизни, концерт перед чудом выжившими соотечественниками, заговорил с ними на родном национальном языке.

Проблемы сохранения национальной культуры и национального языка в современных исторических условиях актуальны для всех малых народов. На протяжении многовековой истории человечества были народы, чьи национальные языки ныне утрачены, прекратили свое существование вместе с исчезнувшими национальными образованиями. Очень часто эти процессы были связаны с многочисленными войнами, покорением малых народов, геноцидом, от которого не застрахованы малые народы ни в прошлом, ни в настоящем.

Борьба с национальными меньшинствами внутри различных государств – это прежде всего борьба с национальным языком как средством передачи культурного опыта, создания потребления национальных культурных ценностей и средством сплочения нации вокруг своего национального и культурного, духовного наследия.

Сохранение в национальной памяти попрапия национального достоинства через ущемление в правах собственного языка чревато необратимыми последствиями. Акцентация прошлых обид и унижений приводит к неадекватности современным историческим реалиям. В исторической памяти народа современные исторические условия как бы отходят на второй план.

При всем калейдоскопе меняющихся событий историческая память во многом остается консервативной, не успевает за движением исторического времени. Примеры тому – Украина, Прибалтийские страны, Грузия, которые благодаря ловким политикам и системе оболванивания общественного сознания с помощью дезинформации, откровенной агрессивной лжи создают неадекватный образ современной России как некоего потенциального агрессора, которому не следует доверять, который думает только о том, как

бы задушить молодые «демократии», из-под овечьей шкуры которых видны острые зубы современного фашизма. Мы обращали внимание на очевидный факт, что фашизм – крайнее проявление национализма, когда нация в своем национальном самосознании теряет связь с современными историческими условиями, живет в мифической атмосфере собственной непогрешимости, национального превосходства над другими.

Казалось бы республики Северного Кавказа в современных исторических условиях находятся в более благоприятных условиях, нежели русскоязычное население некоторых стран постсоветского пространства. У них собственные национальные образования, национальный язык можно изучать, можно свободно общаться на нем при сохранении равноправия других языков. Нельзя забывать о том, что небольшие территории республик Северного Кавказа многонациональны. В одной только Кабардино-Балкарии проживает более ста национальностей. Но и в этих благоприятных условиях проблемы ассимиляции и исчезновения национального языка актуальны в силу всех перечисленных выше факторов, на которые было обращено внимание в публикации.

Перманентная демократическая революция американского образца чревата для человечества многими бедами, не исключая Третьей Мировой войны. Поэтому и исчезновение малых народов вместе со своей национальной культурой и национальным языком – не только гипотеза, но и вполне возможная реальность. Показательно, что во всех резолюциях НАТО, ЕС и т. п. упоминается территория Грузии, на неизбежности которой они так настаивают, как будто это их собственная территория (Германии, Франции, ЕС). При этом ни слова о том, что на части этой «территории» де-факто уже годы существовали независимые, не признанные до кровавой грузинской агрессии государства – Южная Осетия и Абхазия.

При этом все, кто в своих далеко идущих планах делит Северный Кавказ, оставляя пустое место на карте вместо нынешних республик Северного Кавказа, дискредитировали свои мнимые ценности и свою демократию, которая понимается не как волеизъявление народов, а нечто удобное для себя лично – США, Европы, НАТО. Демократия, оправдывающая агрессию и геноцид, ценность территории как просто географического пространства без населяющих ее народов, которых эти «ценности» лишают права на жизнь, – это фарс, обездушенная жестокость, при которой гуманитарные проблемы превращаются в пустую болтовню.

Поэтому одним из важных направлений борьбы за сохранение национального языка и национальной культуры для народов Северного Кавказа должна стать пропагандистская работа по развенчиванию американских и европейских псевдодемократических ценностей. Американизация представляет угрозу не только как проникновение определенного запаса английских слов и экономической терминологии, но прежде всего как чуждого традициям народов Северного Кавказа образа жизни, попирающего нравственные ценности, пропагандирующего жестокость, секс, наркотики и алкоголизм как атрибуты молодежной поп-культуры. Возникает вопрос, не является ли это возвратом к идеологической борьбе советского периода? Изменились исторические условия, течение исторического времени необратимо. Но, с другой

стороны, новые исторические условия требуют именно идеологической пропагандистской работы по очищению от американизации, активного наступления с помощью массовой культуры, обольщения богатством и чрезмерным потреблением, которые, по-видимому, судя по продукции американской массовой культуры, и являются основополагающими буржуазными ценностями, наряду, конечно, с частной собственностью.

Если мы хотим уберечь молодежь от слепого подражания всему западному как якобы лучшему, необходимо противопоставить псевдоценностям наши ценности и то лучшее, что было присуще советскому человеку – гуманизм, интернационализм, стремление к миру и дружбе с другими народами, и то лучшее, что сформировалось веками и вошло в наследие национальных культур народов Северного Кавказа. И прежде всего национальный язык, на котором говорили наши предки, на котором создавали ценности национальной культуры. Почему работа по развенчанию буржуазных ценностей актуальна? Прежде всего потому, что если прежде, благодаря цензуре, наиболее грязное и развращающее вырезали из зарубежных фильмов, идущих на советских экранах, ныне вся палитра человеческой деградации, извращений, садизма, насилия, попрания человеческого достоинства захлестнула и кино- и телеэкраны.

Подражая американской, отечественная массовая культура во многих своих вариантах, особенно криминальных, милицейских сериалах, стремится даже превзойти западные аналоги по насилию и жестокости. И если в крупных, да уже и в малых российских городах проявляется серьезная озабоченность в связи с ростом преступности среди несовершеннолетних, то немалая заслуга в криминализации молодежи принадлежит современной массовой культуре – как западной, так и отечественной. Американский образ жизни как пример для подражания активно внедряется и через СМИ, и через Интернет, и через моду.

Пропаганда национальных ценностей как часть идеологической работы, направленной против американизации, должна затронуть и столь существенного для молодежи кумира, как моду. Народам Северного Кавказа необходимо объединить усилия и финансовые, и художественного дизайнера, чтобы разработать собственные модели одежды для молодежи, основанные на эстетических критериях и традиционных элементах фольклора. Использовать элементы народного костюма в современной одежде. Одновременно СМИ должны включиться в разъяснительную работу по поводу неприемлемости многого в современной моде для молодой горянки. Стиль женственности и очарования, присущий девушке, должен возобладать над откровенной вызывающей сексуальностью, внесенной в нашу действительность набирающей обороты американизацией. Надо объяснить горянке, одетой вызывающе, что кричащая обнаженность не только не способствует привлекательности женщины, но и порождает сомнения в ее нравственности.

Казалось бы, какое отношение имеет мода к национальному языку? На деле – самое непосредственное. Одежда – это и стиль поведения. Стиль как вызов общественному мнению – это и «крутые» словечки, тяга к экстремальному, и использование языка, свойственного американскому образу жизни. Неслучайно надписи и рисунки на стенах, которые в подражании зарубеж-

ным сверстникам оставляют на всеобщее обозрение наши подростки, – исключительно на английском языке. Это не значит, что они знают английский язык, но уже, как умеют, приобщаются именно к нему, а не к родному языку. Конечно, было бы наивным всю молодежь зачислять в сторонники американского образа жизни, особенно на Северном Кавказе, где сохранились народные традиции и обычаи. Но даже если какая-то часть молодежи испытывает тягу к чуждому нам образу жизни, это уже тревожный симптом.

Сохранение национальных языков для народов Северного Кавказа – это сохранение своей национальной культуры, того своеобразия, которое понятно прежде всего тому, кто владеет национальным языком. Неслучайно многое в национальной культуре, в ее литературе, поэзии, например, непереваемо дословно на другой язык. Конечно, перевод дает общее представление о содержании того или иного произведения. Но многие нюансы литературных, поэтических образов понятны лишь на национальном языке.

Сохранить национальный язык и культуру сложно не только в неблагоприятных исторических условиях, но и при относительной стабильности социальной, экономической жизни. Прежде всего потому, что в силу различных причин за пределами автономий Северного Кавказа оказались многочисленные диаспоры.

В отличие от автономий Северного Кавказа они испытывают мощное давление инонациональной культуры и языка, который по сути является господствующим на территории их проживания. Без знания его невозможны карьера, социальный статус, получение образования. При естественном процессе постепенного исчезновения старшего поколения прерывается преемственность передачи опыта, ибо для последующего поколения, воспитанного в другой стране, уже инонациональный язык и культура постепенно вытеснили национальный язык. Они уже не знают многого. Преемственность в случае ее сохранения ограничена сужением опыта общения с национальной культурой. Молодежь в итоге может вообще оказаться вне рамок собственно национального наследия.

Вне языка культура становится непонятной, не контактирует с теми, к кому она обращена. Следовательно, сохранение и языка, и культуры – первооснова сохранения нации, способная уберечь ее от растворения в инонациональных структурах.

Учитывая повсеместную (существующую во всех регионах) культурную деградацию, культурную безграмотность, анонимность национальной культуры для значительной части массовой аудитории, необходима долгосрочная стратегия культурного просвещения. В эту работу должны быть вовлечены все: от органов власти до каждого человека.

Надо четко уяснить: если мы хотим сохранить нацию, надо сохранить прежде всего национальный язык. Их ассимиляция и исчезновение будут означать ассимиляцию и исчезновение нации как таковой.

Пишкан ТАОВ,
*председатель общественной
палаты КБР,
заслуженный деятель науки РФ,
академик РАН*

ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Повышенный интерес к историческому прошлому характерен для мира в последние десятилетия. Люди понимают необходимость сохранения памятников истории и нематериального культурного наследия

каждого народа, живущего на нашей планете.

Самой главной и привлекательной особенностью национальной культуры является ее самобытность, которая обогащается с общим расцветом нации. Недаром национальную культуру называют душой народа. Развивая особенности своей культуры, нация избегает подражания и копирования, создает свои формы организации культурной жизни.

Перемены, обусловленные информационной революцией и процессами глобализации, изменяют на наших глазах содержание и формы передачи культурных ценностей, культурной памяти, актуализируя проблему сохранения духовного наследия всех народов и этносов как их важнейшего вклада в развитие человечества. Угроза полного исчезновения многих важных для самоидентификации человека форм культуры потребовала обсуждения этой проблемы на крупных международных форумах и выработки ряда документов, где определяется ценность не только материального, культурного и природного наследия, но и провозглашается создание институционального признания «устного и нематериального наследия человечества». Термин этот принадлежит ЮНЕСКО и, согласно ее Конвенции от 2003 года по охране нематериального культурного наследия, трактуется как особо ценные явления духовной культуры народов в форме национальных языков, фольклора, искусства, научных знаний, навыков, связанных с традиционными художественными промыслами и ремеслами, а также обычаев и традиций различных этносов.

Если сформулировать кратко – нематериальное культурное наследие представляет собой совокупность основанных на традиции форм культурной деятельности человеческого сообщества, формирующих у его членов чувство самобытности и преемственности.

Свое будущее каждый народ связывает с национальной культурой, являющейся его гарантом жизни и интеграции в мировую культуру. Как показывает опыт практического воссоздания и сохранения нематериального культурного наследия, в новых, кардинально изменившихся условиях оно не утрачивает способности активно воздействовать и влиять на все сферы общественной жизни, решать самые насущные проблемы современности.

Россия с ее огромным пространством и самобытной древней историей многочисленных народов обладает колоссальным потенциалом природного и культурного наследия как материального, так и тесно связанного с ним духовного. На ее территории проживает более 150 этносов, принадлежащих к языковым группам различных национальностей, религиозных конфессий, имеющих свой особый уклад жизнедеятельности. Для нашего государства, в котором утверждается принцип толерантности, национального взаимоуважения и согласия между нациями и народностями, традиционная культура во всем ее многообразии и богатстве играет ключевую объединяющую роль. Забвение народных традиций грозит распадом этнокультурных связей, образованием чуждых природе этносов аномалий в жизни общества. Все это позволяет рассматривать вопрос о сохранении наследия российской культуры в качестве одного из важнейших условий гармоничного развития общества и всех его систем.

В последние годы проблема сохранения культурного наследия в нашей стране озвучивается и с самой высокой трибуны – президентской. В «Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов РФ на 2009-2015 годы» отмечается, что традиционная народная культура является глубинной основой всего многообразия направлений, видов и форм культуры современного общества России. В качестве основной цели определено предотвращение утраты нематериального культурного наследия народов РФ, а также его развитие и распространение.

Ведь в русле народной культуры складываются представления человека о мире, система образов и языка, верования, знания и умения, обычаи, формы трудовой и празднично-обрядовой жизни, система фольклора. И в наш век глобализации очень важно сохранить нематериальное культурное наследие каждого народа, чтобы избежать межэтнических столкновений. Народная культура является и действенным средством формирования патриотических, гражданских качеств личности, воспитания духовности и нравственности, стабилизации и гармонизации семейных и общественных отношений. Передача традиционных нематериальных ценностей осуществляется от поколения к поколению, от человека к человеку, минуя институционно-организационные формы. Они должны постоянно воссоздаваться человеческим сообществом. Такой способ наследования делает их особенно хрупкими и уязвимыми. Сегодня мы, по существу, теряем свои корни. В потоке времени безвозвратно исчезает то, что сохранялось в виде реликтов с древнейших времен. И эти потери невосполнимы. Поэтому одна из основных задач российской Концепции – составление федерального электронного каталога объектов нематериального наследия народов нашей страны.

Ведь каждая национальная культура принадлежит всему человечеству и обязана выразить себя перед всем миром. Без общения и открытости нация обречена на ограниченную культурную жизнь, в известном смысле – на культурное обнищание. Но дело это не простое и не быстрое. Конкретные же шаги по выполнению намеченной программы следует предпринимать незамедлительно и активно.

Сегодня люди, устав от бездуховности современного мира, все чаще обращаются к традициям своих предков. Так, в Европе, к примеру,

возрождению фольклора придают особое значение. Носители традиционного искусства там не только почитаются, но и хорошо оплачиваются. Во всех странах мира можно встретить приверженцев восточной традиции (боевые искусства, йога, фен-шуй). В то время когда в России отдельные противники народного искусства продолжают утверждать, что фольклор умирает, в различных регионах страны появляются новые группы, коллективы и даже объединения, причастные в той или иной степени к воспроизведению народной музыки, созданию музыкальных инструментов и национальных костюмов, промыслов и прочих культурных факторов. Причем этим занимаются молодые люди, владеющие всеми информационными технологиями. Но в целом традиционные формы национальной культуры сегодня активно вытесняются на периферию современных, не всегда положительно воспитывающих культурных процессов. Меняется под влиянием массовой культуры система ценностных ориентаций общественного сознания, под воздействием урбанизации разрушается традиционный образ жизни. У многих молодых людей размыта, а то и утрачена национально-культурная идентичность. То есть мы теряем свой национальный иммунитет. Вот почему в работе по сохранению национального колорита весьма ценен опыт каждого региона.

В полиэтническом Северо-Кавказском регионе сохранению культурного наследия необходимо выделять особое место. Наш горный край с давних времен вошел в зону многих форм мировой культуры. Наши народы в процессе своего исторического развития создали и накопили такие духовные ценности, которые вышли за национальные рамки и стали общечеловеческими: героический эпос «Нарты», производство войлочных изделий, танцы и уникальное кавказское вокальное многоголосие эжиу – (звуковой памятник общих исторических корней); ритуально-обрядовые игрища (джэгу – у адыгов и оюн – у балкарцев). И конечно же адыгский (черкесский) этикет адыгэ хабзэ и балкарский – намыс, как основные составляющие этических систем самоидентификации этносов.

А национальные музыкальные мотивы наших народов неоднократно использовали в своих сочинениях выдающиеся российские композиторы. И список этот можно еще и еще продолжать.

Но национальная культура каждого народа всегда неоднородна, всегда представлена несколькими вариантами. Существование всего разнообразия вариантов, в конечном счете, определяет силу и устойчивость любой из официально признанных национальных культур. Сегодня, когда мы, по существу, теряем свои индивидуальные черты, а фольклорное искусство перешло в ранг элитного, пришло время активного сохранения корневой системы народной культуры. И для этого также необходимо использовать все существующие формы. В настоящее время имеются основные предпосылки для осуществления комплекса мер по сохранению и культурного наследия, в том числе нематериального, всех народов России. Социальная статусность и масштабность этого пласта национальной культуры требуют и весьма неординарных подходов к решению ее проблем. В данном контексте особого внимания заслуживает проблема состояния развития культуры и сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов России, к которым

относятся и титульные этносы Кабардино-Балкарской республики. Экстенсивное освоение природы, неглубоко продуманное проведение курса «на преодоление культурной отсталости» в отношении малых народов без учета местной специфики привели в свое время к утрате в какой-то мере их самобытных традиций. Но нельзя забывать и о том, что благодаря появлению письменности у кабардинцев и балкарцев в первые годы советской власти удалось сохранить их языки и устное народное творчество, а целый ряд «национальных» писателей и поэтов получил мировую известность.

Но сегодня судьба культурной памяти, проявляемой в традициях и ритуалах наших народов, вызывает вполне законное беспокойство у широкой общественности. Если быть объективными, в России пока не имеется целостной долговременной стратегии и концептуальных подходов к решению вопросов сохранения нематериального культурного наследия. Между тем, народная культура, несмотря на все сложности, жива. Жива, благодаря огромному запасу позитивного самосознания в народе. С помощью традиционной культуры решаются такие серьезные проблемы, как восстановление и развитие социального и экономического потенциала сельских территорий, организация занятости населения, адаптация людей с ограниченными возможностями.

Сегодня как никогда в сфере сохранения культуры возрастает роль общественности. Как отмечал в свое время Н. К. Рерих: «Кроме правительственных распоряжений именно общественное мнение является первым охранителем национальных сокровищ, имеющих всемирное значение».

С целью выяснения состояния нематериального культурного наследия народов нашей республики была проведена основательная аналитическая работа и Общественной палатой КБР. Необходимость таких исследований объясняется еще и тем, что прошедший век был временем социальных катаклизмов, приведших, среди прочего, к деформации единства культурно-исторической памяти народов, входящих в состав России. В силу новых реалий, связанных с глобализацией, осмысление в целом проблем культурно-исторического наследия может сыграть роль того духовного основания, на котором крепится единство нашего Отечества, его способность адекватно отвечать на вызовы сложнейшей современной геополитической, финансово-экономической и социокультурной ситуации. И сохранение исторической памяти всех народов, проживающих в Кабардино-Балкарии, должно стать для нас долговременной задачей. Только действенная работа с применением программных средств и методов, чувствительная поддержка со стороны государства и общества позволит нейтрализовать опасную зону культурной деградации. И Общественная палата может стать той площадкой, где будут широко обсуждаться и по возможности находить решение актуальные вопросы, связанные с этой темой.

Поиск путей сохранения наследия – это важнейшее условие поддержания единого национально-культурного пространства РФ.

Нормативно-правовым обеспечением сохранения и развития традиционной народной культуры является, прежде всего, статья 44 Конституции РФ, которая гарантирует гражданам России свободу

художественного и других видов творчества, а также право на участие в культурной жизни и на доступ к культурным ценностям. Решение всего комплекса системных проблем, сложившихся в сфере сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Кабардино-Балкарии, на нынешнем этапе возможно лишь при координации деятельности различных участников процесса, включая органы законодательной и исполнительной власти, муниципальных образований, учреждения культуры и общественные организации.

Как практически должна выглядеть поддержка этой сферы сегодня? Есть достаточно интересный опыт в этом направлении у наших соседей по Югу России (Дагестан, Волгоградская область), где действуют законы и целевые программы по государственной поддержке в области народной традиционной культуры. Да и в самой Кабардино-Балкарии существует на этот счет определенная нормативно-правовая база, которая, однако, должна подвергаться корректировке с учетом сегодняшних реалий.

Стратегическое же направление культурной национальной политики должно представлять органическое сочетание национальных и общечеловеческих ценностей, идейное и духовное содружество суверенных народов. Но параллельно программам культурного развития необходимы и программы межнационального культурного сотрудничества. Довольно значим в этом отношении реализуемый в Кабардино-Балкарии межрегиональный молодежный проект «Куначество», в котором принимают участие юноши из всех субъектов СКФО. Сегодня довольно часто традиционную культуру наделяют консервативными чертами. Но те, кто живет в этой среде, всегда уважает и других людей, хранящих свои традиции. А если человек становится маргиналом, то подобное уважение и к другим людям заметно уменьшается. Поэтому возрождение кавказских традиций побратимства служит упрочению межнационального согласия в нашем регионе.

Но все же основная духовная территория народа – это его язык. И правы те, кто называет его стовым хребтом национальной культуры. В Древней Руси у слова «язык» было еще и второе значение – «народ». Дорожить родной речью – это высокий нравственный признак верности нации и Родине. С особой художественной силой эти чувства высказал Расул Гамзатов: *«И если завтра язык исчезнет, то я готов сегодня умереть!»*.

Так что «языковый» плюрализм – проблема не из простых. Равноправие национальному языку нельзя обеспечить искусственно и формально. Главное здесь – духовная потребность народа. И при решении вопроса о государственных языках, их применении и изучении следует тщательно учитывать интересы различных национальностей, проживающих в республике.

Для наших народов еще в начале XX века устное и нематериальное культурное наследие являлось основным источником идентификации. Такие формы неосозанного наследия, как легенды, сказания, народная музыка и танцы, праздники, устные традиции, в последние десятилетия находятся под угрозой деградации. И один из наиболее эффективных путей их сохранения – это архивирование, активная поддержка носителей этих знаний, исполнителей фольклорных традиций. В памяти народной, конечно же, останутся имена выдающихся музыкантов, певцов, мастеров, но будущим поколениям

необходимо знать секреты техники исполнения, вникнуть в технологию изготовления предметов, чтобы можно было идентифицировать себя со своим этносом. Кроме того без духовно-культурного наследия молодежи невозможно обрести нравственные ориентиры.

Не менее популярной продолжает оставаться проблема сохранения как материальной составляющей, так и нематериальной части культурного наследия, посредством воспроизводства в культурной памяти. Декоративно-прикладное искусство – это основа любой национальной культуры. К сожалению, из нашего быта сегодня уходят изделия народных промыслов. Они в основном стали представлять собой художественные ценности. На них сейчас нет широкого спроса, носителей же этих знаний становится все меньше. Если не использовать в быту киизы, циновки, традиционную мебель, деревянную и металлическую утварь и т. д., то стоит ли обучать навыкам их изготовления молодежь? Да и технологии со временем искажаются, стилизуются и теряют национальные черты. Ведь современные мастера живут в других условиях, нежели их предшественники и используют совершенно иные материалы.

Стало другим и общество. У людей появились иные цели и потребности. Поэтому важна преемственность, передача мастерства («из рук в руки»). Необходимо разработать специальную программу по развитию народных художественных промыслов, создать инфраструктуру их поддержки как составной части малого предпринимательства. Не мешает подумать и о создании современной конкурентоспособной продукции (сувенирной) на имеющихся предприятиях и ее популяризации.

Сохранение и развитие народных художественных промыслов лежит в плоскости стратегических интересов государства и является важной государственной задачей. Необходимо знакомство молодого поколения и с традиционными местами их бытования как в республике, так и вообще на Кавказе. Весьма полезным делом была бы реализация проекта по созданию в Нальчике «городка умельцев», где будет организована демонстрация приемов изготовления национальных изделий и их выставка-продажа. Многообещающая перспектива и у идеи открытия Центра народных художественных промыслов, чтобы представить весь ассортимент наших умельцев в одном месте, проводить мастер-классы, презентации и ярмарки. Необходимы и реальные меры поддержки мастеров и индивидуальных предпринимателей, работающих в сфере этно-культурного бизнеса. Да и бизнес-сообществу не мешало бы обратить свое внимание на проблему сохранения национальной культуры, в частности на развитие народных художественных промыслов, еще в недавнем прошлом игравших заметную роль в экономике нашего края. Финансовая поддержка кустарных промыслов и ремесел, спонсирование участия в выставках, конкурсах, ярмарках различного уровня народных умельцев, будет не только способствовать продвижению их изделий за пределы республики и привлечению туристов, но и снижению напряженности на рынке труда. Таким образом, возрождение национальных промыслов – особая тема, степень эффективности которой в экономике республики будет определяться серьезностью подхода к ней.

Пока же основными хранителями народных традиций и сегодня остаются учреждения культурно-досугового типа. Однако недостаточность бюджетов

сельских и городских поселений, устаревшая техническая оснащенность и зачастую низкий уровень квалификации творческого персонала не позволяет им качественно предоставлять услуги населению, направленные на сохранение и развитие нематериального культурного наследия.

Так что и здесь необходима целая система мер, направленных на поддержание этих учреждений и их кадровое обеспечение. Признанным хранителем музыкального наследия в прежние годы был и хор Гостелерадио КБР, расформированный в перестроечный период. В его репертуаре имелось немало уникальных народных песен-сказаний, песен-плачей и т. д., хранимых в народе на протяжении веков и имеющих свой неповторимый колорит.

Фонды видео- и аудиозаписей хора отчасти утрачены и воссоздать их вновь совсем не просто. Утрачена и традиция изготовления национальных инструментов, в частности шикапшины.

Мы стали забывать завет предков: «Что старо, то свято. Что старее, то правее». Гражданские и патриотические чувства невозможно пробудить на основе абстракции. Только конкретное знание истории своего края и народа, его традиций формируют в молодом поколении желание быть достойными славы земляков, внести свой вклад в культуру своего народа. Правда есть в республике и примеры трепетного отношения к своим историческим корням.

Так, в музеях станиц Котляревской Майского района и Екатериноградской Прохладненского района собран богатейший материал о традициях и обрядах не только терских казаков, но представителей других национальностей, издавна проживающих здесь. В поисково-краеведческой работе активно участвуют и местные школьники. При содействии музейщиков и сотрудников Домов культуры ребята серьезно изучают быт и народное творчество своих предков. А украшением всех станичных праздников непременно становятся выступления казачьих фольклорных коллективов. Заметную работу по отбору и восстановлению лучших образцов фольклора проводят учреждения культуры в Урванском и Эльбрусском районах.

К тому же в республике накоплен значительный опыт по проведению региональных и международных фестивалей и праздников на основе самобытных национальных культур, получивших высокую оценку их участников. Но, к сожалению, он не стал достоянием широкой гласности на международном уровне. В то время как в Дагестане фестиваль «Горцы» официально получил поддержку ЮНЕСКО и включен в календарь международных фестивалей по сохранению нематериального культурного наследия.

По всей видимости, и нам необходимо шире оказывать государственную поддержку фольклорным мероприятиям.

Для тех энтузиастов, организаций, фольклорных коллективов, что продолжают служить своим историческим корням, ничего не требуя взамен, стоит предложить некие налоговые льготы, активнее подключать их к грантовым программам.

Не менее важно и широкое освещение состояния и развитие традиционной народной культуры путем издания книг, буклетов, цикловых передач на радио и ТВ. А также рекомендовать СМИ изменить свое отношение к данной тематике и перестать относить к «неформату» всё, что не вписывается в парадигму примитивных развлекательных передач.

Важная роль в процессе охраны духовного наследия народов, населяющих Кабардино-Балкарию, принадлежит музеям. В случае невозможности сохранения объекта наследия в естественной социально-культурной среде, возможно его сохранение в музее, его музеефикация. С этой целью стоит составить перечень наиболее значительных примеров нематериального наследия нашего края. К тому же дать вторую жизнь ряду нематериальных объектов смогут и театральные постановки, экранизации в кино и на ТВ. Необходима более тесная связь исторического наследия с современностью, что послужит его популяризации среди различных возрастных групп населения. К тому же нематериальное культурное наследие является поистине неиссякаемым источником для современного народного творчества.

Требуют к себе серьезного отношения и духовные связи с национальными диаспорами некоренных народов республики, а также с зарубежными соотечественниками. Постоянные контакты помогают сохранить живительные силы наций, поддержат национальную культуру как живую целостную систему. Представляется целесообразным рекомендовать органам государственной власти стимулирование и краеведческого движения, поддержку издания пособий по краеведению, краеведческому туризму. Не стоит сбрасывать со счета и возможности волонтерского движения в сфере сохранения национальных культур (энтузиасты, студенты, школьники).

Начинать знакомство с культурным достоянием народов республики необходимо уже в младших классах. Это позволит учащимся освоить основы адекватного культурного поведения в социальной среде. Данный школьный курс поможет сформировать у детей вектор культурно-ценностных ориентаций в соответствии с отечественными традициями духовности и нравственности. Каждый ребенок должен знать, что в общей копилке российской культуры есть вклад и его народа. Благодаря таким мерам возможно не только проведение более эффективной воспитательной работы, но и более действенной охраны объектов наследия.

В условиях информатизации общества наиболее успешное практическое решение проблемы сохранения и развития культурного наследия коренных народов как в целом в России, так и в нашей республике может быть связано с информационными технологиями, в частности, технологиями сайтостроения. Основанием к этому служит наличие у сайтов возможностей раскрытия культурного наследия на качественно новом уровне с использованием самых разнообразных форм представления информации и обеспечением доступа к ней широкого круга пользователей.

Подводя итог сказанному, хотелось бы отметить, что возрождение и развитие, сохранение нематериальной культуры, лучших традиций народного искусства – это возрождение и развитие всего лучшего, отобранного народами на пути их исторического развития. И необходимо интегрировать все силы республики в дело сохранения наследия наших предков. А разработка и принятие Закона Кабардино-Балкарии «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия народов республики» определило бы стратегическое направление всей многогранной работы на этом пути.

ХРАНИТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ

Шел 1947 год. Война оставила тяжелый след после себя, принесла людям много горя. Но как бы не была тяжела жизнь, каждый пытался поддерживать ближнего. Несмотря на все тяготы, люди не забыли о порядочности и человечности.

После войны бедность и нищета были повсюду. В первую очередь люди должны были восстановить колхозы, совхозы, МТСы, вовремя засеять поля. Но трудность заключалась в том, что тракторы были поломаны, не хватало горючего, тягловой силы. Когда нужно было вспахать колхозную землю, использовали волов, а еще чаще в плуг запрягали коров.

Тяжелый крестьянский труд выпал на долю стариков, женщин, и на тех немногих мужчин, что вернулись с войны. А так как большинство из них вернулось калеками, то особо рассчитывать на их помощь не приходилось. Часто в поле встречались дети – кто держит ручки плуга, кто подгоняет вола. Босые дети, не отставая от взрослых, работали от зари и до зари.

Слава Богу, я вернулся с войны не покалеченным, в звании сержанта, с орденом Отечественной войны первой степени, орденом Красной Звезды, с медалями «За победу над Германией», «За взятие Берлина» и др.

Война началась, едва я получил среднее специальное образование, и я с первых дней и до самой Победы находился в гуще событий. Я был среди тех, кто брал Берлин, кто написал свою фамилию на Рейхстаге. Через неделю после возвращения домой меня позвали служить в отдел МВД, который находился в районной администрации. Мне сказали, что я теперь старшина милиции и отправили в оперуполномоченным в селение Баксаней. Признаюсь честно, для меня это назначение стало полной неожиданностью, потому что я совсем не знал специфики своей новой профессии. Мне казалось, я не справлюсь. Но начальник районного ОВД Джанокков меня уговорил. «Работа тяжелая – воров много. Мы отдаем себе отчет, что ты пока плохо понимаешь суть работы, но как ты знаешь, людей у нас мало. Со своей стороны мы будем тебе помогать. Ну, а когда освоишься, мы тебя отправим на учебу», – сказал он мне.

Первый год мне действительно было тяжело. Больше всего меня корбило, что надо мной было два начальника, однако, я понимал, что при моей работе по-другому быть не могло. С одной стороны я подчинялся районному ОВД, а другой – я не мог игнорировать приказы председателя колхоза. В случае ошибки я мог оказаться между молотом и наковальней, и поэтому приходилось работать, как говорится, без сна и отдыха.

Я должен был сторожить урожай день и ночь, и ловить воров (если таковые будут). Труднее всего было во время уборки. Осенние дни коротки, а ночи длинные. Я сутками пропадал в поле, но со временем освоился, и мои начальники стали меня хвалить. Но вскоре меня опять вызвали в районное отделение МВД и сообщили, что переводят в другое село. Расставаться не хотелось, так как с сельчанами у меня сложились хорошие отношения, но приказ есть приказ, и вместе со старшим лейтенантом районного МВД Ада-

моковым я отправился в селение Камергоево. Здесь на собрании я познакомился с администрацией села и с колхозниками. После окончания собрания ко мне стали подходить люди. Они рассказывали о своем житье-бытье и о том, что происходит у них в селе. Кто-то ругал моего предшественника, другой говорил о воровстве, третий – о делах в колхозе. Я сразу же дал всем понять, что не буду слушать досужие сплетни и не позволю приходить ко мне с доносами друг на друга.

Поздно вечером, когда мы уже расходились, начал накрапывать дождь, и пока я добрался до дома своих квартирных хозяев – Хамиши и Хакулины Хабижевых, промок до нитки. Я быстро переоделся, мы поужинали жирным мясом с пастой и бульоном а затем, до поздней ночи проговорили о собрании.

Время шло, все работали, не покладая рук, но дел меньше не становилось. На очередном собрании председательствующий Мажид говорил: «В этом году мы вовремя вспахали и провели сев. Теперь нам нужно собрать урожай без потерь и засыпать его в амбары. После этого каждый колхозник получит свою долю урожая согласно трудодням». Обращаясь ко мне, он подчеркнул, что я во время уборки должен денно и ночью находиться.

Стоял август, было настолько жарко, что казалось, будто воздух вот-вот вспыхнет. И люди и скот жались к тени, но вскоре погода несколько улучшилась, и колхозники приступили к уборке урожая. В колхозе выращивали картофель, капусту, помидоры, огурцы, бахчевые культуры, а также подсолнечник и кукурузу. Люди торопились убрать урожай, до холодов. «Пережили жару, переживем и осенние дожди», – приговаривали колхозники.

Пока убирали пшеницу, следить за порядком было нетрудно, но я больше тревожился за подсолнечник и кукурузу. Опыт показывал, что в ходе уборки этих культур случаи воровства учащались. Ворами помогали установившиеся туманы и быстрое наступление темноты. Нужно было быть начеку. Сразу за железной дорогой, что проходила за рекой, начиналось кукурузное поле. В один из вечеров я, стоя у переезда, поджидал возвращающихся с поля кукурузоводов. Уже совсем стемнело, когда показалась доверху набитая сеном телега. Сверху сена сидели женщины, а телегой управлял возничий из местных. Я остановил телегу и спросил у возничего:

– Что везешь?

– Как что? – ответил он. – Сам не видишь?

– А под сеном ничего нет?

– Нет, – коротко ответил он.

Тогда я попросил женщин спуститься и, порывшись в сене, обнаружил под ним кукурузные стебли с початками. Телегу со всеми «пассажирами» я отправил на колхозный ток, где сдал охраннику. Мы составили акт о происшествии, женщины его подписали, и, оставив кукурузу, разошлись по домам.

Дома на столе меня ждала повестка, сообщавшая о том, что завтра состоится собрание, где я обязательно должен присутствовать, Собрание проводило районное отделение внутренних дел. Рано утром я отправился в сельсовет. На собрании говорилось о необходимости выполнения государственного указа об уборке урожая без потерь. Более подробно об этом

с нами, уполномоченными, побеседовал начальник районного отделения Уришев. В конце разговора он подчеркнул, что с теми, кто работает спустя рукава, никто церемониться не будет – их сразу уволят.

Когда я вернулся в село, то узнал, что жители отправились в колхозное управление, чтобы вступить за возничего, которого я поймал с поличным. Они жаловались на меня председателю колхоза. Ходил слух, что я поехал в район, чтобы дать делу дальнейший ход и посадить возницу в тюрьму. Я вернулся как раз в тот момент, когда председатель был вне себя от бешенства.

– Мы что, сами не можем решить свои проблемы?! – сказал он, повысив голос. – Ты зачем поехал в район ябедничать?! Разве так можно поступать с работающими людьми, и, вообще, кто из нас председатель колхоза – ты или я?! – Он перешел на крик, не давая мне вставить ни слова: – Мы на тебя надеялись, а ты оказался еще хуже своего предшественника. Он поймал несчастную вдову, которая несла с поля всего пять початков, а он ее посадил на два года, и мы никак не смогли его уговорить. А теперь и ты туда же?!!

– погоди, дай же мне хоть слово сказать, – перебил я его.

– Не дам! – он закипал все сильнее, но тут зазвонил телефон. Председатель коротко ответил звонившему и, повесив трубку, выдохнул. Воспользовавшись паузой, я сказал, что был в районе на совещании, а та бумажка, из-за которой все встревожились, у меня с собой, и я не собирался ее никому показывать, не посоветовавшись с председателем. Услышав это, он успокоился и велел идти работать дальше.

В кабинете меня ждала еще одна неприятность – весь пол был в осколках разбитого окна. Выяснилось, что это местные ребята играли в футбол и случайно высадили окно мячом. Утром следующего дня я вызвал к себе Паритова, который был местным физруком. Вооружившись двухметровой рейкой, карандашом и листком бумаги, мы вместе отправились на поле, где играли дети. Футбольные ворота им заменяли камни. Паритов измерил, какое расстояние должно занимать футбольное поле, ворота, а я записал все цифры на клочке бумаги. Потом мы выбрали место для будущей игровой площадки и отправились на лесопилку – за бревнами для ворот и прочими материалами. Через несколько дней у детей появилось нормальное футбольное поле, и их радости не было предела. С этого момента я стал часто бывать в школе. Сидел на уроках, разговаривал с детьми. Говорили мы, в основном, о войне и о наших земляках, героически сражавшихся на фронтах. Я старался привить детям уважение к старшим, любовь к своей земле, говорил, что нужно усердно учиться и не огорчать своих родителей, у которых и без них хватает забот. Дети внимательно меня слушали, задавали интересные вопросы. Стал я появляться и на родительских собраниях. На одном из них классная руководительница сначала похвалила успевающих ребят, а потом стала жаловаться на одного «двоечника». Затем она повернулась к отцу этого ученика и сказала, что в этом виноват, прежде всего, он. Мужчине было стыдно, и он все это время сидел, опустив голову. Мне показалось, что классная была неправа, что нельзя при всех таким образом отчитывать отца и сына. Поэтому я задержался после собрания и объяснил классной ее ошибку:

– Как так можно? – сказал я. – Ни в чем не повинный отец не знал, куда деваться от стыда. Ты должна ко всем относиться ровно. Они еще дети, и впитают все, чему ты их научишь. Если тебя что-то беспокоит в ученике, сходи тайком к нему домой, поговори с родителями без свидетелей. И вообще, если ребенок не успевает, это в первую очередь вина учителя, а не родителя. Это значит, что тебе нужно больше работать с этим ребенком.

Мое активное участие в общественной жизни села не осталось незамеченным начальством. Во время праздников и торжественных заседаний меня все чаще стали приглашать в президиум, награждать грамотами, хвалить.

Во время летней страды я на своем стареньком мотоцикле возил в поле колхозникам родниковую воду. Людям была приятна такая забота. Особенно мне радовались девушки. Когда я подъезжал к их бригаде, они заводили лирические песни и, улыбаясь, шли мне навстречу.

– Ты привез нам вкусной воды? – говорили девушки со смехом. – Какой заботливый! Если у тебя еще нет невесты, выбери одну из нас.

– Ну, как мне выбрать? – подыгрывал я, – вы все такие красивые, такие милые!

Почему-то на меня взелся их бригадир Темиркан. Да так сильно, что пожаловался председателю колхоза, сказав, что я отвлекаю девушек от работы, и что они перестают ему подчиняться.

Председатель вызвал меня к себе и велел, как можно реже ездить в ту бригаду. В ответ я попросил председателя как-нибудь самому наведаться в эту бригаду.

– А я, как бы невзначай, подъеду в этот же момент, – сказал я председателю. – Там и разберемся.

Сказано – сделано, и договорились, мы с председателем встретились в поле, где работала бригада девушек. Увидев меня, девушки громко затянули песню и стали работать еще усердней. Председатель очень удивился, что девушки работу не оставили, а лишь поглядывали в мою сторону. Он понял, что бригадир возвел на меня напраслину. Сам же бригадир разозлился на меня еще больше прежнего.

– Я этого так тебе не оставлю, – прошипел Темиркан, улучив момент, когда его никто кроме меня не мог услышать.

Как-то вечером несколько дней спустя я возвращался в село. Вдруг дорогу мне перегородили трое всадников. Быстро спешившись, они меня вытащили из мотоцикла и стали избивать ногами и плетью. Потом, так же неожиданно, они вскочили на своих лошадей и ускакали. Было темно, и их лиц я толком не разглядел. Придя в себя, я с трудом сел на мотоцикл и поехал домой. Мои хозяева подумали, что я пьян. Я тоже не дал им себя толком разглядеть и пошел спать к себе в комнатку.

На работу я не пошел. Все тело болело так, что я едва мог пошевелиться. Старик, услышав мои стоны, начал браниться: «Если тебе нельзя пить, зачем над собой так издеваться?». Я был настолько слаб, что не мог ничего ответить. Спустя какое-то время я все же поднялся. Спина моя превратилась в сплошной синяк, под глазами «горели фонари», я едва мог передвигать ногами. Узнав от меня, как было дело, Хамиша пошел к председателю

и скоро вернулся вместе с ним. Председатель сразу понял, что это дело рук бригадира и его друзей и пообещал, что спуску ему не будет. Но бригадир оказался человеком осторожным. Зная, что никаких улик против него у меня нет, и к ответственности его привлечь не за что, он начал распускать про меня грязные слухи.

Осенним вечером, когда все селение отмечало праздник окончания сбора урожая кукурузы, ко мне зашел колхозный сторож – старик Мудар. Он пожаловался на одного местного негодяя, который промышлял воровством:

– Жить он мне не дает, – говорил Мудар, – запугивает, говорит, что подожжет мой дом вместе с его обитателями, если я пойду на него жаловаться. А председатель колхоза сказал, что если мы его посадим, то все село настроим против себя. У этого негодяя есть свои «kozyри» тринадцать детей, больная жена.

– Мне кажется, я знаю, что нам делать, – ответил я. – Давай сзади дома сделаем небольшую пристройку, чтобы кровать и столик помещались. Повесим хороший замок, на окна – железные решетки. Я этого злостного вора поймаю и запру его в этой комнате. Еще сторожа к нему приставим. Пусть посидит и подумает. Когда же он осознает, что так вести себя больше нельзя и даст нам слово впредь не воровать, мы его выпустим.

На том и порешили. Пристройку сделали быстро. Люди не могли понять, для каких целей мы ее возводим. Не догадывались даже самые любопытные. Больше всего их ставило в тупик то обстоятельство, что уже готовая комнатка так долго пустует. Наш вор, как будто догадавшись о наших планах, стал очень осторожен, но при этом воровал он каждую ночь. Старый сторож был настолько запуган, что ничем не мог нам помочь. Не видя другого выхода, я отпустил старика и сам остался сторожить на токе. Он появился перед самым рассветом, не ожидая, что вместо старика встретит здесь меня. Только он зашел на ток, как я сбил его с ног и крепко связал. До рассвета оставалась совсем чуть-чуть, но я все равно решил поспать, ведь всю ночь я не сомкнул глаз. Как мы и договорились, старик-сторож вернулся до прихода колхозников, а я привез вора в село и запер его в комнатке. Председателю я рассказал все в подробностях. Теперь мы ждали, что будет дальше. Дети вора приходили и подолгу стояли под окном. Кто знает, может, именно они и заставили его одуматься. Так или иначе, а на четвертый день своего «заключения» он, повесив голову, попросил отпустить домой. Я отпустил его под расписку о том, что воровать он больше не будет. Мы же, со своей стороны, объяснили ему, что в следующий раз отправим его в настоящую тюрьму на несколько лет. Надо сказать, что урок пошел ему на пользу и он перестал воровать.

В том селении я проработал недолго – пришел вызов на учебу в Москву. С сельчанами мы прощались очень тепло. Они были мной довольны и говорили, что будут очень рады, если после учебы я опять вернусь к ним в селение.

ПРОТЯНИ РУКУ – И ПРОЧТИ

О прозе Бориса Чипчикова

Борис Чипчиков в современной северокавказской литературе давно уже стал фигурой знаковой. Однако эта знаковость не осмыслена в полной мере литературной общественностью Кавказа и всей России.

Так, по мнению С. Алиевой, его творчество – «яркое и неопровержимое доказательство зрелости национальной литературы»¹. На наш же взгляд, творчество Чипчикова – не просто доказательство зрелости, а целостное литературное явление, знаменующее некий прорыв, высвобождающий комплекс перманентной неполноценности национальной литературы. Тексты Чипчикова – наглядный пример того, что представители национальных литератур могут по уровню и художественному масштабу добираться до истинных вершин.

Борис Чипчиков родился в 1948 году в Киргизии в семье балкарских спецпереселенцев. Азию считает своей первородиной, несмотря на то, что вернулся на свою этническую родину – Северный Кавказ – в 1958 году: *«Тогда родители жили на моей Родине, сейчас я живу на их Родине»*. Это географическое сиротство, подмена одной родины на другую, породило болезненный диссонанс. Привыкание к незнакомой реальности и мучительный поиск себя в новом пространстве, остро пережитые в детстве, отражены в его произведениях постоянным лейтмотивом поиска утраченного счастливого детства (родины) и тяжелой попыткой объединить воедино два своих истока. («Красивое это слово – тропинка», «Ваза ко дню рождения», «Бела»). Со временем он перестанет так остро чувствовать себя «пасынком», и историческая родина займет основополагающее место в его мировоззрении, но тоска по азиатской шире и оранжевому солнцу Киргизии, по «горестной и прекрасной Азии» остается постоянной в его душе.

Чипчиков окончил исторический факультет КБГУ. Первые литературные опыты относятся к времени студенчества. По его личному признанию, в определенный период интерес к учебе спал, и он ощутил необходимость заполнить образовавшийся вакуум. Член Союза писателей РФ. Инструктор горнолыжного туризма. Был ответственным секретарем писательской организации КБР.

Автор трех небольших книг: «Возвращайся свободным», «Нерестились рыбы в свете лунном», «Улыбается боже». В 2008 году в издательстве карачаево-балкарского молодежного фонда «Эльбрусид» в серии «Карачаево-

1 Алиева С. «Самый умный человек – человек улыбающийся» // Мы жили рядышком с Граалем. Б. Чипчиков. М.: Эльбрусид, 2008. С. 492.

балкарская литературная классика» к 60-летию писателя была издана книга «Мы жили рядышком с Граалем», в которую вошли произведения из предыдущих книг, 13 новых рассказов, множество миниатюр и перевод значительного количества рассказов на карачаево-балкарский язык.

Чипчиков – пожалуй, первый из северокавказских писателей, кто обладает столь полифоничным художественным языком, такой легкой и многогранной поэтичностью, такой глубиной философского и лирического осмысления бытия. По сути, он воплощает новый дискурс северокавказской литературы. Преобладающий постмодернистский прием изображения выбран не как синтетическое средство воплощения авторского замысла, а как органическое восприятие реальности, как аутентичный внутренний культурный индикатор. Как писал У. Эко: «Постмодернизм – это не какое-то хронологически зафиксированное явление, а определенное духовное состояние»¹. И постмодернизм Чипчикова именно таков: отражение, матрица его духовно-творческого императива.

Он отсекает не просто все лишнее из вербального и сюжетного полотна своей прозы, а оставляет одну лишь пульсирующую сердцевину слова и смысла. Временные векторы зачастую лишены линейности, но не лишены невероятной осязаемости, выпуклости и внутренней связующей нити. Лаконичность, спрессовавшая в себя тонны смысловой руды. Хотя сам автор утверждает, что *«важна не смысловая нагрузка в тексте, а музыка самого слова, ибо музыка та и есть наивысший смысл»*, *«краткость – минимум слов, максимум пространства»*. Но этим самым он еще больше расширяет метапрозаические границы своих произведений. Мудрость, облаченная в простые и глубокие формы, завораживает: *«Не падайте, дабы не унижить наступивших на тебя»*; *«Опыт это не что обречено, а то, что ниспослано»*; *«Когда я вру – я мертв, ибо это не я и жизнь мою проживает кто-то другой»*.

Как известно, в становлении постмодернистской концепции важную роль сыграла так называемая «смерть супероснований»: человека (гуманности), автора (Барт), Бога (Ницше). Но в творчестве Чипчикова этой парадигме Танатоса противопоставлена другая авторская концепция, призванная вернуть этим понятиям консолидирующее значение. Вера в беспредельное обескураживающее добро человека (при четком вычленении человека из толпы людей: *«Не все же как у людей, что-то должно быть по-человечески»*); причем человек бессмертен: *«Как может умереть человек, приобщившийся к бессмертью?»*). Таким образом, оставаясь в постмодернистской эстетике, текст затрагивает и другие художественно-методологические направления.

Вообще, постмодернизм в национальных литературах – явление сколько не знаменательное, сколько закономерное и даже имманентное их свойство. Все значительные постмодернисты (У. Эко, М. Павич, Х. Борхес, Г. Маркес, П. Зюскинд) в первую очередь глубоко национальны. И скорее многослойная национальность, мифо-эпическая текстуальность обуславливает их яркий постмодернизм. Вопросы художественной и онтологической

¹ Эко Умберто. Заметки на полях «Имени розы» // Имя розы. – М: Книжная палата, 1989. С. 460.

этики, размывающиеся в общем хаотичном деструктивном пространстве постмодернизма, отчетливо сохранены в авторской эстетике Чипчикова.

Эра глобализации, унифицирующая национальные особенности, проделала огромную работу по прививанию национально-культурного «манкуртизма». Однако именно у малых народов, по мнению Чипчикова, сохраняется еще сильный «этнический иммунитет», и потому он считает, что такой значительный культурно-поведенческий пласт, как этикет – «привилегия малочисленных народов».

В. Страда считал следствием возникновения постмодернизма слияние в некую универсальную космополитическую культуру множества культур разного исторического периода. На основе этого многофакторного процесса и генерировалась новая мультикультурная эстетика постмодернизма. Если ориентироваться на этот тезис, то проза Чипчикова четко отражает подобную трансформацию, при этом оставаясь глубоко национальной, смело и уверенно конвертируется в мировое культурное пространство.

В рассказе «День, из которого невозможно уйти» отражена универсальная философия горца. В известной книге Г. Садулаева «Я – чеченец!» (2006) продекларированный общекавказский кодекс преподнесен как мононациональный (чеченский). Тогда как в преобладающей степени присущий всем северокавказским народам этот кодекс до него в небольшом рассказе был описан Чипчиковым. Он в историко-философском и культурологическом ключе лаконично раскрыл суть горского закона, не делая акцента ни на балкарскую, ни на карачаевскую составляющие.

«В основе горского – провидческий консерватизм, который держится на двух ипостасях: не считать себя умнее предков своих и не пытаться догнать время, а тем более его обогнать... На равнине ты, споткнувшись о камень, слегка ушибеешься. Если ты в горах сдвинешь камень – можешь оказаться или под лавиной, или в пропасти. Поэтому горец примеряет и примеряет, ждет и верит, что время отрежет за него...

Горец не интересуется национальностью другого. Он спрашивает: «Ты горец?» Горец никогда не скажет «спасибо», ибо этого слова нет в языке горца. Делать добро – обязанность, и благодарность здесь не предусмотрена. На чье-то хорошее горец может сказать: «Будь здоров, богат и щедр», – надеясь, что, усвоив эти слова, ты вынужден будешь творить добро...

Для себя в первую очередь горец говорит: «Если ты хорош, то хорош для себя». И это справедливо. Но жаль, далеко не каждый горец, говорящий, что он горец, является таковым. Ибо далеко не всякому дано впитать то, что вмещается в короткое слово – горец...

У горца нет вождя. Горец не ринется в дали иные. Он утепляет землю свою, растит себя в ней. Он инстинктивно чувствует, что осваивать иные пространства – это измельчить и растворить себя в этих пространствах. Горец – это энергия, направленная внутрь».

В одном из самых значительных рассказов «Мы жили рядышком с Граалем» сконцентрирована глубина философского и онтологического осмысления человеческой жизни и мироустройства. Причем простота изложения и невероятная, но изящная психологическая парадоксальность просто

обескураживают. Привычная семейная парадигма «отец-сын» интерпретируется, на первый взгляд, эксцентрично (по крайней мере для европейского сознания). Но парадокс сменяется ощущением бесспорной истины, отрезвляющей закономерности. И остается только удивляться метафизической интуиции, психологической прозорливости и глубине авторской мысли.

Вот как он пишет об отце: *«И когда в День Победы он надевал и свои юбилейные медальки среди изобилия орденов, это было так трогательно, что я, кроха, проникался к нему отеческим теплом и умильной жалостью. Да, именно отеческой – это так здорово, что становишься отцом своего отца, и здорово, что никто об этом не знает. И неважно, что отцу-то всего четыре годика. Важно, что ты цельный, что ты защищён необъятным шатром небесным и не раздроблен твердью земной – самое время ощутить себя отцом. Возможно, когда-нибудь ты будешь родителем, но это не значит, что ты стал отцом. Дети всегда старше отцов своих, ибо родились они позже родивших их, и состарились вместе со временем, и стали старше на целую жизнь, прожитую отцами».*

Ну разве не обескураживающее аутентичное умозаключение? В какой-то степени оно аллюзивно буддистской философии реинкарнации, но совершенно, автономно и новаторски звучит в контексте не только культурологической этнопсихологии, но и мировой.

Такое же, на первый взгляд, парадоксальное ролевое смещение в семейных взаимоотношениях и по отношению к матери. В рассказе «Аленький цветочек» автор пишет: *«Пришла мама, сидит на детском стульчике, моя мама, моя дочь, моя старенькая белоголовая дочь. Я глажу и глажу ее по голове, виноват, она состарилась без моего присмотра».*

В этой глубоко онтологической философии очень важный момент, момент эволюционный: кавказский менталитет, ориентированный на сакральное уважение старших, на благоговейное отношение к своим родителям, поднимается на новую, более совершенную ступень нравственной высоты. Родители – не просто люди, давшие жизнь и воспитание, и твой долг ухаживать за ними в старости. Чипчиков далек от такого холодного догматизма. У него – всего лишь абсолютная, константная любовь и только переизбыток этой всеобъемлющей мудрой любви. Чувство заботы и ответственности – это не соблюдение внешних, регламентированных правил приличия, а сравни общему материнскому (животному) инстинкту сохранения единокровного.

В этом же рассказе воплощена основная идея о единстве человека с природой и о некоей элитарности, сакральности этого слияния. Ибо не каждому дано, не всякий не отторгнут от лона природы (по своему ли желанию, по желанию ли самой природы). Потому удивительная, сказочная красота зимнего Чегемского ущелья, где герой оказывается со своими друзьями ночью, утопая по пояс в снегу, совершая поход за убитым днем туром (причиной чему послужил реальный физический голод), становится божественным откровением, символичной чашей Грааля. Герой испытывает синдром Стендаля¹, впадая в просветляющий экстаз от созерцания пронзительной

1 Синдром Стендаля – психосоматическое расстройство, характеризующееся частым сердцебиением, головокружением и галлюцинациями. Проявляется, когда человек находится под воздействием произведений искусства, чрезмерной красоты природы.

прекрасности мира. Поэтичность восприятия обострена до предела. При золотом свете луны тела друзей, упавших на снег передохнуть, воспринимаются как черные клавиши рояля. И кругом звучит божественная музыка мироздания. Ущелье напоминает углублением Чашу, а божественная красота ее «содержания» воспринимается как кладезь духовного богатства.

Автор не очерчивает ее строго кавказским маркером, считает ее универсальным воплощением мировой гармонии и мудрости. Источником, откуда черпали многие великие, не видевшие никогда этого волшебного ущелья, но непременно метафизически, на интуитивном уровне знавшие о существовании этого божественно-заповедного места. И потому здесь витают образы Чехова, Грига, Сервантеса, Кулиева, Офелии, Блока, Горького, Фолкнера, Махатмы Ганди, Платона – они в сознании героя стянуты к этой чаше Грааля как к центру духовного притяжения. Автор не присваивает авторитарно такой высокий сакральный статус только этому уголку кавказской природы, он утверждает, что подобные «заповедные места для души» есть в любой точке мира, где бы ни находился человек: *«Грааль всегда неподалеку от тебя, но нет на свете более дальней дороги. И чтобы одолеть этот путь, надо до забвения земли натрудить плоть свою и дух, вырвавшись из изможденного тела, и осилить эту дорогу»*. Таким образом, абстрактность и реальность данного природного феномена трактуется как универсальная духовная практика.

Поход за пропитанием для тела оборачивается рафинированным пиrom духа. Но кульминация рассказа в следующем. Герой по дороге в постоянных философских мыслях, эстетических переживаниях, воспоминаниях. Пока он идет к основной цели, читатель предвкушает его встречу с мертвым туром, готов к тому, что она произведет угнетающее рефлексивное впечатление, ибо становится очевидно, что герой – обладатель тонкой душевной организации. Сознание читателя, забега вперёд, рисует, как он при виде убитого тура впадает в некий когнитивный диссонанс – как жестоко и нелепо убивать прекрасное животное ради «жратвы», когда природа и так одаривает безмерными благами. Это должно привести к душевному разладу, к краху гармонии и закончиться морализаторством о вечной варварской жестокости людей. Смерть (убийство, свершенное человеком) и красота природы должны вступить в неумолимый антагонизм.

Но каково шокирующее удивление, когда читаешь: *«Я взглянул ему в глаза и ахнул: это были глаза не мёртвого существа, а взгляд живого, видевшего жизнь в изначалье, и взгляд, устремленный в бесконечье жизненное. Я взглянул на небо, тёмно-синее полуденное небо, освещённое луной, потом посмотрел в тёмно-синие громадные туры глаза, глаза не убитого нами, а пожертвовавшего собой осознанно существа, и взгляд этот не ведал смерти»*.

Такая парадоксальная, на первый взгляд, «концепция убийства», «непротивления убийству» на самом деле объясняется просто. Когда человек (благородный, в гармонии с самим собой) убивает животное ради пропитания или жертвоприношения – это как бы снимает с убийства статус аморальности, получается некая «презумпция убийства». И только тогда животное не бьется в упрямом, диком «адском инстинкте жизни», а как

бы сама приносит себя в жертву ради самого любимого из сотворенных Богом существ. («Аллах по Своей милости сотворил вам скот, чтобы вы использовали шерсть и пух для согревания, а мясо – для питания»). – Коран. Сура «Ан-Нахль», аят 5). В этом есть высокая и простая «примиряющая» человека и природу философия, известная издревле, но так пронзительно по-новому интерпретированная писателем.

У Чипчикова внешнему современному порочно-циничному миру постоянно противопоставит мир безгрешный, «утробный мир человечества» до первого грехопадения: *«Развитие – это когда ты в чреве, все что потом – деградация»*. Все, что было потом, можно назвать одним большим регрессом, хотя человеку кажется, что он далеко ушел вперед. Подверженный вечным вопросам духовно страждущего, автор в экзистенциальной прострации силится понять траекторию своего жизненного движения в этом дезориентированном мире: *«Куда иду? Зачем иду? Шел ли я вперед или, быть может, так мне казалось, а на самом деле пятился назад к истокам?»*. Но точку опоры он находит только у истоков, возвращаясь к которым он поражается их первозданной чистоте и недостижимой величине: *«Много прожил, много видел, и когда вернулся к своей колыбели, – она велика для меня оказалась»*. То есть, проживая жизнь полную пороков и утрат, человек не обретает и не растет, наоборот – уменьшается и гаснет его божественный свет.

Религиозные вопросы находят в творчестве Чипчикова своеобразное истолкование. Все мировые религии им объединены в некий универсальный конгломерат духовности, несмотря на четкое морфологическое использование символов христианских, исламских и буддистских. По его собственному признанию, эти символы являются всего лишь инструментарием для обозначения общих духовно-нравственных категорий. («Идущая по дорогам», «Пасха», «Между крестом и полумесяцем», «День из которого невозможно уйти» и др.)

Огромные церкви, построенные во имя и во славу Христа, на самом деле являются символом оторванности и даже предательства христовых заветов: *«Соборы как невозможность вернуться. К далекой часовенке»*.

Трактовка образа Иуды неоднозначна: от примитивно-злого предателя Христа он трансформирован в образ глубоко трагический и даже сакральный. Он исполнитель воли Господа, ибо Христос должен был по замыслу Божьему быть принесен в жертву за грехи все людские. И самоубийство Иуды – лишь доказательство смирения перед волей Бога и невозможность простить самому себе это смирение. И при всей видимой антагонистичности этих двух людей, ореол богоизбранности так же лежит на нем, как и на Христе. И потому его фигура столь же значима: *«И явился Иуда – Божий избраннык, и зазвенели тридцать серебряников как плата за нарушенный обет»*.

Неслучайно в рассказе «Пасха» Иуда и Христос сидят на разных облаках, но рядом, как друзья. Христос опечален видом провинциального фарисейства и балагана в день Пасхи, злобными дежурными старушками, не пустившими в церковь человека по внешнему виду, так и аргументировав: «Куда прешь, нехристь!». И говорит Иисусу *«умный, честный и прозорли-*

вый Иуда: «Предупреждал ведь, кого ради».

Ад в понимании писателя – это торжество серого: «Ад и есть бесконечное, непрерывное серое. Огня под персональной и братской сковородой (в зависимости от земных заслуг) не будет, ибо цвет его напоминал бы солнце, порождая несбыточный оптимизм». Бог для Чипчикова – субстанция чистого света и вечной жизни. И такая категория, как смерть, просто исключена из понятийного гносеологического арсенала: «Мы из жизни пришли – в жизнь и уйдем» (кстати, противовес католическому: «Прах ты и в прах обратишься»). Такое отношение к смерти можно проследить во многих рассказах («Двери», «Мы жили рядышком с Граалем» и др.). Зачастую, когда автор касается религиозного подтекста в своих произведениях, его собственный стиль становится похож на богослужение.

Отношение к апостолам Христа прямо противоположно принятому благочестивому к ним отношению церкви. Ибо в них автор видит причину чудовищной извращенности первоначальных христовых заповедей и кровавности средневекового христианства: «Апостолы совершили самую кровавую их всех революций. Всякие преобразования когда-либо да кончатся – эта же не имеет начала и нет ей конца. Вы вслушайтесь... «освободить гроб Господен»... Да не умирал Творец наш Единый, и нет у него никакого гроба!» («Нерестились рыбы в свете лунном»)

Писательство свое Чипчиков воспринимает как оправдание жизни: «Чтобы оправдать хлеб свой, я работаю целый день. Чтобы оправдать жизнь свою – пятнадцать минут за письменным столом». Практически критикам нет никакой нужды выяснять особенности его художественного стиля и объект его писательских притязаний. Он сам об этом говорит прямолинейно и исчерпывающе: «Я беру в друзья себе всех вражин литературы: патетику, сентиментальность, телячий восторг – и вместе с ними кратчайшим путем пытаюсь продрасть к одинокому человеку».

Отношение к слову у Чипчикова священное, реликтовое благоговейное. Оно осязаемо, имеет запах, цвет и главное – силу и бессмертье, равное практически божественному: «Построй самый крепкий дом – время сметет его. Роди хоть сотню детей – правнуки забудут тебя. Посади лес, и он сгинет в свой час. Слово – и семя наше, и поколение наше. Слово – это световые столбы мироздания». Слово для писателя – это и неизменный источник, и инструмент проявления любви и сострадания: «И юный, и пожилой нуждаются в малом – он хочет, чтобы его погладили по голове. На то и чья-то рука, чтобы покоилась на голове твоей. Но рука стареет и гаснет, а слово нетленно и безустанно».

Одним из ярких черт прозы Чипчикова является поэтический язык. Не только для литератур Северного Кавказа, но и России он представляется своему новым, невероятно органичным. Тропы, метафоры, аллегории, инверсии – все атрибуты художественного языка в его использовании обретают свое непохожее звучание и интерпретацию. Насыщен текст и неологизмами: «безлюбобвья» (без любви), «разузоренное» (узорчатое) «баюнить», «забытовевшим взглядом», «бесценье свободы». В инверсионной и ассоциативной парадоксальности существует определенная схожесть с языком Андрея Платонова: «взныли ребра», «погрузился душевно в чужой процесс

поедания клубники», «фуражку с беспричинно оптимистическим козырьком», «лица побурели в предчувствии надвигающей справедливости», «поезд пропах устоялостью дивной еды и сладкой неопределенностью предстоящего», «цыгане появились внезапно, как война, победа и сиротство».

Чипчиков, словно рентгенолог, постоянно устремлен вовнутрь не только своей души, но внутрь всех вещей вокруг: дворняга у него – «пес с расшитанной генетикой»; «усталые горы присели бы, да некуда». Причем он считает, что малое по форме (зерно, камень) обладает внутри огромным спрессованным пространством.

Он также мастер создания портрета минимумом штрихов. Описывая букиниста-менялу Жору, Чипчиков обозначает всего два момента: «Он очень большой и сильный и, несмотря на это, очень хитрый»; и его «вялые руки». Последнее он дополняет одной лаконичной, но такой убедительной фразой, что для описания внешности в целом уже больше не нужно ни единого слова: «Я не представляю в этих ладонях спелые вишни». Несовместимость вялых ладоней и спелых вишен, конечно же, не физическая...

Разсуждая о долге, связывающем человека и государство, писатель выводит универсальную пацифистскую формулу: «Святой долг каждого человека защищать отечество свое. С долгом человека ясно, а где же долг государства? А долг государства перед человеком – предотвращать войны, тем самым снимая с человека его долг».

На тему абсурдности и обреченности не только государственного образования, но и отдельно людского мирознания писатель грустно замечает: «На земле лишь одно время – время разбрасывать камни, собирать их – дураков не осталось». Дураки – как олицетворение, горькая ироничная метафора людей совестливых, мудрых и добрых. Но ошибается писатель. Есть еще эти самые дураки. И если не рухнул окончательно этот мир, то только благодаря этим дуракам. И он сам, по собственному утверждению, является этим дураком.

Когда в рассказе «Дворец мой в безлюдной степи» герой приезжает в интернат для умственно отсталых, чтобы раздать садака¹ в память матери, в какой-то момент санитар перепутал его с больным, и герой неожиданно подумал: «Боже, да он меня с ними путает. И такая радость хлынула в меня: значит, не все растерял». Ибо он убежден, что нет ничего страшнее нормальности, ибо до того плачевного состояния, к которому пришло человечество сейчас, его привели разумность и нормальность: «Безумие – это всё то, что именуется «здравым смыслом». И «трезвость» – зримый облик безумия».

Не только в контексте постмодернизма, но и критического реализма, творчество Чипчикова на данный момент представляется неким символическим Граалем северокавказской литературы. Но, в отличие от христианской семантики этого образа, здесь не имеется в виду мистика. Сакральность чаши воплощает в себе простую мудрость, беспрецедентное добро и обескураживающую любовь к человеку. Она способна одарить своим внутренним светом каждого прикоснувшегося к ней. И радость в том, что этот Грааль не нужно искать долго и мучительно, как тамплиеры в свое время. Она рядом. Стоит только протянуть руку – и прочесть.

¹ Поминальное угощение.

Муталип БЕППАЕВ,
лауреат международной премии имени
Махмуда Кашигарского

МОНОЛОГ СЕРДЦА И ДУШИ

Али Байзулла (Али Локманович Байзуллаев) один из самобытнейших поэтов Кабардино-Балкарии. Ему в марте этого года исполнилось бы 75 лет. Но никаких званий, почестей, регалий, даже вечера поэзии при жизни ему не довелось увидеть. А он на всё это не обращал внимания и продолжал писать свои чудесные стихи – монологи на балкарском и русском языках.

У нас удивительное постоянство – никогда при жизни не ценить своих талантливых, великих литераторов. Когда же они уходят в вечность, мы делаем всё от нас зависящее, чтобы их имена совсем бы стёрлись из памяти людской.

С Али Локмановичем я познакомился в Москве, во время вступительных экзаменов в Литературный институт имени М. Горького. Тогда он был студентом 5-го курса. Нас, абитуриентов, информировал о жизни и обычаях в стенах этого знаменитого учебного заведения.

В далёком 1971 году в здании общежития Литературного института я впервые услышал стихи Байзуллы. Он своим хрипловатым голосом прочитал несколько произведений. Всем очень понравилось стихотворение «Машина времён»:

*Нас в Сибири сгноить поголовно пытались,
где же звук их громовых имён?
Кем мы были, мы теми остались:
всех задавит Машина Времён!*

*Будут войны... а там победители злые
будут шкуру сдирать у племён:
где же Римы и Орды Батья?..
Всех задавит Машина Времён!*

Последующие годы выявили провидчество автора, ибо ничто в подлунном мире не вечно, все подвластно Машине Времён...

Дружеские, буквально братские отношения были у Али с талантливым кабардинским поэтом Хасаном Тхазепловым. Я помню, как по-доброму относился Хасан Миседович к своему старшему собрату по перу. Когда он покупал для себя обнову, обязательно брал и для своего друга. Сам был свидетелем и того, как Тхазеплов лечил своего больного

товарища настоями лекарственных трав.

Многие первокурсники при встрече обращались к Али Байзулле: «О солнцеликий, о солнцеподобный, о величайший!» И чувствовалось, что эти слова, конечно же, по душе поэту из Гюрхожана. Его глаза излучали свет, а лицо расплывалось в добродушной улыбке.

Я в последнее время всё чаще и чаще перечитываю стихи своего старшего друга. Как чудесны, как обаятельны, как лаконичны строки Али Байзуллы. В них простота, доходчивость вечного и пульсация жизни:

*О, что мне громкой славы дальний блеск зарниц
и прошлых тяжких дней закаты и рассветы,
когда в тени твоих распахнутых ресниц
сияют для меня две карие планеты?*

Судьба, к сожалению, не была к нему милосердна. Она его неустанно била, колотила нещадно и – выпестовала из рыжеволосого мальчугана великого стихотворца. Он был – сплошная рана, боль своего народа и земли родной.

Это и помогло ему выстрадать, вырыдать, превозмогая страшные душевные и телесные муки, любовь и веру к родной Отчизне. Мы, живые, должны воздать должное этому бунтарю за всё, что он для нас сделал.

А сегодня мы хотим, чтобы читатели «Литературной Кабардино-Балкарии» вновь насладились звёздной россыпью строк Али Байзуллы.

***

Али БАЙЗУЛЛА

МАШИНА ВРЕМЕН

Черный след борозды твоей, мученик-пахарь,
и ты сам – отойдете, как сон:
не помогут ни врач и ни знахарь, –
всех задавит Машина Времен.

И того, кто поднялся во имя свободы,
на майдане повесил закон:
и закон тот низвергли народы, –
всех задавит Машина Времен!

Нас в Сибири сгноить поголовно пытались,
где же звук их громовых имен?
Кем мы были, мы теми остались:
всех задавит Машина Времен!

Будут войны... а там победители злые
будут шкуру сдирать у племён:
где же Римы и Орды Батя?..
Всех задавит Машина Времен!

Но куда весь мир, облаченный на вечность,
и на смех и на плач осужден,
в материнских глазах человечность
не подвластна Машине Времен!

ЗЕРКАЛА

Души моей небо –
пускай оно немо! –
огромное синее зеркало мира,
доступное мне.
Когда я смотрюсь,
оно отражает людей
то далекой звездой,
то ближнею тучкой,
то солнцем – огромным и теплым,
то самолета блестящей иглой,
что лагает закат над долиной,
то – словно крестом осеняющим –
пареньем орла над кладбищем,
то – огромной и чистой луной,
что висит над столетиями,
как поспелое яблоко
на древе народных сказаний.

***

Где длань и мощь твоя, былой Иран?
Где гордые сыны твои, Туран? –
Распался край богатырей-мужчин:
ему платили дань и Рум, и Чин;
арабы с ног его лизали прах,
покуда не возвысил их Аллах...

Все в мире смертно, есть всему конец:
и я умру, как умер мой отец.
Судил ли рок чужие мне края
или, как дед, расстрелян буду я?
Среди утрат и горестных потерь
для сердца есть живительный пример:

былые не роптали в час беды, –
оставили в истории следы,
но те следы порой кровавы так,
что удивился б крови и варяг!..

Где гордые сыны твои, Туран? –
что в бой неслись страшней, чем ураган?
А мы, потомки тех богатырей
и львов, крушивших доблестных царей,
среди отвесных скал, среди степей,
в плену чужих раздробленных идей,
живем в ярме ничтожнейших людей.

ОТЕЦ

Контуженный и еле жив,
нашел он нас вблизи Алтая:
час до Победы не дожив,
девятого он умер мая...
Его лицо, как в дымном сне,
я ныне чуть припоминаю –
я тоже был на той войне
и каждый год я умираю:
Я леденею, стынет кровь, –
лопаты глиной дух стегают.
Десятого, воскреснув вновь,
с живыми в ногу я шагаю.

...На горькой вырос почве я –
солончаковой и бесплодной, –
с печальным горлом соловья,
до доброты всегда голодный.
Вскормили слезы и зола
мои младенческие корни,
и вырос я над ямой зла,
не покорясь беде и скорби.
Так из расщелины скалы
дубы и сосны вырастают:
кривы горбатые стволы,
но бури их не вырывают!

***

Их трусость – их сабля,
их злоба – защита.
Рука их ослабла,
кольчуга пробита.

веду себя страшно –
не пользуюсь властью.

Но я, обуянный
туманною страстью,

Смешны их молитвы,
но зло не срываю:
по правилам битвы
я не добиваю!

***

Пускай не омрачит тебя людское зло,
как тени черных туч цветущую природу,
и я пойму, что наконец мне повезло,
как не везло мне никогда на женщин сроду.

О, что мне громкой славы дальний блеск зарниц
и прошлых тяжких дней закаты и рассветы,

когда в тени твоих распахнутых ресниц
сияют для меня две карие планеты?

***

Золотисты твои очи,
темны волосы и бровь,
и фигура, между прочим,
очаровывает кровь.

Ты пройдешь своей дорогой,
не виню и не корю:
за грядущую тревогу
я тебя благодарю.

Страсть и дрожь я скрою ловко,
Не обижу. Приходи.
Сердце бьется так чертовски
в взбаламученной груди!..

Бес меня попутал снова!
Каждый раз я вновь и вновь,
убегая от любви,
спотыкаюсь о любовь!

***

Фантазией моей мечты
галактику объемля даже,
я воровал у красоты,
не видя кражи в этой краже.

Любовной жаждою томим,
я не бросался в пропасть с кручи:
и я любил и был любим.
любим – как грозовые тучи!

Мой путь замешан был бедой:
я жил, не наедаясь хлебом,
полуголодную звездой
мерцающей в небе перед Фебом...

Я – пасынок, я глух и слеп,
и для меня одна награда –
фантазия, любовь и хлеб, –
и больше ничего не надо!

***

Меня ничто не волнует
И ничто не касается,
Бриз перемен протестует,
Причина следствием станется.
Вирус безмолвия множится,
Сознание тлеет рутиной.
Завтра что-нибудь сложится
Благополучной картиной.
Раз. Пациент-обыватель,
Машина переработки.
Два. Человек-основатель,
Словно искра из проводки.
Меня ничто не волнует,
Модная лба гравировка.
В тренде народ марширует,
Такая вот экипировка.

***

Зима, несмотря ни на что,
Является снова, и вновь
Зима облачает в пальто
Прохожих. Отбросьте «любовь».
Зима проберет до костей,
Сгущая гемоглобин,
Поток бесконечных людей,
Проглотит трамплинов трамплин.

Кутаясь в вороты курток.
С озябшими пальцами рук,
Дюжину раз в течение суток
Привычно штурмуем фэйсбук.
Зима – несмотря ни на что,
Хоть термометр клонится в плюс,
Маябрь и после и до,
Засела зима в ритме чувств.

***

Достаточно ли нам знамений,
Мерцает светоч на пути.
Среди Вселенских измерений,
В каком формате путь пройти.

Молекулой брошенной в небо,
Парю вне гравитации.
Я сердце и земное эго
Инопланетной корпорации.

***

В гардеробном шкафу, как правило, тесно,
Для новшества все же отводится место,
В гардеробном шкафу сотни предметов,
Комбинация личностей для разных моментов.

***

Произнеси любое слово,
Оно к тебе вернется эхом.
Волненье прилететь готово,
Как преклоненье за успехом.
Произнеси любое слово,
В ответ услышь мои слова,
Они не повторятся снова:
«Вчера мне было двадцать два».

***

Семь чайных роз, как будто желтых,
В сосуде, тронутом веками,
В тревоге, словно что-то жжет их,
И рядом брошен Мураками.

Тряхнув оконные консоли,
Вошла весна, раздвинув стены,
Но сердце в изморози, что ли,
И не приемлет перемены.

***

Э. М.

Здравствуй, милый. Занят чем на сей момент?
И вполсилы в легком вакууме полусвет,
Что поглощает дым табачный, томный взгляд
И шахматных фигур нестройный ряд.
Он будто призывает все ко сну,
Рассвет багряный обещая в золоте,
И платоническую умертвить весну,
Забыв ее навечно в этой комнате.

***

Как быстро промелькнут и канут праздники,
Их кружевом закроет белый снег!
Приходится решать проблемы разные,
Перед рекой событий – жизни бег...
Приходит ненароком к нам раскаянье,
И сердце вылетает из груди.
Зачем зовут к себе дороги дальние,
Где рядом с солнцем шелестят дожди?
Пусть, как столбняк, – перед собою исповедь,
Как извержение лавы – боль потерь.
За горизонтом счастье трудно высмотреть,
В минувшее закрыть непросто дверь,
Где пред собой наивными и чистыми
В проёмах отражаемся окон...
Лишь сердца стук наивно и неистово
Расплёскивает жизни перезвон...

***

Королевская поступь крестьянской души –
Бродит тенью в исканиях вечных:
То заблудится ветром в еловой глуши,
Как вселенная, став бесконечной.

То блуждает котёнком пушистым в саду,
То тревогой плывёт по ущельям,
То не видно её, то у всех на виду,
То с душистым сплетается хмелем.

То высоты берёт, что казалось не взять,
В пропасть камнем слетает в мгновенье,
То как мачеха, то – терпеливая мать,
То звучит она стихотвореньем.

Нет преград ей, то бродит она по лугам,
То грустит на далёком перроне,
То рабыней она припадает к ногам, –
Королева на царственном троне!

***

Мой маленький город –
В глуши занесённый снегами,

Так трепетно дорог –
Сказать невозможно словами.

И в нем я читаю
Смятенье, надежду и страсти...
Иду я по краю,
Но время приходит прощаться.

Тревожная память
Пластом многослойным ложится:
Не может не ранить –
Лишь стёрлись знакомые лица.

И я – будто птица,
Парю, обещая вернуться,
А ночью приснится
Мне солнце, как круглое блюдце,

Аллея в берёзах
И тихая суетность улиц.
Придёт всё во грёзах,
Чтоб снова надежда вернулась.

«Прощай» – я не крикну,
А тихо скажу: « До свиданья.»
Сквозь годы возникну
На грани дорог мирозданья...

***

«Нет времени читать», – так часто слышим.
В познаниях растём мы только выше.
Заполонил, в жизнь вторгся интернет,
И времени на книги просто нет!

Пылятся по шкафам, грустят на полках,
И оказались явно на «задворках»,
А ведь когда-то душу врачевали
Источники любви, добра, печали.

Читаешь книгу, шелестишь страницей,
И мысли улетают, словно птицы...
А ведь недалеко те времена,
Когда читала книги вся страна!

***

Опять в нетопленном вагоне...
Колёса стонут: «Почему?»
Снег побелил всё на перроне
И разделил на свет и тьму.

Фонарь качается унылый –
Тоскливым светом на перрон...
И серебрит на окнах иней
Тьмы нескончаемый затон.

Лишь в отражениях вагонных –
Собранье всевозможных дат.
И, тусклым светом освещённый,
В стекле мы ловим чей-то взгляд.

Сквозит рассеянность вниманья,
Взгляд устремлён в ночную тьму...
И за стеной непониманья –
Ответа нет на «почему?»...

***

Ты назначил мне встречу в ушедшем году,
Там, где небо с землёю смогли повстречаться,
Где ревниво туман охраняет звезду,
Где пропитано всё ароматом акаций.

Где-то там впереди наших губ забытьё,
Песня чувств, доходящая до откровенья.
Длится наше свиданье – твоё и моё,
И сливаемся мы с необъятной вселенной.

Рядом ты, только встреча ещё впереди –
Наших рук, наших глаз, наших душ единенье,
Где под солнцем слетают слепые дожди.
Окропляя любви и надежды рожденье!

Мурадин ТЛУПОВ**ЛИХАЧИ**

Дрожит асфальт, метут ветра,
и перекрещены пути.
Старушка к «зебре» подошла –
как перейти?

Резки звонки, ревут гудки, –
машин на улицах – не счесть,
как гаркнут вдруг не по-людски,
как не присесть?

С утра пораньше весь народ
спешит на службу, как не мчать?
Кого-то ждет плохой исход,
но как узнать?

Коль нет мозгов у лихача,
то – мостовая здесь узка –
за жизнь его не дам сейчас
и пятака.

Джигит, тебя табун несет
на сколько лошадиных сил?
Какой растил конезавод
мотокобыл?

Четыре верных колеса
так на дороге хороши!
Не торопись, на небеса
зачем спешишь?

Летишь, как будто сотня лет
тебе отмерена судьбой,
но за мгновенье гаснет свет
с такой ездой.

Твоя коробка из фольги –
не НЛО, не звездолёт,
любой лихой бронемобиль
свой столб найдет.

Коль на себя тебе плевать,
так не ломай судьбы чужой.
Отчаянье, тоски печать –
навек с тобой.

Ведь зло запомнит и трава,
ответит всяк за каждый грех,
и тот, кто продает права, –
виновней всех.

Беда не любит быть одна,
за нею вслед идет печаль,
слеза как море солоня –
не замечал?

Как много лихачей у нас!
Шумит дорога до утра,
опять невмочь сомкнуть мне глаз,
хоть спать пора.

АМНИСТИЯ

Какой-то праздник вдруг случился где-то –
из камеры поперли в тот же день.
Я быстро понял, как нам лжет газета,
ох, дурят же порядочных людей!

Тюремная, мол, жизнь – сплошные муки!
Да черта с два! Спокойно я сидел.
Мой кредитор со мною был в разлуке,
а я бесплатно пил, бесплатно ел.

Свободен и ободран словно липка,
теперь живу с бомжами под мостом.
В тюрьме – обед, пусть макароны липки...
А дальше что? Что ждет меня потом?

СТАРЫЙ ДОМ

Старый дом вздохнул устало:
ветер бродит под окном.
Птица мимо пролетала,
в пыльном вихре ветряном.

Как все быстро пробежало...
Солнце село, ветер стих.
Птица грустно щебетала
то ли песню, то ли стих.

Было время – миновало,
двор заброшенный зарос,
ни гумна, ни сеновала
и – репейник вместо роз.

Не мяучит даже кошка,
каждый день – позавчера.
А когда-то под окошком
хохотала детвора.

Скот мычал, коса звенела,
зажигали в доме свет,
на крыльце, закончив дело,
табачок курил мой дед.

А когда сгущались тени,
уложив ребят с трудом,
запирали на ночь сени,
и тогда, в тиши и лени
отдыхал спокойно дом.

БЕЗУМЕЦ

Безумец! – говорят друзья,
но я их не виню.
Ведь был неосторожен я
и подошел к огню.

Я сам себя пойму едва ль,
меня ругают – мне не жаль.
Я будто впрямь горю в огне,
теперь одно лишь надо мне:
хочу девичий стан обнять,
но мне отказано опять...

О, быть безумцем нелегко,
но я шепну ей на ушко,
одно заветное словцо,
и вспыхнет милое лицо.
Мы в парк пойдем, хоть поздно,
считать на небе звезды.

А ранним утром у реки
я наконец коснусь руки,
и мир сторит зарей...
Меня увидят кунаки
и назовут – герой!

ЗАТКНУТЬ МУДРЕЦА

Когда я помоложе был –
юриспруденцию зубрил,
грыз философии гранит,
и был повсюду знаменит
как сильный математик,
ученый и догматик.

Сейчас я думаю тайком:
каким же был я дураком!
Понятно даже и ежу –
теперь в магистрах я хожу.
Полсотни лет других учу
подобно дятлу-толмачу.

Предмет толкую так и сяк,
чтоб понял даже и дурак.
Но как студентам втолковать,
что не в цифири благодать,
как уберечь моих юнцов
от всех ошибок их отцов,
чтоб в жизни горечь и хула,
не тронув, мимо них прошла.

Теперь ученых – пруд пруди,
юристы все, и все – вожди.
Врачи, писатели, муллы, –

как все умны! Как все смелы!
Но чуть копни, король-то наг.
И с ним не сделаешь и шаг.

И я – невежда без конца –
всю жизнь играю мудреца...
Давно я людям надоел,
разоблачая беспредел.
У правды – острые края,
и в ранах – все, и в ранах – я.
Устал, прошу честной народ:
– Заткните, кто-нибудь, мне рот!
А он и рад не задевать,
но душу жжет глагол опять.

Таков поэт: чуть мысль блеснет –
и лиры звук пошлет в полет,
и как судьба, как волшебство
стихи нисходят на него.

Мир не шадит, Бог не хранит.
Он вряд ли будет знаменит.
Награда ждет его не здесь.
Но есть строка – благая весть,
когда сидит перед огнем
и новый мир творится в нем.

МОЙ ДЕД

В жестокое время родился мой дед,
не купчик и не дворянин.
Хлебнул при царе он страданий и бед,
ведь был от сохи – крестьянин.

Ни злата не нажили, ни серебра,
лишь честь он ценил и хранил,
ведь был не из тех – ни кола, ни двора,
хозяин он был – крестьянин.

Он предком гордился – солдатом лихим,
отчаянным богатырем,
тот славился нравом упрямым своим,
за что был повешен царем.

Дед грамоте не был обучен – не князь!
Поэтов прочесть он не мог,
но сживал часто, над книгой склонясь.
Что мог он понять между строк?

Когда ж недовольство, плотину прорвав,
народ подняло на дыбы,
мой дед показал свой решительный нрав –
солдата со стойким крестьянином сплав –
он славной достоин судьбы.

ПРИДЕТСЯ НАКОНЕЦ СКАЗАТЬ

Шипят соседи в спину: «Шелупонь!»
Мне все равно, я ухом не веду.
Что ж, если ты бездельник – пустозвонь,
я время уделяю лишь труду.

Откуда столько злобы? Ты богат,
последней марки твой автомобиль.
В сравненье с ним мой скромный «агрегат»
давно уже пора сдавать в утиль.

Так почему же все наоборот?
Не я тебе завидую, а ты
смесишь свою завистью народ,
дошел уже до лжи и клеветы.

Не потому ли, что невежа ты,
что ты лишен души и красоты?
А если снова будешь клеветать,
придется наконец тебе сказать,

что как себя, дружок, ни титулуй,
но так и лезет из тебя холуй –
и не удастся спрятать до конца
кривого и скупого подлеца.

Жаухар АППАЕВА,
искусствовед

ТРОПА К СЕРДЦУ

Живописец Василий Иванович Плотников не принадлежит к числу тех, кто ищет новизны исключительно в новом стиле, который на поверку часто оказывается чем-то давно известным. В его живописи нет ощущения гонки за чем-то необычным, поражающим зрителя. Напротив, она скромна и непритязательна.

Компетентность в вопросах живописи, широкая информированность, пожалуй, отличительные черты сегодняшних художников. Эти же черты присущи и Василию Ивановичу, хотя он не спешит, как некоторые нетерпеливые живописцы, полученную информацию тут же претворить в свои произведения. И не сразу видно, что живопись В. Плотникова несет на себе печать влияния не только русского и советского, но и современного западного искусства. Но эта связь осуществляется так тонко, так ненавязчиво, что обнаруживаешь ее как-то исподволь, не столь явно. И никогда эти отзвуки не разрушают его собственную художественную концепцию, его образно-пластическую систему. А ведь это и есть свидетельство самостоятельности мышления художника.

Еще в довоенные годы В. Плотников посещал изостудию Дворца пионеров в Нальчике. Там он постигал азы изобразительного искусства. Занятия в кружке прервала война. Война, ее зверства навсегда остались в памяти художника. Дом, в котором жил четырнадцатилетний Вася Плотников, был разрушен. Семья чудом уцелела: в это время никого не было дома. Более жестокой она оказалась по отношению к другим. В тот день погиб его товарищ, живший по соседству. Не вернулись с войны его старшие друзья – студийцы, ушедшие на фронт в самом начале войны. Но жизнь продолжалась. Сразу после освобождения Нальчика в краеведческом музее была открыта выставка произведений местных профессиональных и самодеятельных художников. Большинство работ было посвящено теме войны. В. Плотников показал на ней свою первую картину, посвященную Великой Отечественной войне, «Вернулся солдат». В ней живо передавались чувства советских людей, вынесших на своих плечах тяготы войны. В основу полотна легла обыкновенная история тех лет: солдат с ребенком на руках, стоящий перед руинами родного дома. Пусть работа еще не была выполнена с должным профессиональным мастерством, но людям она была близка и понятна. Потом этот холст кочевал с передвижной выставкой по городам и селам Кабардино-Балкарии.

На творческий путь художника благословила первая послевоенная

экспозиция, развернутая в краеведческом музее в Нальчике сразу после изгнания фашистов с территории республики. Эта выставка стала прологом его дальнейшей работы над военной тематикой, над образами ветеранов Великой Отечественной войны, которые составили портретную галерею. Среди них особенно выделяется портрет ветерана войны, Героя Советского Союза, нашего земляка И. К. Липчанского. Написал он и большую тематическую картину «Военный парад на Красной площади». Главной задачей автора было показать мощь нашей Родины, страны, уничтожившей фашизм. Это впечатление создавали четкие ритмы композиции: колонны ракет и танков на фоне Исторического музея, общее приподнятое настроение картины. В 70-е годы В. Плотников закончил работу над небольшим холстом «Ополченец», отличающимся простотой и задушевностью. И сегодня он по-прежнему предан теме Великой Отечественной войны, но в центре его внимания также и наши мирные будни, как результат той великой победы.

Расцвет творчества художника связан с периодом интенсивных стилистических поисков в советском искусстве в 60-70-е годы. Однако художника никогда не соблазняла возможность варьирования чужих пластических находок. Он посвятил себя поискам собственного пути в искусстве. Василий Иванович обладает своеобразной устойчивой манерой письма. Его живопись свидетельствует о том, что ему вовсе не нужно бросаться от одного стиля к другому в поисках выразительных средств для передачи своих чувств и мыслей. Они вполне укладываются в эту отработанную годами манеру с небольшим арсеналом средств, но достаточно подвижную. Несмотря на динамизм стиля Плотникова, его творческий почерк узнается сразу благодаря тем качествам, которым трудно найти словесный эквивалент, но которые так бросаются в глаза даже неискушенному зрителю.

Василий Иванович обращается ко многим жанрам, но свое истинное призвание он нашел в портрете – жанре, в котором он наиболее глубоко может передать свое отношение к людям.

В основе работы над портретом лежит пристальное изучение модели. Портреты В. Плотникова свидетельствуют об интересе автора к внутреннему духовному миру человека. Они всегда просты по композиции, выполнены без внешних эффектов. Зато всем им присущ глубокий психологизм. Портрету предшествуют долгие поиски, по словам художника, «оптимального» варианта в подготовительных работах, этюдах. И только тогда, когда образ кажется портретисту достаточно выношенным, он переносит его на холст. Но это лишь последний, самый трудоемкий, часто еще более длительный этап работы. Образ человека в портретах, выполненных В. Плотниковым, предстает в различных аспектах, с выявлением того ценного, что концентрирует в себе его современник. Многочисленны у него портреты представителей творческой интеллигенции: писателей, музыкантов, художников.

Подлинный монументализм отличает портрет дирижера Юрия Темирканова, выполненный в 1969 году. К образу замечательного музыканта он обратился неоднократно. Вполне законченными оказались

два варианта портрета. Первый вариант (1969), пожалуй, более удачен. Фигура дирижера дана крупным планом, максимально приближена к зрителю. Энергия, внутреннее горение, полное растворение в звуках музыки – такое художественное воплощение получил образ знаменитого дирижера. На обсуждении выставки произведений художников автономных республик в 1971 году в Москве, где экспонировалась эта работа, о ней очень тепло отозвался академик В. В. Ванслов.

Портрет Юрия Темирканова

Портрет балкарской поэтессы Танзили Зумакуловой дает представление не только о богатой духовной жизни модели, но, в первую очередь, подчеркивает ее интеллектуализм. Умело воссозданы неповторимо-личные черты и манера Танзили Зумакуловой, и одновременно находятся художественно-выразительные средства, способные передать отношение автора к портретируемой. Мизансцена – уголок кабинета поэтессы – вносит элемент жанровости в композицию, как бы создает творческую обстановку, в которой она работает.

Творческих удач у портретиста много. Прежде всего, потому, что в каждом портрете он ставит перед собой конкретную задачу, стараясь не повторять уже найденные, приносящие успех решения. Стоит вспомнить портрет его дочери Людмилы, который по-своему прост и сложен. Пожалуй, в этом портрете с наибольшей силой сказалась попытка автора материализовать свое понимание прекрасного. Портрет отличается удивительной найденностью композиции, особой задушевностью, диктуемой самой моделью. Как большинство других его портретов, он носит камерный характер. Выбором немногих изобразительных средств он достигает психологической углубленности образа.

Активность личности подчеркнута живописцем в целой галерее портретов спортсменов. Истоками его постоянного обращения к образам спортсменов являются его любовь к спорту, глубокое понимание психологии, внутреннего мира и интересов спортсменов. Негромко, без претензий он сумел в них передать свои чувства. Как и другие портреты Василия Ивановича, они объективны. Это в наш век, когда слова «я пишу не так, как вижу, а так, как мыслю» стали девизом многих современных художников. В. И. Плотников далек от столь вольного обращения с моделью. Образ спортсменки Ф. Батыровой сочетает в себе мужественную красоту и женское обаяние. Как и в других его портретах в нем сделан акцент на морально-нравственные качества девушки. В портрете Хасана Ахова можно сразу узнать спортсмена по энергичной посадке головы, крепкой шее, мощному развороту плеч. И здесь находят отражение такие важные спортивные качества, как физическая и духовная сила, не-

сгибаемая воля – те черты, без которых невозможно добиться спортивной победы. Собственно говоря, какую бы картину ни создавал автор, на первый план выступают такие свойства его живописи, как высокая культура рисунка, вдумчивое отношение к изображаемому.

В «Работнице», например, создан обобщенный образ современной советской женщины-труженицы. Специфическая для модели поза – со сложенными на груди руками, индивидуализированное лицо, все сделано с жизненной убедительностью. Здесь, как и в других своих работах, художник утверждает жизнь такой, какая она есть.

Жанровой картине в творчестве художника отведено более скромное место. Большинство его тематических полотен, к сожалению, оказались за пределами республики. Но и те, что сейчас находятся в его мастерской, говорят о нем, как о мастере и этого жанра. Лучшие работы способны заставить зрителя размышлять о жизненных проблемах. Тематическая картина «Рабочая смена» приносит ощущение полноты жизни, связанного с удовлетворением, полученным от труда.

Диапазон тем и сюжетов у художника не очень обширен, но в пределах поставленной задачи он умеет достичь полноты раскрытия темы.

Большой интерес вызывают также пейзажные работы и натюрморты. Для Василия Ивановича Кабардино-Балкария – это край его детства, край, с которым он связал всю свою жизнь. Вполне естественно его постоянное обращение к ее природе, ставшей источником вдохновения для художника. В пейзажах всегда торжествует лирическое начало, так как он вкладывает в них личные переживания, свое настроение. Часто прозаические мотивы получают поэтическую окраску. Пейзажи построены на пленэристических принципах. Свежестью мировосприятия отличаются его полотна «Майский дождик», «Озеро», «Пасмурный день».

Натюрморты Василия Ивановича построены на смелых контрастах света и тени. Здесь нет эффектных живописных решений. Все в них упорядочено, сгармонизировано. Несмотря на близость предметного мира в натюрмортах живописца к природным формам, мы не чувствуем у него попытки натуралистического воспроизведения реальных предметов благодаря тому, что это не простой перечень предметов. У него ясно чувствуется желание этот предметный мир представить как часть бытия человека. Художник любит мир вещей, окружающих людей, пытается с их помощью создать в воображении зрителя не только обстановку дома, но даже представление о его владельцах. Неторопливо и вдумчиво воспроизводит он в своих холстах фрукты и овощи («Натюрморт с гранатами»), умело передает очарование и свежесть букета («Цветы»).

На вопрос о планах автор не спешит ответить, никогда не было у него уверенности в счастливом завершении произведения. Недаром он признается в том, что перед чистым холстом всегда испытывает священный трепет. Ведь это очень сложная задача – не только замыслить композицию, но довести ее до конца, добиться нужного звучания. Как говорит Василий Иванович Плотников, из множества путей воплощения идеи лишь один может оказаться плодотворным. И если удастся отыскать нужную тропу, она приведет к сердцу зрителя.

«ЭТО МОЯ ПРОФЕССИЯ...»

– Я родом из селения Заюково, – рассказывает гость нашей рубрики Албек Хупсергенов, заслуженный артист России, певец, обладающий потрясающим голосом. – Учился в Баксанской школе-интернате. Там был очень сильный педагогический состав. Многие выпускники этого учебного заведения – сегодня люди известные в республике. Я всегда увлекался музыкой: играл в духовом оркестре на трубе и кларнете, пел в хоре, но на первом месте для меня тогда стоял спорт. Всерьез занимался футболом, легкой атлетикой, и даже не думал, что когда-нибудь стану певцом.

А. Хупсергенов

В старших классах Албек уже играл за баксанский футбольный клуб «Автомобилист», но неожиданная встреча изменила его судьбу.

– Меня пригласили спеть на каком-то юбилее. Там присутствовал один из первых оперных певцов в Кабардино-Балкарии, выпускник Ленинградской консерватории Владимир Касимович Кодзоков. Я спел под гитару кабардинскую народную песню «Сармах». Владимир Касимович подошел ко мне и говорит: «Ты должен петь. У тебя уникальный голос. Завтра жду тебя в музыкальном училище». Я попытался объяснить, что занимаюсь футболом, мечтаю играть в нальчикском «Спартаке», но мой новый знакомый меня даже слушать не стал. Он говорил так убедительно, что я задумался: «Может, действительно музыка – это то, что мне нужно». Мой дядя, Хамид Дикинов, работал на радио, он хорошо знал Кодзокова и привел меня в музыкальное училище. Там уже собрались педагоги во главе с директором – Мусой Хабаловичем Хасановым. Как выяснилось, это было мое прослушивание, инициированное Владимиром Кодзоковым. Я сел за фортепьяно, играл, конечно, плохо. Спел несколько кабардинских песен и мне объявили, что я принят в училище. Признаться, даже экзамены толком не сдавал.

Албек вырос в музыкальной семье. Его мама великолепно играла на балалайке, танцевала. Отец тоже занимался хореографией. Они танцевали в одном ансамбле. Именно там познакомились, потом поженились.

Тем не менее, узнав, что сын решил профессионально заниматься музыкой, родители были категорически против. Уговорил их дядя будущего певца.

Окончив второй курс музыкального училища, Албек был направлен в Астраханскую консерваторию. Проучившись там три года, наш земляк перевелся в Воронежскую консерваторию, которая считалась более престижной, кроме того в городе был замечательный оперный театр, в котором будущий артист проводил практически все свободное время.

Государственный экзамен Хупсергенов сдавал именно в этом театре, исполнив партию Валентина из оперы Гуно «Фауст».

– Перед спектаклем меня спросили: не боюсь ли я выступать со знаменитостями. «Это моя профессия», – ответил я, хотя на самом деле страх, конечно, был. Я очень нервничал, я и до сих пор, выходя на сцену, переживаю. Если перед выступлением артист не испытывает трепета, волнения – он может поставить крест на своей карьере.

После удачного дебюта в Воронеже наш земляк пел в Новосибирске. Там выступало 150 оперных певцов, съехались режиссеры из крупнейших театров страны. На заключительном концерте Альбек попал в десятку лучших. Тут же последовала масса предложений: молодого певца пригласили в Мурманскую филармонию, в Свердловский, Воронежский, Новосибирский оперные театры. Артист собирался остаться в Воронеже. Ему нравился этот город с прекрасными оперой и балетом, с высокой культурой зрителей. Но тут в дело вмешался тогдашний министр культуры Константин Эфендиев. Он не собирался терять талантливого певца. В Воронеж был срочно отправлен Анатолий Борисович Супер – главный дирижер Музыкального театра. Его задачей было уговорить Хупсергенова вернуться на родину.

Певец приехал в Нальчик и стал работать в Музыкальном театре. Его первой работой стала роль Арифа в оперетте Гаджиева «Кавказская племянница».

Оперному певцу играть в оперетте непросто, тем не менее, Албеку это удалось.

– Разговаривать на сцене я не умел, и в течении двух лет занимался самостоятельно. После чего свободно пел в классических опереттах.

Театр – мистический вид искусства. Он редко кого отпускает. Сцена где-то сродни наркотику. У нашего гостя даже мысли не возникало поменять профессию. За годы работы в театре он исполнил 33 главные партии в операх и опереттах. Спел Евгения Онегина, Алеко, Жермона в «Травиате», Генриха Айзенштейна в «Летучей мыши», до сегодняшнего дня исполняет партию цыганского барона. Однако самая любимая роль артиста это Риголетто в одноименной опере. Наверное, у каждого артиста есть несыгранная роль, о которой он мечтает. У Хупсергенова это партия князя Игоря из оперы Бородина

В 1995 году Альбек Хупсергенов стал заслуженным артистом России. В Москве проходила декада нашей республики. В зрительном зале сидели первый президент КБР и, рядом с ним, Борис Ельцин. В Концертном зале России в сопровождении симфонического оркестра наш гость исполнил арию Мистера Икса и так потряс президента России, что тот дал указание – по возвращении на родину, в течении двух дней, присвоить певцу звание заслуженного артиста РФ.

В свободное время, помимо классических произведений, наш гость с удовольствием слушает советскую эстраду. Ему нравятся Муслим Магомаев, Юрий Антонов, Иосиф Кобзон, старые песни Аллы Пугачевой.

Певец предпочитает активный отдых в кругу друзей. К сожалению, многих из них уже нет в живых. Ушли Ахмед Пачев, Хасан Добагов,

Исмаил Жанатаев, с которым наш собеседник дружил семьями. Конечно, у певца остались друзья. Это Руслан Сокуров, Лиуан Емкужев, Мухадин Батыров.

У артиста три дочери. Внук совсем маленький, но наш гость уверен, что мальчик обязательно станет музыкантом.

– Он такое выделывает, – смеется артист. – Обеими руками барабанит по клавишам фортепьяно, то же самое проделывает с гитарой. Стоит мне подойти к музыкальному инструменту – моментально успокаивается и слушает, открыв рот.

Супруга Албека преподает английский язык, хотя в детстве тоже хотела стать певицей.

– У нее неплохой голос, но поет она исключительно для близких, – говорит наш гость.

Свою будущую жену артист знал с детства. Их дома стояли на одной улице, буквально в ста метрах друг от друга. Уже после окончания консерватории Албек встретил Людмилу на каком-то сельском торжестве. Родители были не против свадьбы, и через какое-то время молодые люди поженились.

У любого известного артиста есть поклонницы. Наш гость не является в этом смысле исключением. Супруга певца всегда относилась к этому спокойно. Она знала его отношение к семье, и полностью доверяла мужу.

Что касается одежды, стиль нашего гостя можно назвать сдержанно-элегантным. Классический костюм, галстук – ничего вычурного и кричащего. Однако так он одевается не всегда. Приезжая в родное село, Албек может позволить себе джинсы или спортивный костюм.

Как и большинство представителей сильного пола, наш гость любит вкусно поесть. Его супруга прекрасно готовит, но есть проблема: концерты, выступления презентации не позволяют регулярно питаться.

– За 3-4 часа до выхода на сцену есть вообще нельзя, но иногда очень хочется, и это меня раздражает, – улыбается артист.

В отличие от некоторых своих коллег, он не соблюдает никаких диет, не носит шарфа. Албек считает, что организм нужно закалывать и приучать к любой пище.

В его семье предпочтение отдается традиционной адыгской кухне. Кроме того, супруга певца делает замечательные салаты, которые Албек с удовольствием ест.

Прошедший год в целом был для него успешным.

– Я жив, здоров, у меня хорошая семья – что еще нужно человеку. После рождения внука я вообще стал смотреть на жизнь по-другому, – говорит артист.

На вопрос, что он ждет от наступившего года, Албек ответил:

– Сейчас на нашей эстраде много случайных людей, абсолютно лишенных слуха и голоса. Хотелось бы, чтобы профессиональных исполнителей, которых в нашей республике немало, публика знала и ценила. Кроме того, пользуясь случаем, желаю всем нашим землякам мира. Делить нам нечего, и, думаю, относиться мы должны друг к другу по-доброму, вне зависимости от национальности и вероисповедания.

Мурадин Думанов: не будет театра – не будет нации

М. Думанов

Сегодня у нас в гостях заслуженный артист Кабардино-Балкарии, актер, музыкант, драматург, автор и исполнитель песен и руководитель театра эстрады Мурадин Думанов. Его день буквально расписан по минутам, тем не менее, артист нашел время для беседы с корреспондентом «ЛКБ».

Известный артист родился в Кисловодске, позднее семья переехала в кабардинское селение Псынадахо.

– У нас была музыкальная семья, – вспоминает он. – Моя мама прекрасно играла на гармонике, отец великолепно исполнял старинные адыгские песни. Вероятно, поэтому я с удовольствием слушаю и играю национальную музыку, не важно – кабардинская она, балкарская, грузинская, или украинская. Очень люблю старинные русские песни. Что касается детства, сначала я подыгрывал маме на гармонике, потом появился интерес к другим музыкальным инструментам. Научился играть на балалайке, потом стал играть на акустической и электро- гитарах, духовых инструментах.

– «Битлов» в юности слушали?

– А кто их не слушал? И «Битлз» и «Роллинг стоунс». Конечно, тогда с этим было туговато, особенно в селе. Если у кого-то появлялся транзистор, мы собирались у него дома и слушали зарубежную музыку и, конечно, «вражеские» голоса. Между прочим, у нас в стране тоже были замечательные коллективы: «Цветы», «Самоцветы», «Голубые гитары», «Добры молодцы», позднее появились «Песняры», «Ялла»... До сих пор, какую бы музыку я ни слушал, всегда ищу обороты, близкие к адыгской. Например, мне очень нравятся традиционные шотландские композиции, и я нахожу в них немало аналогий с нашей музыкальной культурой. С удовольствием слушаю шотландскую эстраду, классику рока: «Дип Перпл», «Пинк Флойд», «Лед Зепплин»...

– В средней школе вы занимались в художественной самодеятельности, а ансамбль у вас был?

– Нет. В ансамбль я попал по приезде в армию. У нас была довольно неплохая группа, состоящая из четырех музыкантов. Мне повезло, что я встретился с этими ребятами, двое из них окончили консерватории. От них я многому научился. Вернувшись после демобилизации, узнал, что в «Щуку» набирают студентов кабардинской театральной студии. Хотел сдать документы, но опоздал. И тут судьба свела меня с актером Черкесского драматического театра Мухарбеком Аковым. С легкой руки этого человека я стал работать в театре, который сейчас носит

его имя. Спустя какое-то время вернулся в Нальчик и устроился в театр Кабардинской драмы. Практически одновременно близко сошелся с ребятами из «Кабардинки». Узнав, что я неплохо танцую, они стали уговаривать меня всерьез заняться хореографией. В ансамбль меня взяли, и с 1976 по 1985 год я танцевал в коллективе под руководством легендарного Мутая Ульбашева.

– Вы считаете его гениальным хореографом?

– Вне всякого сомнения. Я очень рад, что встретился с этим человеком. Кроме того, мне посчастливилось лично знать Хашира Дашуева. Очень горжусь, что, хоть и недолго, работал с Григорием Юрьевичем Гальпериным. Это уникальный балетмейстер. В свое время он был соратником Моисеева – создателя всемирно известного ансамбля. Гальперин руководил несколькими национальными коллективами, потом пришел к нам, в «Кабардинку». Позднее работал с Кубанским казачьим хором, с Государственным туркменским ансамблем танца. Программа, которую мы в то время исполняли, появилась благодаря ему и Мутая Ульбашеву, который прекрасно разбирался в национальной хореографии. Вместе с Гальпериным они составили великолепный тандем – «Кабардинка» в те времена гремела. Как-то раз наши танцоры выступали в Музыкальном театре. Толпа буквально снесла милицейское оцепление, разбила стеклянные витрины...

– В каких странах вам довелось выступать за девять лет работы в ансамбле?

– Практически во всех государствах соцлагеря. Кроме того, я побывал в Испании, Греции, на Канарах. В Тунисе, Алжире, Марокко, Индии.

– Что больше всего впечатлило в зарубежных поездках?

– Перед выездом за границу нас собирали и проводили инструктаж: ребята, если даже увидите что-то диковинное, не обращайтесь на это внимание, но глаза ведь не заклеишь. Ощущения были непередаваемые: совершенно другие люди, другой мир. Когда мы надевали вещи, привезенные из-за рубежа, весь город разглядывал нас, как музейные экспонаты.

– Если уж разговор зашел про одежду, часто приходится слышать, что надевая черкеску, человек чувствует себя совершенно иначе. Вы согласны с этим утверждением?

– Конечно. Иначе идешь, стоишь, сидишь. Человек преобразается – меняется осанка, манера поведения. Тут можно провести аналогию с военной формой.

– Скажите, а ваша неизменная папаха – это дань традиции?

– Папаху я ношу с детства, по примеру отца. Это самый главный элемент черкесской одежды. Башлык, папаха считались продолжением головы. Когда умер мой отец, мы раздали всю его одежду, за исключением двух вещей: я оставил себе башлык, а младший брат – папаху.

– Вы человек популярный. Повышенное внимание окружающих не раздражает?

– Любому актеру приятно, когда его узнают. Наш менталитет предполагает теплое отношение к известным артистам. С другой стороны, человек публичный вынужден постоянно держать себя в руках, особенно тща-

тельно следить за своим внешним видом, словами, поступками. Кроме того, встречаются довольно навязчивые поклонники. Я, например, давно не хожу в кафе, рестораны – стараюсь не привлекать к себе излишнего внимания.

– Можете рассказать какой-то курьезный случай, связанный с популярностью?

– Даже и не знаю. Трудно вот так сразу что-то вспомнить... Однажды меня перепутали с Хусейном Маремуковым. Приезжаю в Институт культуры и искусств забрать на концерт одного студента. Преподаватель говорит: «Хусейн, парня я, конечно, отпускаю, но почему ты никогда не приглашаешь меня на свои концерты?».

– В «Кабардинке» вы танцевали до 1985 года. Что произошло потом?

– Я снова вернулся в кабардинский театр. Моими учителями стали замечательные актеры старой плеяды. Али Тухужев, Тимофей Жигунов, Куна Дышекова, Султан Каздохов, Мухадин Секреков, Казима и Леонид Эркеновы... Если говорить о балкарских актерах, я очень любил и люблю Магомед Кучукова. До сих пор собираю про него всевозможные истории и байки. Никогда не забуду тот день, когда умер Али Тухужев. То, что увидел на его похоронах, пронесу через всю свою жизнь. Магомед Кучуков встал на колени и плача, ладонями выравнивал могилу.

– Тот факт, что Али Тухужев был великим актером, ни у кого не вызывает сомнений, а каким он был в жизни?

– Он умел найти общий язык практически с любым человеком, вне зависимости от возраста. Мог сесть в песочницу и поиграть с детьми, становясь при этом совершенным ребенком, или вести неторопливую беседу с глубокими стариками. Он старался казаться веселым, но, как мне показалось, на самом деле был человеком серьезным и очень глубоким. Артисты, работающие в сатирическом жанре вообще, как правило, люди невеселые. Сатира напоминает кривое зеркало, через которое человек смотрит на самого себя. Мы ставим себе целью «ушипнуть» зрителя, заставить его задуматься.

– Вы полагаете, театр, в первую очередь, несет воспитательную миссию?

– Я в этом уверен. Не будет театра – не будет нации.

– Как по-вашему, перед национальными театрами стоит проблема перевода?

– Не думаю. Если говорить о кабардинском театре, у нас масса других проблем. Театр – это, в первую очередь, действие. Если актер играет талантливо, зрителю все понятно без слов. Почему абхазская труппа выезжает в Швейцарию и без всякого перевода показывает там свои спектакли на родном языке? Почему великий Тхапсаев, исполняя в Королевском театре в Лондоне роль Отелло, декламирует Шекспира на осетинском языке, тогда как все остальные актеры говорят по-английски?

– Что сложнее – заставить публику смеяться или плакать?

– Вызвать бессмысленный смех несложно, гораздо труднее, чтобы зритель понял, почему и над чем он смеется. Я когда-то написал новеллу для прекрасной актрисы Мдины Докшукиной. Перед самым выступле-

нием она отказалась идти на сцену, испугавшись, что не справится с ролью. Я настоял буквально силой. Содержание в общих чертах следующее: старушка-кабардинка живет в Доме для престарелых. Периодически она пишет письма, якобы от сына и вслух читает своим подругам. В зале я увидел людей, которые смеялись, и вдруг на их глазах появились слезы. Плакали даже мужчины, и тогда я понял, что цель достигнута. Кстати, Магина справилась с ролью блестяще... Думаю, в наше время до людей можно достучаться только с помощью сатиры.

– Это мнение как-то повлияло на то, что, продолжая работать в кабардинской труппе, вы открыли собственный театр?

– Скорее да, чем нет. Действительно, в 1992 году появился театр Сатиры и юмора, который в народе называют думановским. За эти годы мы поменяли не одно помещение. Сначала работали на ипподроме, но там был очень маленький зрительный зал – всего 100 мест. Потом переехали в «Нарт». Мне очень помог бывший директор гостиницы – Ахмед Кармов. Можно сказать, он нас приютил. Зал там был в три раза больше. Уже можно было дышать. Проработав три года, оттуда нам тоже пришлось съехать. Сейчас работаем в здании театра имени Али Шогенцукова.

– По образованию вы филолог. Монологи для своих спектаклей пишете сами?

– Совершенно верно. На 99% юморески, которые читают наши актеры на кабардинском, придумал я.

– Вы человек общительный?

– Я стараюсь.

– Ваши знакомые все связаны с искусством?

– Нет. У меня есть друзья и приятели в самых разных слоях общества: от пастухов до министров.

– Хотелось бы услышать несколько слов о вашей семье. Ваша супруга как-то связана с театром?

– Нет. Она далека от сцены. По профессии медицинская сестра.

– Если не секрет, как вы познакомились?

– Давайте опустим этот вопрос.

– О детях спросить можно?

– Пожалуйста. Старшая дочь в юности мечтала стать актрисой, но когда поняла, что я не в восторге от этой идеи, поступила в Кабардино-Балкарскую сельхозакадемию. Сейчас работает в одной из частных фирм. Сын рано увлекся футболом. Я относился к этому нормально, пока он не поступил в КБГУ.

– Расскажите о ваших увлечениях?

– Я коллекционирую музыкальные инструменты, по большей части национальные. Есть экземпляры из Аргентины, Сербии, Греции, Шри-Ланки... Кроме того собираю музыкальные записи, в частности у меня немало фонограмм Государственного академического хора Союза ССР. В моей коллекции украинская, латышская, узбекская, таджикская, ирландская, русская музыка. С удовольствием слушаю оркестр Яни Каламата. Этнический грек, он собрал музыкантов из разных стран мира, и все они играют на своих национальных инструментах. Можете мне поверить, эта музыка просто завораживает.

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

Говорят, есть время разбрасывать камни, и есть время собирать их. В речевом обиходе чаще употребляется, как правило, вторая часть этой библейской притчи. Ибо разбрасывать камни, равно как и сеять разумное, доброе, вечное, можно на протяжении всей жизни. А вот пожинают плоды этих праведных трудов при достижении определенного возраста. Как мне думается, этот временной рубеж наступает в пятьдесят лет. Именно столько исполняется в конце ноября моему другу, о котором я и хочу рассказать.

Родился он в селении Заюково, где с отличием окончил местную среднюю школу. От службы в армии он не «откосил», как это делают сегодня многие молодые люди. Образцово отслужил положенный срок в легендарной ордена Ленина Краснознаменной Кантемировской танковой дивизии. Здесь он заложил первый камень в фундамент будущей профессии, сотрудничая в качестве внештатного корреспондента с газетой «Советский воин». После службы в армии продолжил учебу на историческом факультете КБГУ, откуда и был призван в ряды Советской армии. Армия закалила его и духовно, и физически. Так, в годы учебы он пять раз становился лауреатом конкурса «Студенческая весна», был неоднократным призером республиканского первенства по футболу.

Еще в бытность студентом его пригласили на республиканское радио на должность редактора детско-юношеских передач. Среди радиослушателей того времени большой популярностью пользовались такие молодежные программы, как «Щалэгъуэ пшыхь», «Жаншэрхь» и утренние выпуски «Доброе утро». Этому во многом поспособствовал творческий подход к подготовке радиопередач. Он и сегодня не терпит пресноты, серости, рутинного подхода к делу. Ему надо, чтобы с помпой, в лучшем понимании этого слова, но не пыль в глаза, интрига, но не интрижка. Этому его учили в институте повышения квалификации ВГТРК, на курсах которого он дважды побывал. Кстати, он и здесь отличился. Заняв первое место в конкурсе среди ведущих детско-юношеских программ. А ведь в нем участвовало свыше шестидесяти журналистов со всех концов СССР. Аслан является одним из самых молодых, кого приняли в ряды Союза журналистов СССР, ныне России.

Уроки творческого подхода к подготовке передач особенно пригодились, когда через одиннадцать лет работы на радио его перевели на республиканское телевидение в качестве редактора общественно-политических и социально-экономических программ. Спустя два года он воз-

главил этот отдел. Технические возможности телевидения вдохновили его творческий потенциал. Он с головой ушел в работу. Живой интерес у телезрителей вызывали его юмористические выпуски «Уэллэхьи пэж-тэмэ», «Доброе утро, Кабардино-Балкария» и телевизионные очерки.

Я всегда завидовал ему, когда он говорил на родном языке – кабардинским он владеет, можно сказать, в совершенстве. Поэтому, наверное, и юмор из его уст звучит так заразительно, что удержаться от смеха никак нельзя. Сегодня, к сожалению, байки этого жанра на центральном телевидении, на республиканском их давно нет, напоминают бред известной сивой лошади. Не потому ли над ними ржут?

...Всего два эпизода из трудовой биографии моего друга. Но и они характеризуют его как человека талантливого, постоянно ищущего творческое применение своим силам, знаниям. Он полон энергии, всегда в движении, спокойная, размеренная жизнь – это не по нему.

Пятьдесят – это не конец жизни. Это, как принято считать, ее половина. Так думает и он, мой друг. На этом этапе человек должен взять у времени небольшую паузу, чтобы оглянуться назад и с высоты прожитых лет оценить качество последних. С точки зрения настоящих мужчин, которые якобы должны, чтобы соответствовать этому званию, за свою жизнь построить дом, посадить дерево, воспитать сына, – у него все в порядке: построил, посадил, дал путевку в жизнь двум сыновьям.

Однако жизнь идет своим чередом, не давая времени на долгие подсчеты ее итогов. И друг мой по-прежнему в поисках достойного приложения энергии, бьющей из него фонтаном множества задумок. Дело за выбором – какой из них отдать предпочтение.

Я верю, что мой друг, а зовут его Аслан Шафиев, непременно найдет занятие по душе и всецело посвятит ему оставшуюся половину своей жизни.

Держай, мой друг, и юбилеем тебя!

РАЗВИЛКА МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Это повествование о жизни, любви и судьбе двух влюбленных людей. Оно основано на реальных событиях. Диву даешься, какие кроссворды, ребусы, шарады конструирует жизнь.

Порой думаешь, что ни одному выдумщику, фантасту не удалось бы придумать те сюжетные линии, которые прорисовываются в жизни отдельных людей. А может, нам кажется, что это только у отдельных людей? А может, это достаточно типичные ситуации?

В одном небольшом высокогорном городке в начале 50-х годов прошлого века, ранней весной, с разницей ровно в одну неделю родились в двух разных семьях девочка и мальчик. Девочку назвали Татьяной. Мальчику дали имя Сергей.

Таня и Сережа до семи лет и не знали о существовании друг друга, пока в первый сентябрьский день родители не привели их в школу. Попали дети в один класс к одному учителю. Дети как дети. Играли. Учились. Постигали законы природы и общества. Подружились они к пятому классу. К восьмому же классу подростки стали неразлучны. Сидели за одной партой. Вместе выполняли домашние задания. Вместе организовывали школьные вечера, где Сергей играл на гармошке, а Татьяна пела и без усталости плясала.

Школьные годы приближались к концу, и ни у кого из педагогов и родителей не было сомнения, что у Тани с Сережей будет первая свадьба из числа выпускников того года. Он пошел учиться в технический вуз. Она решила не отставать от милого сердцу избранника, но пошла по гуманитарной части.

Учились они в одном городе, но их встречи стали не столь частыми, а через год прекратились вообще. Татьяна встретила другого парня, по имени Саша, которого вскоре проводила в армию и стала ждать. Два года спустя они поженились. Конечно же, на свадьбу не был приглашен Сергей. Он даже не знал, что любимая когда-то девушка вышла замуж. В неведении друг о друге Сергей с Таней пребывали много лет.

Татьяна родила и воспитала двух прекрасных сыновей. Сергей, как выяснилось впоследствии, растил своих дочек от женщины по имени Виктория. Виктория не была любимой женой Сережи, хотя у них и было пять дочерей.

И вот по истечении почти двадцати лет со дня окончания школы, на встрече одноклассников, довелось увидеться Сереже с Таней. И тут-то все и началось. Не было дня, чтобы они не встречались или хотя бы не созванивались. Казалось, не существует такой силы, которая бы могла помешать их встречам. Остановить поток нерастроченной любви, который напоминал течение горной реки в родном городке, на берегу которой они встречали не один рассвет.

Для родных и близких Сергея и Тани встречи их оставались тайной. Эта таинственность придавала еще больше интриги, азарта возго-

ревшемся с новой силой огню их любви. Только наличие детей было для них преградой. Отношения продолжались еще в течение нескольких лет. Они буквально вырывали из орбит своих близких кусочки счастья и любви.

Но вот однажды, в один из серых пасмурных дней октября, Татьяна обратилась к доктору с жалобой на боли в области груди. Врач осмотрел клиентку и велел делать срочную операцию по удалению обнаруженной опухоли. Был назначен день и час.

В определенный час Татьяна пришла к доктору. Кого же она увидела?! В это же время по такому же диагнозу у этого же врача оказалась и Виктория, законная жена Сергея! В первые секунды была некоторая растерянность, но никто не стал отменять свое решение – идти на операцию.

В один и тот же день, друг за другом, одним и тем же врачом были прооперированы обе пациентки.

Настали дни тяжелого послеоперационного периода. Викторию определили в соседнюю с Татьяной палату. Их разделяла одна стена, а вернее они лежали по разные стороны одной и той же больничной стенки.

Сергей по несколько раз в день навещал свою жену, а случайно встречая Татьяну в коридоре больницы, даже не разговаривал с ней. Из дня в день повторялось подобное поведение Сергея. Татьяна очень сильно нервничала, переживала, рыдала, не могла себе места найти от возмущения. Как мог себя так вести любимый человек, за которого она готова была жизнь отдать!

Выписались обе женщины из больницы. Время от времени они встречались на консультациях у доктора. Переживания Татьяны усиливались изо дня в день тем, что ни разу Сергей не позвонил и не спросил, как ее здоровье. Слова родных и близких о том, что она должна беречь себя и, самое главное, не нервничать, игнорировались Таней.

Прошло еще несколько мучительных месяцев, и Татьяна умерла, не прожив на этом свете и пятидесяти лет. А судьба Виктории сложилась по-иному. Хотя со дня операции прошло уже восемь лет, она живет и здравствует в любви и согласии со своим мужем. Складывается впечатление, что про болезнь она уже и не помнит.

Сергей же сегодня думает о том, какие свадьбы будет играть своим дочерям, три из которых почти одновременно решили выйти замуж. А на вопрос, мучают ли его угрызения совести, у Сергея до сих пор нет ответа.

Рита АФАШОКОВА,
учитель русского языка и литературы,
член общественного совета МОН КБР,
с. Былым

«Моя родина там, где моя библиотека»¹

Одним из главных достоинств, или, как сегодня принято говорить, истинной ценностью классической средней школы, является библиотека.

История школьных библиотек насчитывает не одну сотню лет. Но сегодня, к сожалению, в век компьютеризации, информационных технологий и электронных книг ходить в библиотеку стало немодным занятием.

Тезис о преобразовании «информационного общества» наших дней в «общество знаний» очень важен и может быть реализован тогда, когда развивая новые электронные ресурсы и сервисы для образования и научной деятельности школьников, мы сумеем сохранить традиции книги – книжной культуры, не предадим забвению силу печатного слова, а значит, не оставим в этом информационном потоке душу читателя.

Школьная библиотека, как часть образовательной системы и традиционной культуры, может и должна сохранить возможность человеческого общения, духовного обмена, традиций чтения.

Приобщение к книге, как правило, начинается с детских лет, а потому проблема развития читательской активности у подрастающего поколения является одной из актуальных.

Именно в эти годы книга становится важнейшим инструментом познания действительности, способствует формированию представлений о природе и окружающем мире, помогает в определении жизненного пути.

Несмотря на все технические достижения, дети остаются детьми. Думаю, что им всем по-прежнему нужны понятные и добрые сказки, увлекательные и эмоциональные игры. Поэтому школьные библиотеки должны выполнять не только свои функции, но и являться воспитателями, педагогами, актёрами.

Меня, как словесника, тревожит нигилистическое отношение молодёжи к живой книге, а значит и к посещению библиотеки. Учителям, совместно со школьным библиотекарем, надо стремиться к совершенствованию работы школьной библиотеки.

Хотелось бы изложить свою точку зрения на решение проблемы по совершенствованию работы школьных библиотек и повышению роли книги. Это:

1. Пропаганда детской книги с использованием игровых моментов.
2. В уголке для самых маленьких можно оформить большую

¹ Слова Э. Роттердамского.

книжную иллюстрированную выставку «Почитаешь-поиграем», где по соседству с книгами удобно сидят куклы – герои той или иной сказки.

3. Организация выездного читального зала «Библиотека без стен» (на улице с книгой знакомятся с удовольствием).

4. Круглый стол с участием учащихся 7-11-х классов «Перспективы развития школьной библиотеки» в рамках секции «Школьники в библиотечном зале».

5. Проведение презентации и выставки «Библиотека – центр диалога культур».

6. Проведение виртуальных экскурсий.

7. Организация конкурса «Самый читающий класс», «Самый читающий ученик».

8. Организация «Пресс-центра» (для тех, кто интересуется журналистикой, кто хочет попробовать себя в качестве корреспондента).

9. Разработка рекламных буклетов, листовок, плакатов, где даётся информация о высших и средних учебных заведениях (для учащихся 9-11-х классов).

10. В читальном зале оформить книжные полки с литературой о специальностях.

Проведение этих мероприятий, думаю, повысит роль книги и школьных библиотек, а наши дети научатся общаться в любом коллективе, в любой ситуации чувствовать себя человеком и личностью.

А работникам школьных библиотек, работающим без всякого энтузиазма, хочется сказать: «Нельзя держать книги запертыми, словно в тюрьме, они должны непременно переходить из библиотеки в память».

НА БЛАГО ЛЮДЯМ

Х. Х. Кишев

Сегодняшнее село невозможно представить без специалистов в самых различных областях производственной и общественной деятельности: агрономов, животноводов, экономистов, инженеров, учителей, врачей, местных депутатов, но для того, чтобы работа этих людей шла в нормальном русле, чтобы в социальном плане у них не было проблем, многое зависит от руководителя, от его деловых качеств. Бывают и незаменимые руководители, в этом убедилась после того, как узнала Хасена Хамитбиевича Кишева, которого во Втором Чегеме знает, пожалуй, каждый. Он – интеллигент в самом глубоком смысле этого слова.

Родился Хасен Кишев в селении Чегем-2. После окончания средней школы в 1991 году поступил в Кабардино-Балкарскую сельскохозяйственную академию. Вскоре он стал работать в КП «Чегем» – мастером-наладчиком в мехмастерской. В марте 2000 года был переведен на должность механика ПСК «Чегем». В феврале 2003 года Хасен был назначен главным инженером ПСК «Чегем». Спустя некоторое время поступает на работу в ООО «Доргранит» – заместителем директора МУП «Чегемвод», и вскоре поднимается до уровня директора ООО «Псынэ». Все знания, весь свой опыт Хасен Хамитбиевич использовал с максимальной отдачей.

В 2012 году Хасена Кишева назначают главой администрации селения Чегем-2. Когда ему предложили пост руководителя родного села, он не отказался, ибо знал – очень многие жители хотели видеть его в этой должности. И он преуспел во многом. Второчегемцы чувствуют, что администрация во главе с Хасеном Хамитбиевичем старается облегчить им жизнь, и многие рады этим позитивным изменениям.

КАМУШЕК

...Кто галстук, кто крестик, ладанку, медальон с портретом любимой, колье бриллиантовое, бусы... А он камень носил на шее. Откуда и как он там оказался – не знает. Но, похоже, что это тот самый камень, о котором народная молва сообщает. Его держать за пазухой не надо бы.

А он носил. На тонком из обычных ниток шнурочке. Маленький, кругленький, серенький. Да и, вообще-то, как бы и ничего. Но камушек к подростковому возрасту обладателя стал увеличиваться да увеличиваться. Да и подрос с теннисный мячик.

Дальше – больше! Он стал все подрастать и прибавлять в весе. Ну, прямо беда с ним! И вот уже у него на шее, на крепкой веревке, камень – размером с кирпич.

Пробовал он от него каким-либо образом избавиться: подарить кому-либо, забыть где-либо... Да какое там!.. Камень уже поболее футбольного мяча, никуда не отпускает. Да так и норовит на крутую гору подняться, да вдвоем с нее скатиться. Либо наоборот: он в заоблачную высь стремится, а камень его к земле тянет. А если тому захотелось в море-океане поплавать, порезвиться, поплескаться, так камень его сразу на дно тянет.

Дальше – хуже! Жить стало совсем грустно. Да и что это за жизнь такая, с камнем на шее? Весом с себя самого. Ни бегать, ни летать, ни плавать, да и ходить – быстро ли, не спеша, камень на шее уже не дает. А ему все невдомек, что пора прекратить врать и воровать, обижать и надувать, ближнего и дальнего. И вообще не совершать всякого рода гадостей и пакостей. И тогда камень вновь станет маленьким, сереньким и тепленьким. И будет ему напоминать о том, что он человек! Человек добрый, терпимый, ласковый, отзывчивый, любимый и любящий.

ПАХАРИ

Отец с сыном пахали – устали. Да и обедать пора. Пасхальные дни уже закончились. А куличи, яйца крашеные и другая какая снедь еще остались. Расположились отец с сыном на бугорке. Яркое весеннее солнышко греет, птички поют. В конце трапезы сын отцу и говорит:

– Батя! Гляди, наш поп-батюшка в поте лица своего пашет на своей деланке. Пойду да отнесу я ему пару яичек?

– А чего не отнести? – благодушно говорит отец. – Отнеси сын. Божий человек! Слово какое доброе перед господом замолвит. За нас, грешных. Да скажи, Савелий, мол, кланяться велел.

Сын пошел, зажав яйца в кулаки. Приходит к попу, а тот распрягает быков. Видимо, обедать тоже намередается.

– Батюшка! Отец прислал вам пару крашенных яичек, да велел передать, что взамен он ваши оторвет! Да заодно и голову. Если вы к нашей матери по ночам через забор шастать не перестанете!

Деревенские мужики после уборочных и других полевых работ уходили на заработки. Кто плотничал, кто печи клал. Другие какие работы выполнять по окрестным селам. Савелий плотничал.

Когда сын вернулся, Савелий спросил:

– Ну, чего там, батюшка много вспахал?

– Да не! Половину. С сохой чего-то не ладится. Просил прийти помочь – что-то там забить или отрубить надобно. Топор с собой прихватил.

– А чего не подсобить? Божий же человек! Слово же замолвит! – Видимо, Савелий по окрестным селам не только топориком помахивал. – Помочь? Как же не помочь! Надо, конечно! Почему же нет. А то!.. Божий человек! – бормочет Савелий. Берет топор и шагает напрямик через пахоту к попу, ловко поигрывая топором, перебрасывая его из одной руки в другую.

Поп как увидал!..

Его с креста, что маковку храма венчает, пожарная команда снимала.

ОСТРОВОК

Островок в океане метров пятьдесят в диаметре. Обитаемый.

Проживает на островке одна семья: папа, мама, три сыночка и две дочки. Вдоль береговой линии растут пальмы. В глубине банановые, финиковые, тутовые деревья. Смоковница. Хлебное одно. Яблоня и груша. Рядом рошица ореховая. В самом центре островка ручеек из-под камушка булькает. Ива плакучая над ним. Кругом грядки с овощами: капуста, томаты, петрушка, укроп, сельдерей, морковь...

Куст красной, куст черной смородины. Картофельные клубни размером с дыню, а репа с тыкву. Полоски с овсом колосятся. Да рожь зеленеет.

Неурожайных лет не бывает. Да и зимних холодов, со снежной порошей, стылых осенних ветров никогда не наблюдалось. Один урожай еще не съели, второй уже созревает.

Теплый Гольфстрим от кораблекрушений чего-либо выносит да на берег кидает: бутылки, чашки, ложки, другие какие полезные в хозяйстве вещи.

Меня – вон тоже выкинуло! Но! Мачту починю, парус залатаю, благоприятных муссонов дождусь и... уйду! Наполнив ветром паруса, на восходе или на закате дня.

Глава семьи просил о них никому ни слова! А то ведь набегут! Налетят. Наплывут. Наедут. Они же сами на острове живут инкогнито. Поселились, правда, давненько. Три либо пять тысяч лет до рождества Христова. Еще не было на земле семи чудес света, колеса, атомной бомбы, телевизора и сотового телефона. Старожилы они как бы уже... аборигены даже.

Животных и пернатых сначала было шестеро: заяц, коза, лиса, попугай, ворона и петух. Недавно, этак лет триста как тому, воробей залетел. Теперь их стало семеро.

КУРАМ НА СМЕХ

Вызвали как-то куда-то корову да и назначили... рысаком! «И-го-го! – заржали кони. – Так не бывает!». Ан нет, бывает всякое, тем более что ей (корове бывшей) уже и сбрую разную (для будних и парадных скачек) выделили: уздечку там, попону, седло. Только непонятно всем: на кой корове седло-то? Рацион, конечно, соответствующий дали, уход, все путем. Персональная кормушка, телега на резиновом ходу, конюх, проездные, ездовые и прочее.

Соседи по конюшне рысачат себе, кто на ближних, кто на дальних дистанциях. Кубки, призы, дипломы разные получают, словом, овес свой в поте да пене зарабатывают. А что же наша буренушка, вернее, рысак? Знай себе жует да мычит, мычит а жует, а бывает, и вовсе не мычит и не телится. Или, как говорят, ни быка, ни молока!

Отшумела половодьем весна, кануло утренними росами лето, отзвенел осенний листопад, косою зимнюю шубу надел, вновь созрели овсы.

Вскоре в закромах и кормушках появился корм нового обмолота. Жеребцы и кобылицы скачут да скачут, кто галопом, кто рысью, а кто аллюром! И, конечно, опять высокие призы берут, а героиня наша все жует да мычит. Пробовали ее было вывести из конюшни и под седло поставить... Куда там! Лбом упирается, рогами бодается, хвостом отмахивается, копытами отбрыкивается. «Не могу, – кричит, – не хочу!» – мычит. Беспородные и те возмутились: это что, мол, за привилегия такая, за какие такие выслуги да заслуги? «Нас, скотину тягловую, можно, значит, в хомут и в ярмо, а чуть что – и оглоблей по хребту, а эта яловая скотина кого и что из себя строит?» – «На колбасу ее, а шкуру – на барабан!» – проржал кто-то. А с другой стороны добавили: «Рога да копыта – на бижутерию!»

Но не тут-то было. Сверху вдруг рык раздался, да такой, что жутко всем стало: «Раз-де-ру! Раз-го-ню! Не поз-во-лю! Нель-зя! Заслуги... Жирность... Известность... Породистость... На всю... На вся...!». Но кони свое скандируют: «На кол-ба-су!» Шум там такой поднялся, что и люди не выдержали: «Сальгисон!» – раздался чей-то не очень приятный голос. «Котлеты пожарские, котлеты киевские», – пророкотал неуверенный бас. «Харчо! Харчо!» – «Хочу хаш! Хаш хочу!» – понеслось со всех сторон. А сверху вновь строгий голос: «Нельзя! Из рысаков сразу в коровы? Не положено! Тут надо подумать, пошевелить, пораскинуть...» – «Да чего думать-то! – дружно уже, в один голос воскликнули и кони и люди. – Опять в буренки перевести – и все тут! Ошибка же вышла». А в ответ: «Ошибка – оно да, но только... как-то... все же... надо бы...».

Словом, на общем собрании постановили: перевести числившуюся в рысаках корову в... корову. И пошла эта бумага на утверждение (куда надо), а там... А там подумали и решили: раз несколько сезонов в рысаках числилась, то в прежнем положении как-то... Нет, не поймут нас выше. И вышла резолюция такая: «Учитывая и в связи с... перевести вышеназванную корову-рысака в верблюды».

ИГЪОДЖАКЛУЭ

Мана, Соци А. оло.
Ил. Энри А. оло.

Соцыху сэ егъэджаклуэ
Цыху дахэ сэ соцыху.
Къэгъуэтыгъуейщ нэхъ жьаклуэ
Нэхъ хэзыщдыкI зи Iуэху.

Ежбу:
Анэдэлхубэзэрщ и псэр,
Ар хэти щещI гунэс.
Лъэпкъ тхыдэр тету набдзэу
КъэкIунум йогупсыс.
Ар егъэджаклуэщ, ар егъэджаклуэщ,
Ар ушыякIуэщ, уей.

И цэхухэм тхэн IэщIагъэм
КъсхуищIмэ сэ и гугъу, -
Уэгу къащхъуэм сыхэу вагъуэ
Къэсхыну си гур мэху.

Ежбу.

Яхоплъэ щIэблэ къэхьум,
Яретыр Iэзу дерс.
КъахэжаныкI ильагъум -
КъыфIокIуэр гуфIэ нэпс.

Ежбу.

Къиплъамэ зэ уи нэгум -
ИщIэжкыым уи псэм псэху.
Соцыху сэ егъэджаклуэ,
Цыху дахэ сэ соцыху.

Ежбу.

***

В настоящем сборнике представлены статьи, письма и записи выступлений публицистического характера, посвященные проблемам культуры и истории, которые отражают попытки автора найти ответы на различные злободневные вопросы современности. Некоторые из них нашли отражение в прессе («КБП», «Газета Юга», «Голос Кабарды», журналах «Дружба народов», «Свет»), Интернет-сайтах. Другая часть не публиковалась.

«За мир и дружбу на планете! За счастье всех детей на свете!»

В Майском районе республики, в средней школе № 5 состоялась торжественная презентация книги Раисы Дьяковой «Дорогами дружбы», где присутствовали директор школы № 5 Людмила Чепурная, член общественной палаты, писатель, журналист Мария Котлярова, начальник отдела культуры Майского района Ольга Бездудная, председатель райкома профсоюза работников образования Елена Бабенко, директор Майского историко-краеведческого музея Елена Федорова, а также руководители школ, учителя и учащиеся. Книга посвящена большой и интересной работе клуба интернациональной дружбы, которым на протяжении 40 лет руководила Раиса Ивановна. Книга – это летопись, где представлен

богатый практический опыт и солидный багаж знаний интернационального воспитания молодежи.

ЦИКЛ ЗМЕИ

(по восточному календарю)

Годы Змеи – ключевые и поворотные в истории России

Годы Змеи в 19-ом и 20-ом веках:	События Отечественной истории
1869	Реформы в России. Народничество.
1881	Взрыв в Зимнем дворце, убийство Александра Второго. Разгул терроризма. «Народная Воля» и др.
1893	Начало царствования Николая Второго «Кровавого» – последнего российского монарха. Образование в 1893-94 «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», возглавленного молодым Лениным (далее – ВКП(б), далее КПСС, ныне – КПРФ). Распространение в России марксизма – как подпольных кружков по его изучению, так и «легального марксизма».
1905	Первая русская революция 1905-07 гг. Всеобщее опьянение идеей революции, «свержения самодержавия», особенно среди русской интеллигенции («Вехи» и мн. др.)
1917	Участие России в 1-ой мировой войне, вылившееся в падение монархии, Февральскую, затем Октябрьскую революцию. Приход к власти большевистской партии, вооружённой марксистской идеологией.
1929	Год «Великого перелома» – начало разгрома «Ленинской гвардии» и полный разгром именно в тот год троцкистской оппозиции (предлагавшей альтернативные пути социализма в СССР!) усилившимся сталинским аппаратом. Голод в стране. Год «сплошной» коллективизации (с «перегибами»). Но и год начала великих строек, определивших, по сути, дальнейшую жизнь страны.

1941	Начало Великой Отечественной войны. От исхода этой войны, самой кровопролитной в истории человечества, зависело – быть ли дальше не только СССР, но и многим народам мира и самой цивилизации.
1953	Смерть Сталина – конец эпохи сталинского тоталитаризма в предельной форме. Далее постепенно «смягчается времён суровость» (Б. Пастернак). Сталинская эпоха продолжает оставаться предметом бурных дискуссий. Одно несомненно – это был самый необычайный период в истории российского государства – по трагизму и величию не имеющий аналогов. ...Но и этот период чётко уложился в рамки жёсткого космического цикла. Всё проходящее, ничто не вечно.
1965	В 1964 – конец «оттепели». И – последнего массового всплеска веры в социалистические идеалы и коммунистическое будущее. Далее идёт только угасание идеи. «Смягчается времён суровость. Теряют новизну слова» (Б. Пастернак).
1977	Принятие брежневской конституции, последней в истории Советского Союза. Первый в истории социалистический эксперимент близится к самоисчерпанию. Отсюда – «застой». Великие когда-то слова, будоражившие не одно поколение, окончательно «потеряли новизну» и притягательность в массах и даже в верхушке строя.
1989	Цикл замкнулся: в 1881 г. началось мощное революционное движение в России – две революции (1905 и 1917) – социалистический эксперимент и – отказ от социализма в 1989 году (череда бурных восточноевропейских «демократических революций» и скорое крушение советского государства).

История возникновения морского клинка (кортика)

Повесть Анатолия Рыбакова «Кортик» – увлекательная, полная захватывающих приключений, повествующая об истории одного кортика, – если вы еще не читали эту книгу, обязательно найдите ее и прочтите – не пожалеете.

В конце XVI века европейские аристократы вооружались охотничьим тесаком («оленьим ножом») – кортиком. Длина этого оружия колебалась от 50 до 80 см. Таким кортиком можно было и колоть, и рубить, к тому же кортик был красив – его украшал серебряный эфес с изображением сцен охоты или мифологических сюжетов.

С начала XVII века кортик потеснил длинную и тяжелую шпагу – дворянам проще было защищаться им на улицах, брать с собой в путешествия, а также передвигаться пешком и в карете. И уж совсем незаменим кортик стал на море. На корабли кортики попали благодаря буканьерам. Для разделки туш убитых животных и приготовления копченого мяса (букана) использовали охотничьи тесаки.

Наступил XVIII век. Абордажи и схватки на верхних палубах морских разбойников постепенно отошли в прошлое. Им на смену пришли артиллерийские поединки. Кортик перестал быть обязательным оружием на море. Но офицерам было положено носить холодное оружие, поэтому они продолжали заказывать кортики – но более короткие, длиной до 50 см.

Когда появился кортик? Историки полагают, что в конце XVI века. Его использовали как абордажное оружие. Испания и Португалия, господствовавшие на морях в те времена, вооружили своих моряков длинными тонкими рапирами. Рапиры предназначались для ведения боя на верхней палубе корабля, если судно возьмут на абордаж османские пираты. И это имело смысл – турки были вооружены короткими кривыми саблями и короткими ятаганами, куда им против рапир!

Примеру испанцев последовали английские приватиры, так звали «морских волков» Елизаветы I. И введенное в морской обиход испанцами оружие обернулось против них же самих – железо испанцев насквозь прошивалось английскими рапирами. Но были у рапиры и недостатки. Она прекрасно трудилась на верхней палубе, но для боя у мачт, вант или в помещениях корабля никуда не годилась. А абордаж? Попробуй вскарабкаться на борт вражеского корабля, держа в руках рапиру! Тут нужны две свободные руки. И мгновенная реакция, чтобы, прыгнув на палубу, тут же выхватить оружие.

Около 1800 года кортик был признан официально. Английский флот стал изготавливать кортики по установленным образцам.

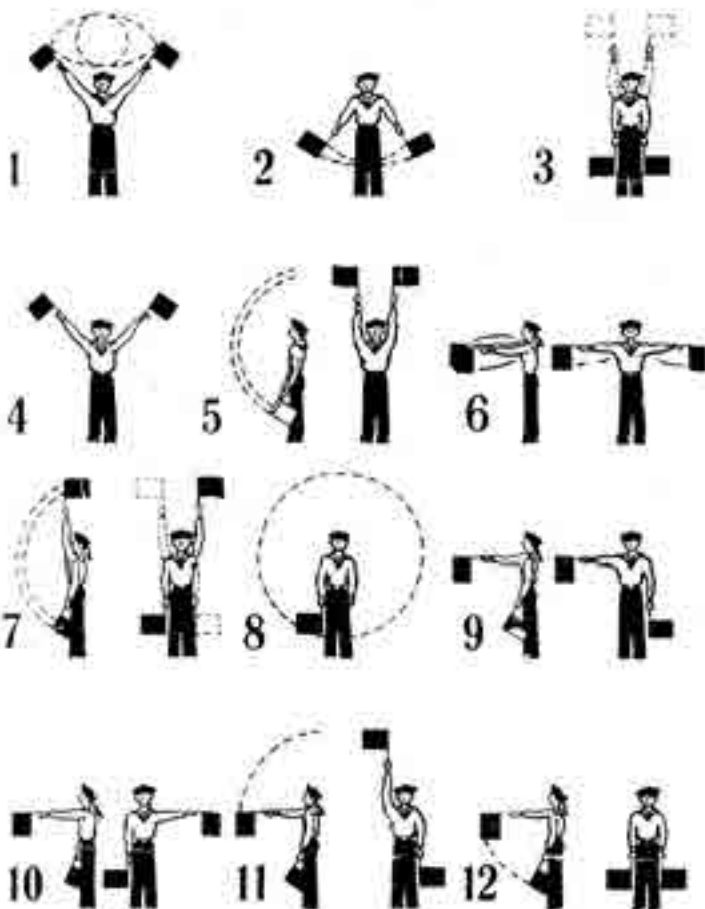
Длина кортика составляла 41 см, рукоять обтягивали кожей акулы, навершие делали в виде львиной головы.

А историю кортика с линкора «Императрица Мария», который хранил зашифрованный секрет и вверх в опасные приключения школьника Мишу Полякова, прочтите сами, ведь книга «Кортик» есть в любой библиотеке.

Азбука Морзе

А • —	ай-ДАА	Алиа
Б — •••	БАА-из-то-кут	Борис
В • — —	ви-ДАА-ЛАА	Василий
Г — — •	ГАА-ГАА-риг	Григорий
Д — ••	ДОО-ми-ки	Дмитрий
Е •	есть	Елена
Ж ••• —	жэ-лэ-ки-ТАА	Жени
З — — ••	ЗАА-КАА-пи-ки	Зинаида
И ••	и-ди	Иван
Й • — — —	и-КРАТ-КОО-ЕЕ	кроткий
К — • —	КААК-лэ-ЛАА	Константин
Л • — ••	лу-НАА-пи-ки	Леонид
М — — —	МАА-МАА	Михаил
Н — •	НОО-мер	Николай
О — — —	ОО-КОО-ЛЮО	Ольга
П • — — •	пи-ЛАА-НОО-ет	Павел
Р • — •	ре-ШАА-ет	Роман
С •••	са-мо-лет	Семен
Т — —	ТААК	Татьяна
У •• —	у-ме-ЛЮО	Ульяна
Ф •• — •	фи-ли-МООН-чик	Федор
Х ••••	хи-ми-чи-те	Харитон
Ш — — — —	ШАА-РОО-ВАА-РЫЫ	Шура
Щ — — • —	ЩАА-ВААМ-ле-ЩАА	Щука
Ц — • — •	ЦААГ-ли-ЦААГ-ли	Цитли
Ч — — — •	ЧАА-ШАА-ТОО-чет	Человек
Э •• — ••	э-лэ-РОО-ли-ки	Эго
Ю •• — —	ю-лэ-АА-НАА	Юрий
Я • — • —	я-МААЛ-э-МААЛ	Яков
Ь — •• —	ТОО-миг-ки-ЗНАК	знак
Ы — • — —	ЫЫ-ле-НАА-ДЮО	рыц
Ь — ••• —	РААЗ-лэ-ли-то-КАА	рицел
1 • — — — —	и-ТОЛЬ-КО-ОД-НА	
2 •• — — —	и-ли-ГОР-КУ-ШЛА	
3 ••• — — —	три-те-бе-МА-ЛЮ	
4 •••• — —	чет-во-ре-ли-КА	
5 •••••	ли-ли-лэ-ли-с	
6 — ••••	ГО-шко-ли-бе-ри	
7 — — •••	ДАЙ-ДАЙ-ли-ку-риц	
8 — — — ••	ВОСЬ-МО-ГО-и-ди	
9 — — — — •	НО-НА-НО-НА-ми	
0 — — — — —	НОЛЬ-ТО-О-КО-ЛЮ	

СЛУЖЕБНЫЕ ЗНАКИ ФЛАЖНОГО СЕМАФОРА

Служебные знаки флажного семафора:

1 — знак ожидания; 2 — знак ответа; 3 — знак разделительный; 4 — знак вызова; 5 — знак повторения или ошибки; 6 — знак вопроса (флажки повторяется буква Т); 7 — знак окончания; 8 — знак невозможности приема. В сумерки — переходите на другое кристальное стекло (делается три круга одним или двумя флажками, в одной руке прямо перед собой); 9 — передайтесь в правую от меня сторону; 10 — передайтесь в левую от меня сторону; 11 — вставайте выше; 12 — вставайте ниже.

Цифры 1 соответствует положению буквы И; 2 — буквы В; 3 — буквы Е; 4 — буквы Н; 5 — буквы С; 6 — буквы Г; 7 — буквы О; 8 — буквы Р; 9 — буквы П; 0 — буквы Т

РУССКАЯ СЕМАФОРНАЯ АЗБУКА

Главной книгой последних десятилетий по числу переводов, тиражам, объемам продаж и всем прочим показателям признана история Гарри Поттера.

Автор эпопеи писательница Джоан Роулинг, в прошлом – простая учительница, и не мечтавшая о славе, заработала уже более миллиарда долларов, и с 2004 года является самой богатой женщиной Великобритании.

Опубликованные романы о Гарри Поттере были переведены на 64 языка! И не исключено, что многие фанаты «поттерианы», чтобы прочесть книги первыми, выучили английский язык. На русском книга «Гарри Поттер и роковые мощи» вышла тиражом 1 миллион 800 тысяч экземпляров. Все поклонники романа, а в их числе Джордж Буш младший и Стивен Кинг, как дети, просили сохранить Поттеру жизнь. Просто удивительно, какой властью над миром обладает эта женщина, писательница Джоан Роулинг.

Свой первый рассказ о Кролике Джоан написала в 6 лет. Да и потом богатая фантазия девочки то и дело подсовывала ей интересные сюжеты, а рукописи она повсюду возила с собой в коробках. Весёлая рассказчица, несмотря на уродливые очки с толстыми стёклами, в любой компании – и в школе, и в колледже – становилась популярной. Во взрослой жизни стало сложнее: работодатели полагали, что творчество и мечты отвлекают мисс Джоан от работы, и то и дело увольняли её.

Действительно, сюжеты являлись к Роулинг в самые неожиданные моменты. Волшебная история мальчишки-очкарика сама собой придумалась в 1990 году, когда Джоан было 25, в поезде на пути из Лондона в Манчестер, куда она ехала на свидание. Возможно, Джоан никогда бы и не написала эту фантастическую сказку, но только писательство в тот момент могло ей помочь справиться с бедами. От рассеянного склероза умерла мама Джоан, которой было всего 45, затем воры ограбили квартиру будущей писательницы в Манчестере, а потом девушка рассталась со своим молодым человеком. И вот, после очередной ссоры, она перебралась в небольшой отель на окраине, где в холодных комнатах родился Гарри Поттер.

Всего было продано около 350 миллионов экземпляров книг о Гарри Поттере. Первый тираж последней книги о Поттере в России составил 1,8 миллиона экземпляров. Выпущено семь видеоигр по сюжетам книг о Гарри Поттере. Брэнд «Гарри Поттер» оценивается в 4 миллиарда долларов США.

Джоан Роулинг является обладательницей большего состояния, чем королева Елизавета II. По книгам о Гарри Поттере снято и выпущено семь полнометражных художественных фильмов. Переводы на русский язык сделаны издательством «РОСМЭН». Имена некоторых персонажей книг изменены.

Материалы «Цикл змеи», «История возникновения морского клинка», «Азбука Морзе», «Спрашиваете – отвечаем» подготовила Лейла Батит

В номере:

<i>Анатолий Парпара.</i> «Он начал сразу как власть имеющий». <i>Статья</i>	3
Интересная находка. <i>Статья</i>	11
<i>Хаути Шогенов.</i> О родственных связях Лермонтова с кабардинскими князьями Черкасскими. <i>Статья</i>	15
«Яркая личность с открытым сердцем...» <i>Статья</i>	18
<i>Саладин Жилетежев.</i> Испытание мужеством. <i>Гл. из романа</i>	20
<i>Юзейир Жулабов.</i> Крысы. <i>Рассказ</i>	38
<i>Амур Шеретлоков.</i> Шеретлоков Тау-Султан Алиханович. <i>Очерк</i>	47
<i>Мариям Кантемирова.</i> «Моя весна играла на свирели...» <i>Статья</i>	59
<i>Мадина Буранова.</i> «Пусть Ваше сердце всегда стучит в ритме горных рек...» <i>Очерк</i>	62
<i>Аслан Мамхегов.</i> Кружит аист над Красным Гедуко.	72
<i>Елена Стельмах.</i> В миниатюрной строке – «соль» жизни. <i>Статья</i>	87
<i>Хасани.</i> <i>Рубаи</i>	91
<i>Константин Елевтеров.</i> Ковер. <i>Гл. из романа</i>	100
<i>Задин Маремов.</i> Вспоминая Асланби Ахохова... <i>Очерк</i>	109
<i>Мусса Психомахов.</i> Прометей в большой политике. <i>Очерк</i>	114
<i>Мухамед Хафицэ.</i> Правда всегда сближает народы. <i>Статья</i>	121
<i>Михаил Герандоков, Руслан Герандоков.</i> Национальный язык: проблемы ассимиляции и исчезновения. <i>Статья</i>	125
<i>Пишкан Таов.</i> Времен связующая нить. <i>Статья</i>	134
<i>Султан Пишибиев.</i> Хранитель традиций. <i>Очерк</i>	142
<i>Амина Эркенова.</i> Протяни руку – и прочти. <i>Статья</i>	147
<i>Муталип Бенпаев.</i> Монолог сердца и души. <i>Очерк</i>	155
<i>Али Байзулла.</i> <i>Стихи</i>	156
<i>Амина Ворокова.</i> <i>Стихи</i>	160
<i>Татьяна Подыман.</i> <i>Стихи</i>	162
<i>Мурадин Тлупов.</i> <i>Стихи</i>	165
<i>Жаухар Аппаева.</i> Тропа к сердцу.	169
<i>Магомед Дугаев.</i> «Это моя профессия...» <i>Очерк</i>	173
<i>Борис Борисов.</i> Мурадин Думанов: не будет театра – не будет нации. <i>Очерк</i>	176
<i>Алихан Шурдумов.</i> Время собирать камни. <i>Очерк</i>	180
<i>Маржан Мокаева.</i> Развилка между жизнью и смертью. <i>Очерк</i>	182
<i>Рита Афашокова.</i> «Моя Родина там, где моя библиотека». <i>Статья</i>	184
<i>Лана Лозэ.</i> На благо людям. <i>Очерк</i>	186
<i>Евгений Листопадов.</i> <i>Рассказы</i>	187
<i>Д. Согов, А. Бицуев.</i> ЕгъэджакӀуэ. <i>Песня</i>	190
<i>Книжные новинки</i>	191
Цикл Змеи. <i>Статья</i>	192
История возникновения морского клинка. <i>Статья</i>	194
Азбука Морзе. <i>Статья</i>	195
Спрашиваете – отвечаем	198

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
Управление Роскомнадзора по КБР
ПИ № ТУ 07-00037 от 12.10.11 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *Л. М. Батит*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Подписано в печать 29.01.14. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,5.

Тираж 2431 экз. Заказ № 17. Свободная цена

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

www.pressa.smikbr.ru

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано ООО «Тетраграф».

КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).